

Святослав Соболев- это имя известно каждому в регионе И не потому, что он очень богат. Или все городские проекты в сфере благоустройства, благотворительности так или иначе связаны с его фирмой — нет. Каждый в городе, услышав его фамилию, горестно вздыхает, сочувственно качая головой. Ещё бы, каково мужчине потерять любимую жену, да ещё и беременную...

Соболев возвращается с того света. Возвращается другим- озлобленным на весь мир, ненавидящим. Но задержаться он решает не просто так — какой-то малолетке из детского дома из жалости пересадили сердце его жены...

Family

Святослав:

— Хватит...ну перестань- жена пытается убрать мои руки, уже всю хозяйствующие под ее тонкой кофточкой, но я знаю- все это напускное. Алёна хочет этого не меньше меня- это выдают ее увеличившиеся от возбуждения зрачки, учащенное дыхание. В противовес словам она прижимается ко мне все тесней, ёрзая по моему каменному стояку своей круглой попкой.

— Давай уедем отсюда? — томным шепотом озвучивает она мои мысли. Легким движением головы откидывает прядь непослушных локонов назад, а я залипаю как пацан- настолько этот жест полон женственности, сексуальности. Она знает, как меня завести.

Подхватываю ее на руки под возмущенные шепотки наших соседей по модному шоу, несу к выходу. Алёна лишь тихо смеётся, уткнувшись лицом мне в плечо. В машине садимся на заднее сиденье, я нажимаю кнопку- и плотный экран, выдвигаясь, закрывает нас от водителя.

— Это то, о чём я подумала? — шепчет мне на ухо Алёна, нежно обхватывая мой уже рвущий ткань брюк член.

— Да, да... — хриплю я, сжимая руками ее ягодицы. Все, чего я сейчас хочу — насадить ее на себя, до упора утонув во влажной глубине. Но жена, удовлетворенно улынувшись, отстраняется. Пристав на сидении, она смотрит на меня, медленно спуская кофту с одного плеча, с другого. Приспускает тонкий кружевной бюстгалтер — ее грудь, освободившись от одежды, дразнит, подрагивая в такт движению машины. " Только бы не кончить от одного ее вида.

Алена, бесстыдно раскинув стройные загорелые ноги, откидывается на спину. Она лишь подмигивает мне, видя жадный блеск в моих глазах:

— Да, я без трусиков. Сам видишь — кивает она на тонкую юбку, приподнятую теперь вверх, на талию, — они были бы лишними.

Удерживая мой взгляд, начинает ласкать себя- стерва! Знает, как это действует на меня. Ударяясь о сиденье, лихорадочно срываю с себя одежду, наблюдая, как ее тонкие пальцы входят внутрь нежно-розовых, исходящих соками, складочек.

Едва расстёгиваю брюки, как она встаёт, упираясь рукой мне в грудь:

— Дальше я сама- медленно облизывая пухлые губы языком, доводит меня до грани безумия. Усаживаясь сверху на меня, пару секунд дразнит, проходясь влажной киской по дрожащему от нетерпения члену.

— Боо...о. же..- выдыхаю я, когда она опускается на него. Пульсируя, сокращается, вобрав меня полностью. На мгновение я вижу, как по ее лицу проходит лёгкая судорога боли, но тут же ее сменяет знакомая затуманенная страстью полуулыбка.

— Свят, нужно будет повысить жалованье водителю — смеется Алёна, когда тот открывает ей дверь. На лице самого водителя никаких эмоций — я выбираю только самый лучший, самый дорогой персонал. Они не задают лишних вопросов, исполнительны и никак не обозначают себя без надобности.

Алёна, не оставляя по-детски глупого желания смутить мужчину, выходя, специально задирает юбку пальчиками вверх, позволяя ему на мгновение полюбоваться округлыми

бедрами. Стерва! Но такая любимая! Моя!

С ленивой улыбкой наблюдаю за ней- я знаю, такое поведение — всего лишь игра. В душе она- та девочка, которую я знал ещё с интерната. Та пухлая, неуверенная в себе малышка в очках с толстыми стеклами, что тайком плакала у меня на плече. Та, которой я обещал разбогатеть, вернуться и жениться на ней. И слово свое сдержал. По всем фронтам. Сейчас она лишь наслаждается жизнью и силой своей красоты. Пускай. Она это заслужила. У меня сносит крышу от гремучей смеси ее сексуальности и поистине детской непосредственности. " Люблю"- это слишком слабое слово, чтобы описать всю гамму моих чувств к жене. Я дышу ей, живу ей.

Спустя время, расслабленные, насытившись друг другом до приятной ломоты в теле, мы лежим, обнявшись. Фоном идёт какое-то новое кино, Алёна вдруг приподнимается, притом, делает это так сексуально, что у меня тоже все в прямом смысле приподнимается, и с хитринкой в глазах выдает:

— А я ведь и забыла, что у меня для тебя сюрприз.

Я приподнимаю бровь- сюрпризами меня Аленка балует редко, да и впринципе, что может быть нужно мужику от женщины в качестве подарка? Нет, то что нужно, я уже получил и не раз. Такие сюрпризы я люблю. Но здесь явно нечто другое, часы, чтоль, купила? Она в последнее время стала падка на все атрибуты люкса- вот и мне пыталась долбить, что без сверхдорогих часов или люксовой обуви от именитого дизайнера мои денежки на счетах немного не то, обесценятся, мать их? Я лишь ухмылялся в ответ, понимая, что для женщин все немного не так устроено как для нас, мужчин. Им важен внешний лоск, показуха. Нет, я знаю и кучу таких же мужиков, но там почти у каждого бедное детство и юность, обязательное желание доказать и показать всему миру. Дай такому волю- он бы ходил, обвешавшись деньгами, чтобы все сразу видели его статус.

А женщины? О, они прекрасны. И любят все прекрасное- ну естественно, а ещё бы за что меня Аленка полюбила? Кстати, она уже, соблазнительно покачивая бедрами, колыхающими тонкую шёлковую ночнушку, что-то ищет в сумочке.

— Вот он- она победно вскидывает руку кверху с чем-то тонким и еле заметным, как тонкий стик сигареты. А потом я врубаюсь...

— Это то, о чем я сейчас подумал? — едва слышно шепчу, не в силах оторвать взгляда от полоски в ее пальцах.

— Ага, я с утра уже три сделала и на кровь сдала, ХГЧ, ошибки быть не может- я беременна- радостно помахивает она тестом с двумя полосками.

— Я люблю тебя- ору я, бросаясь к ней. Обнимаю, прижимая к себе, вдыхая такой знакомый, уже родной сладковатый аромат ее любимого лосьона, глажу волосы и как дурак повторяю " люблю тебя, люблю, люблю"

Loneliness

Святослав:

Словно в немом замедленном кино смотрю, как комья мокрой земли падают на крышку гроба. Небо вместе со мной оплакивает моих девочек. Сегодня всё как в странном зарубежном фильме- вокруг меня стоят люди в траурных шмотках, огромными черными грибами выглядят зонты над их головами. Священник, монотонно бормочущий молитву тому, кто допустил это зверство. Сладкий аромат цветов, что будет преследовать меня всю жизнь.

Кто-то подходит выразить мне сочувствие- их губы вяло двигаются, звука практически не слышно. Или это боль так оглушила меня? Вырвала из реальности, похоронив вместе с ними...моей семьёй. Семьёй, которой так и не удалось сбыться, что осталась лишь мечтой, о которой мы с Алёной тихо перешептывались после очередной ночи любви, выбирая имена нашим детям... Отчего-то на ум приходят глупости, вроде тех, что она была категорически против старославянских, вроде Архип или Леонтий...А еще она хотела детскую непременно в желтом цвете, какую-то хрень под названием baby shower и...жить, сука! Жить она хотела, блядь!

Суууука, как же больно! Хочется выть. Упасть на землю и выть в голосину, выплескивая свое горе. На задворках сознания свербит мысль-" это тебе, зарвавшийся ублюдок, за то, что посмел хвалиться своим счастьем, упиваться им"- да, я не был из тех тряпок, что боятся показаться недостаточно мужественными, признавшись в чувствах жене излишне романтично. Что из последних сил плетутся бухать с друзьями, лишь бы те их не сочли подкаблучниками. Нет. Я говорил о своей любви, жил ею...А как жить теперь...как?! Каждый день просыпаться, заново ощущая эту боль? Прокручивая в голове всего лишь одну мысль " почему это произошло с ними?" Не со мной, взрослым, успевшим изрядно нагрешить, муذاком. А с маленькой глупой девочкой, что лишь строила из себя роковую женщину, и так и не увидевшим белый свет младенцем...

Где ты, Бог?! Нахуя им нужны огромный каменный склеп, что построили за нереально короткий срок нанятые мной люди, море ебучих цветов, венки с дебильными надписями от порой чужих совершенно людей?! Они хотели жить! Просто жить!

В доме так пусто- вся прислуга в оплачиваемом бессрочном отпуске, даже охрану — и тех отпустил. Если кто-то из конкурентов решит убрать меня сейчас- я сам с радостью выйду навстречу.

Впрочем, и этого не придется ждать- мой бывший боевой товарищ, Сокол, Леха Соколов, что сейчас стал мэром нашего долбаного городишки, самолично следил за тем, чтобы из моего дома вынесли всё оружие. А у ворот поставил своих людей- чтобы я не смог никуда уехать. Вот только ушлый сучонок не просчитал, что человек, доведенный до крайности, весьма изобретателен. Особенно бывший военный.

Сидя спиной к стене, я наблюдал, как моих исполосованных запястий толчками вытекала кровь. Воздух вокруг пропитался ее железным запахом. Я лично всадил пулю в лоб той мрази, что лишила меня самого дорогого, Ураеву. Этой черно. пой мрази, что покусилась на святое в попытках обойти меня в бизнесе и власти, выбить меня из колеи. Теперь никакие долги меня уже не держат на этой земле, я смело могу идти к своим девчонкам. Пускай обо мне и скажут, что сдох как истеричная баба- вскрылся заостренной

ложкой.

— Алексей Александрович, тут это... — как сквозь толщу воды до меня доносился голос одного из гориллоподобных охранников, что приставил ко мне Сокол. Его испуганная физиономия нависала надо мной, отравляя последние минуты жизни. Я бы послал его нахуй, да вот только сознание то и дело ускользало, и всё расплывалось перед глазами.

Очнулся я в больничной палате, весь в бинтах и капельницах, а рядом- два бугая не из моих. У моих хоть угасающие остатки интеллекта на мордах присутствуют. Сокол, сука! Его бойцы! Успел, падла! Ничего, я — мальчик взрослый, не вечно будет опекать. Немного оклемаюсь- первым делом отблагодарю его за такую навязчивую "помощь". С ноги отблагодарю. В печень. Пару разиков для выражения "огромного спасибо", думаю, будет достаточно.

Траурная морда Сокола, легок на помине, крысеныщ, вырисовывается в дверях палаты. Заходи, родной, ты-то мне и нужен.

Сокол, с болью в глазах окинул меня взглядом. Ну, рад? Хуле кривишься- вот на такую жизнь ты решил обречь меня, получай-распишись! Даже немного полегчало от злорадства.

Бугаи при его появлении вскакивают с табуретов, чудесным образом до этого удерживающим их огромные туши:

— Здравия желаем... — гаркают они в унисон, ну чисто дрессированные макаки, блядь!

Сокол парой слов заставляет их заткнуться и выйти. И хорошо- мне лишние свидетели ни к чему- Соколу — то ещё жить и жить, а как вернуть былое уважение тому, кого отпиздил лежащий полуинвалид?

— Ты как? — хрипло бросает он, усаживаясь на табурет. И снова морщится- хорошо хоть, сам осознает, какую глупость брякнул. Я охуенно, а что, не видно?! Как ещё может чувствовать себя человек, потерявший семью в один миг? Станным образом боль клубится внутри меня, выдавая мне поминутно все наши с Аленой счастливые моменты- вот она, после первых операций, с круглыми и блестящими от слез глазами смотрит в зеркало, все еще не веря, что эта охренительная красотка напротив неё — она. С визгом она бросается мне на шею, перемежая поцелуи с громкими "спасибо". Этой ночью ее благодарность была гораздо раскрепощеннее, чем обычно. А я был просто счастлив от того, что была счастлива она.

Вот наша свадьба- десятки гостей, на которых нам обоим одинаково фиолетово. Мы дышим друг другом. Я едва не выругался у алтаря, увидев ее, такую нереально красивую, такую воздушную, в этом белом платье...

Вот она, таинственно улыбаясь, протягивает мне коробочку, а в ней- тест с двумя полосками...

Эта боль будет со мной вечно. Терзать, грызть, рвать на части. А еще- стыд, подступающий к горлу при мыслях о том, что Алену я люблю (я не могу даже в мыслях сказать "любил"), а дочку, что так и не увидел, так и не взял на руки- всего лишь жалею. Иногда въедливый голосок внутри меня ехидно шепчет: "Если бы был выбор, кому остаться жить, кого бы ты выбрал? Жену или ребенка?".

— Что тебе нужно? — хрипло пересохшим, сорванным от крика горлом, в котором знатно поковырялись и врачи. Трубка, по которой шёл воздух, была закреплена на щеке с помощью большого куса белого лейкопластыря. Но даже боль физическая, когда я сдирал с себя все эти шнуры, провода и датчики, не перекрыла боли душевной. Если она осталась, душа.

Сокол, пытаясь не выдать жалость в глазах, смотрит куда — то сквозь меня, подавая мне стакан с водой. Смачиваю болезненное горло, живительная жидкость бежит прохладным ручейком вдоль пищевода.

— Соболев- Леха никогда не был мастером словесности, а тут и вовсе растерялся. Вся его здоровая фигура сникла, он нервно щелкает суставами пальцев — его мерзкая рпивычка, бесившая меня ещё со времён армейки- ты жить должен — наконец, решается он рубануть сплеча- у тебя...

— Леха, только пиздани сейчас про " всё будет, семья, дети" — и я сам лично вырву тебе кадык! — осаждаю я его попытки побыть моим личным психологом.

— Но не так же... Алёна бы этого не хотела- пытается он выдвинуть аргумент, что удержит меня на этом свете.

"Ты-то откуда знаешь, чего она хотела?!" — едва не реву вслух. Сокол всегда был не особо лояльно настроен по отношению к Алёнке, хоть и пытался это скрыть.

Молча, преодолевая простреливающую боль, охватившую всё тело разом, отворачиваюсь к стене- все потеряло смысл. Мне не хочется даже говорить с ним, каждое лишнее слово- ненужная эмоция, удерживающая меня здесь, в этом гребаном мире. Мире без неё.

Слышу, как за спиной кряхтит табурет, потом шаги по комнате — Сокол всегда ходит взад — вперед, как полоумный тигр в клетке, когда на нервяке. Наконец, он бросает:

— Ты можешь жить хотя бы ради той девчонки, которой в больнице её сердце пересадили. Она, получается, не умерла навсегда... — и тут же Сокол задыхается, давясь словами- с поистине нечеловеческой силой я слетаю с кровати, ноги, только что едва ощущаемые, пружинят, когда я бросаюсь на него, хватая за горло:

— Скажи, что ты пошутил- рычу я, всматриваясь в его побледневшее лицо. Это ж какая сука ему посоветовала этот бред мне выдать? В надежде, что я клюну на подобную чушь.

— Э...тт...тооо...пппп...ррра...ввдаа..- хрипит Сокол мне в лицо, не делая, впрочем, никаких попыток освободиться. Я отталкиваю его в сторону, собираясь с мыслями. Что за хрень?

Сокол, испуганно косясь на меня, потирает свою шею. Я сажусь обратно на кровать, впиваясь в него глазами. И молча жду, пока он придет в себя. Наконец, вновь усаживаясь на табурет напротив, он тихо начинает:

— В тот день...Ну, когда....это...ну, случилось- он похож сейчас на двоечника, что не может связно рассказать домашку, трясясь у доски- Ну, ее же привезли, оформили как ДТП (да, ДТП. Такое вот обычное ДТП, в котором тормозной шланг оказался перерезан в трех местах- для верности). А там это... Девочка лежала, от фонда операция была, донор нашёлся. Ну, тоже в ДТП умерла...а ее перепутали...ну, это...с Алёной... Ну вот, а потом не вытаскивать же обратно...

Блеянье Сокола вырисовывается в голове в более — менее ясную картину. Пока я сперва, обезумевший от горя, выяснял, кто это сделал, а потом — отправлял гниду на тот свет, эти уроды...хирурги перепутали доноров. Взяли сердце моей жены. Так? Вот почему так испуганно косился на меня главврач, вот почему он вздрагивал от каждого моего взгляда, движения. Я-то, дебил, думал, что соперечивает. А тут вон какая х...йня.

Сволочи! Не заметить, что донор был на втором месяце?! Что это за врачи такие?!

Я отдал кучу бабла, чтобы Алёну похоронили красивой — лицо пришлось гримировать не раз. Видно, и в морге решили, что я имею в виду всё тело, вырядив ее в закрытый костюм,

укрыв сверху белым полотном. Я не видел ни шрамов, ничего. Глядел лишь на восковое, бледное лицо, пребывая в анабиозе.

Не может быть! Не может! Бред какой-то! Только я успел осознать, что моя жена и неродившаяся дочь погибли, как судьба, словно в насмешку, выдает, что с сердцем Алёны будет жить и веселиться какой — то ребенок. Я не могу злиться на ребенка, но всё же...

— Сколько ей лет? — сглатываю вязкую слюну, сжимая до боли кулаки.

Сокол не юлит, делая вид, что не понимает, о ком я:

— Пятнадцать- отвечает он.

Пятнадцать?! Сука, это- не " девочка", это- уже подросток! Почти девушка! Эта... малолетка будет юзать сердце моей жены, а Алёна — гнить в могиле? Внезапно острая ненависть к незнакомой мне девчонке обдает жаркой волной. И я решаю в этот момент, что буду жить. Буду только для того, чтобы быть рядом с её сердцем. Невзирая на ту маленькую дрянь, что им теперь пользуется.

— Подбросишь меня домой? — морщусь, потирая перебинтованные запястья. Сокол, встрепенувшись, пару секунд втыкает, что действительно услышал именно эту просьбу.

— А... лечение? — неуверенно начинает он.

— Положусь полностью на тебя- хмыкаю в ответ- заботливая мамочка найдет мне хорошего дядю-доктора, ведь так? — не упускаю случая поддѣбнуть эту свою новоиспеченную накачанную няньку. Сокол лишь, облегченно улыбаясь в ответ, кивает головой что та игрушечная собака с приборной панели.

— Пошли, мне столько нужно сделать- подгоняю я его- и дай мне хоть пальто своё — киваю на брошенное поперек другой табуретки темное пальто — не комильфо мне как-то с голой жопой по больнице шастать.

Уже в машине немного прихожу в себя, чувствуя, как адреналин забурлил, растекаясь по венам:

— Найдешь мне всё про неё- не терпящим возражений тоном доношу " просьбу" Алексею. Тот кивает в ответ- ради меня он и под поезд бросится, не задумываясь. Причин две- такой уж он человек. Человек чести. Ну и должок — я его шкурку спас. Под пулями на себе раненого вынес. Вот сейчас Леха и пытается свести счет к 1:1.

— Хорошо, все сегодня же будет у тебя. Сейчас Громову звякну только.

Святослав:

Держу в руках личное дело девчонки, внутри которой сейчас находится самое дорогое в моей жизни- сердце любимой женщины. Маленькая, щупленькая, длинные темные волосы и темные глаза- ничего примечательного. Пухлые губы делают выражение лица излишне детским, наивным, невинно-ангельским.

" Талова Валерия Феликсовна". Хммм... Феликсовна. у матери, что отказалась от девочки в роддоме, не было совести, но определенно была вкус на мужчин. По крайней мере, на имена, если имя она придумала. Я бы мог пожалеть маленького брошенного матерью и с прочерком в графе " отец" ребенка, тем более, сам детдомовский, но при одной мысли о том, что она живёт засчет сердца Алёны, проживая те годы, что никогда не прожить моей жене- и ненависть к этой пигалице захлестывает так, что руки трясутся, сжимая папку так, словно это- ее тоненькая шейка.

" Собрана, организована. В коллективе лидерских качеств не проявляет, но всегда готова помочь, поддержать. Увлечения: вязание, вышивка"- серьезно? Не детдом, а пансион благородных девиц! Моя Аленка, при всей своей скромности, уже покуривала в классе 8 м, а уж в старших классах наши ночные встречи в каморке рядом со спортзалом- да я до старости буду их помнить. А здесь?

Из не особо большого досье, что вручил мне этим же вечером Сокол, я узнал, что Валерия давно стояла в очереди на получение донорского сердца. И, вероятно, никогда бы не дождалась своей очереди, но ее взял под крыло международный благотворительный фонд " Спасение", что собрал деньги на дорогую заграничную операцию. Тут уж и наши областные, центры вдруг, один за одним, стали соглашаться на операцию, да еще и дешевле, чем за бугром. И очередь сменилась, на приоритетную. А тут вот та байкерша разбилась — и всё. Понеслась. Валерию, впопыхах, на реанимобиле повезли на операцию. На месте перепутали доноров- видно, в приоритете были денежные вопросы. Фонд перевел всё до единого рубля. А организационные, как и многое в нашей стране, уныло гребли где-то позади выгоды и личных интересов.

Бросаю досье на стол, а перед глазами все стоит лицо девчонки. Теперь мы с ней связаны. Навсегда. С сегодняшнего дня ее жизнь круто изменится.

Первым делом я нашёл для неё приемную семью, опекунов. Семью, которой плачу столько бабла, что на него безбедно могли бы прожить несколько поколений этой семьи, мать их так. "Отличные, душевные люди. У них нет своих детей, погибла дочь несколько лет назад"- отрапортовал мне Сокол, отираясь возле меня, пока я рассматривал досье кандидатов на усыновление. " И, самое главное, на все твои условия согласны"- да, Леха, тут твоя солдафонская душонка права, это — самое главное.

Пускай подрастет у них, пока я решаю, что с ней делать. Сейчас даже видеть ее мне не хотелось, боялся не сдержаться, хоть и сто раз твердил себе как мантру, что девочка ни в чем не виновата. Что это- мудаки-врачи. К слову, все из которых сейчас были уволены с позором. И как раньше говорили, " волчьими билетами" Естественно, моими стараниями. Такие хЕрурги, от слова " хер", не должны и близко к скальпелю подходить. Как и весь персонал в тот день. С таких мудаков станется и руку отрезать, а потом извиняться, пристыженно опустив глаза, что " ой, а это не вам нужно было руку, у вас просто аппендицит вырезать").

Но злость никак не отпускала- веселится, живёт...Пока моя жена кормит червей, сука! Ну и где ваша долбаная справедливость? Она- ребенок, скажете вы?! А у моей жены внутри тогда кто умер?! Кусок железа?! Такой же ребенок, мать вашу, как и эта...

Уйти! Забыть и пускай живёт. Помогать, иногда узнавать как она там, вернее, оно. Сердце моей жены. Может, мои убогие молитвы были услышаны? Алёна теперь, считай, будет жить. Не так, как я ожидал, но сердце её будет биться, пусть и в совершенно чужом теле.

Нет, отпустить Талову я не могу. Уже никак не могу. Мы связаны. Связаны навсегда, хочет она того или нет. Возможно, когда я отойду, я стану ей кем-то вроде доброго дядюшки, что опекает и любит, приму ее детей как родных. Ведь своих у меня никогда уже не будет-меня словно заколотили в том гробу, вместе с Алёной.

Десятки оплаченных мною лучших врачей и сиделок по очереди дежурили в её палате, монитора состояние. Риски были велики — отторжение, инфекция. Всё моё существование свелось к тому, что я, затаив дыхание, ожидал очередной порции информации по состоянию Валерии. Казалось, на минуту отпущу ситуацию- и потеряю Алёну уже навсегда. Её сердце перестанет биться. И вот тогда я действительно потеряю последнюю ниточку, что связывает меня с семьёй, с жизнью.

The girl

Валерия:

— Лер, ты ж к нам приезжать в гости будешь? — с надеждой тянет пухленькая Тоня, а в глазах ее стоят слезы. До этого я защищала ее от нападок жестоких сверстников, почему — то считающих, что лишний вес- повод для того, чтобы едва ли не 24/7 изводить человека, доводя его до истерики. А теперь Тоня лишается единственной преграды между собой и группой озлобленных на весь мир детей. У нас вообще не было середняков — или злые на всех вокруг за свою трагическую судьбу дети, как маленькие ощерившиеся волчата рычащие на любые попытки сближения, или добрые и наивные до невозможности, к которым относилась и Тоня. Это она украдкой прятала конфеты от спонсоров, чтобы потом "раздать малышне", "младшегруппникам", как коротко бросала нам, боясь, что даже мы упрекнем в излишней доброте или сострадании.

— Конечно- ласково успокоила ее, а сама невольно задрожала. Кто они, мои будущие опекуны? Какие? Нет, мы уже знакомы с ними- несколько личных встреч, один раз даже гулять в парк ходили. Но среди детдомовских бытовали страшилки о том, какими плохими на самом деле оказывались опекуны, что руководствовались только жадной денег за опеку. Было страшно. Очень страшно. Неизвестность всегда гораздо более пугающая, чем что-то, к чему можно хоть немного морально подготовиться.

— Да сейчас прям. Забудет, как и все до этого- огрызнулась Гуля, темноволосая татарочка, что с самого рождения жила здесь. Ни одна семья даже не "смотрела" её, как выражаются у нас, потому что Гуля родилась с аномалией развития. У нее была гидроцефалия. И хоть ей почти сразу поставили шунт, и она ничем совершенно не отличалась от здоровых детей, для многих это казалось чем-то из области фантастики. Инородное тело в организме. А вот я, в особенности после операции, еще больше сблизились с Гулей. Я знала, какая она на самом деле добрая и ранимая девочка. И как ей сейчас больно и обидно, что уезжает ее подруга.

— Гуль, ну ты же меня знаешь. Никогда- обняла я ее, пряча слёзы.

— Ага, а если опекуны не разрешат? А вдруг вообще переедут? — подозрительно шмыгая носом, отстранилась она.

— Нет, ты что. В первые пару лет нельзя, вроде же? — откликнулась Тоня, сосредоточено проверяя всё, что девочки планировали передать мне на память. Секретные дневники из старых тетрадок, где Гуля проговорила, что ей нравится Фролов из третьей группы. Красивые яркие фенечки из бисера, что плела Тоня. Несколько наших фото разных лет с мероприятий или выходов в город всей группой. Пара наборов заколок, за которые, как я подозревала, мои чудесные подруги отдали все свои скудные сбережения, заработанные дежурствами по уборке вместо тех детей, кого изредка еще навещали родные, украдкой передавая деньги.

— А ты точно уверена...ну, что хочешь? — Тоня, неловко переводя взгляд с меня на Гулю, тихо добавила- осталось же совсем немного...

Но мы все понимали- нас растили с мыслью, что семья лучше всего для ребенка. Что детский дом никогда не даст столько любви и заботы, даже чисто физически- сотрудников мало. Слишком мало. Даже для ухода и заботы, что уж говорить о ласке и внимании. Да и втайне каждый, даже самые рьяные противники устройства в семьи, мальчишки, что били

себя в грудь, крича: " Вот выпущусь- деньги со счета сниму, квартиру дадут. И всё. Что надо ещё?" — и те мечтали о семье, прсто даже себе боялись в этом признаться. Боялись вновь раскрыться, полюбить кого-то — и оказаться снова брошенными.

— Я буду скучааать- вдруг навзрыд всхлипнула Тоня, а я бросилась к ее кровати, успокаивать уже её.

— Лер, а как думаешь, нас тоже заберут? — этот вопрос, заданный полушепотом, ночью, застиг меня врасплох. От кого уж, а от Иры, главной нашей задиры, не ожидала услышать. Да и что я могла ответить? Совет дать? Почему-то у нас тот, кого забирали, последние несколько дней считался живым воплощением бога на земле. Все благоговейно закатывали глаза при его появлении, тайкой просили советов о том, как предстать перед кандидатами в лучшем виде, что говорить, как сидеть...

— Конечно- сглотнув вязкую слюну, вру я в который раз за день. Вру не в том, что их не заберут- откуда мне это знать, разве я- Господь Бог. Просто считаю себя обязанной поделиться своей радостью со всеми, заставить и их поверить в то, что жизнь изменится. И они ждут ровно того же самого, потому что счастливо вздохнув, Ира укладывается поудобнее:

— Ну, эт хорошо... — мечтательно тянет она.

— Дайте поспать, а- раздаётся недовольное бурчание со второго ряда кроватей.

— Да спи, спи, ё-моё... Ну прям это, блин....- беззлобно бурчит в ответ Ира, окрылённая новым всплеском надежды.

Meeting

Святослав:

Сокол передал, что адаптация проходит успешно. Девочка понравилась семье, они- ей. Легенда о "добром дяде", который пока что находится в заграничной командировке, но очень хочет познакомиться с новообретенной племянницей, внедрена в детские уши. Что же, отлично.

Признаться, меня знатно потряхивало первое время, когда я думал, что девочка может заартачиться, не захотеть в семью. Но Алексей был прав, сказав, что для многих там простой семейный уют — предел всех мечтаний. В тот момент даже на пару мгновений показался себе самым мерзким человеком на Земле- уродом, что использует наивную детскую мечту против самого же ребенка. Но позже отпустило- так или иначе, она должна быть рядом. Я не планирую для нее ничего ужасного, ничего плохого. Наоборот, я дам (мне придется, так или иначе) ей то, о чем она не могла бы и мечтать. Мы связаны. Навсегда. Как долбаное заклинание эти слова отпечатались на подкорке.

— А вот и Святослав, наконец-то — радостно, но заметно нервничая встретила меня Стелла Туманова, " временная мама" Валерии. Худащавая ухоженная блондинка, она проводила меня в столовую, где уже, за небольшим столом, сидел ее муж, Эдуард. Кандидат наук по философии. Там и вся внешность могла быть описана этим- прическа в стиле " озеро в лесу", дурацкие усики, накрахмаленная рубашка. Он поздоровался, сказав, что Лера сейчас спустится.

Но надо отдать должное — взяли ребенка они не из-за денег, оказалось, всё, что я отдал им, они положили на счет Леры. Чем же эта мелкая дрянь так очаровала их? Что в ней такого, что в ее присутствии все теряются? Врачи путают доноров, нуждающиеся в деньгах на разорившийся бизнес, что достался Тумановым от отца Стеллы, гордо отказываются от денег?

— Здравствуйте- неуверенный звонкий голосок выбил меня из размышлений- несуразная, с длинными ногами и руками, слегка растрепавшейся косой темных волос до пояса, похожа на худенького испуганного вороненка, выпавшего из гнезда, своими большими глазами смотрела на меня та, что была мне, к сожалению, роднее всех. Лера Фролова. Валерия.

— Здравствуй, Лера- охрипшим голосом поздоровался в ответ.

— Это твой...дядя, Святослав. Он — родственник Эдуарда.... дальний — кинув убийственный взгляд на меня, процедила Стелла. В последнее время она становилась всё менее управляемой, искренне привязавшись к девочке, но рычаги воздействия я всё еще крепко держал в руках. Будто я — зверь какой-то, ну соврали и соврали, я ведь всё объяснил. Притом, у самих рыльца в пушку- денежки были первостепенными, когда решение принимали.

Разговор не клеился. Да и какой мог быть разговор между совершенно незнакомыми между собой людьми. Я, хоть и прочитал личное дело Леры вдоль и поперек, все еще не знал её, да и она явно была напугана сурового вида дядей, не особо похожим на того, кого ей описывали. Владельца небольшого туристического бизнеса. Больше я походил на перекачанного, слегка туповатого уголовника. Это мое простоватое выражение лица не раз

помогало в бизнесе, на порах становления- многие из партнёров изначально думали, что нашли дурачка, которого можно было облапошить за здорово живёшь. А потом, когда я и мои юристы оставляли уже их самих ни с чём — вот когда было приятно смотреть на их вытягивающиеся рожи.

— А еще я стихи сочиняю, пою немного... — дрожащий голос девчонки продолжал перечислять умения. Стеллина работа. Она ее как своё лучшее творение лепит. Не зря же педагогом оттарабанила двадцать лет.

— Угу- вырвалось у меня машинально. Ебать я умею поддержать разговор. Тот ещё собеседник. Да и эта девчонка действует на нервы- трясется как осиновый лист, я ее съем, что ли? Алёнка бы на ее месте меня уже раз сто спровоцировать на ругань попыталась или вывести из себя, а эта...мышка.

Злясь на себя, на девчонку, на долбаный ужин и жизнь, что иногда поворачивается к тебе задом, заставляя играть по её извращенным правилам, резко встал:

— Мне пора...Приятно было познакомиться, Лера.

Я буквально кожей чувствовал, как с облегчением вздохнула темноволосая пигалица. Естественно, в мои 30 я кажусь ей старым скучным хреном, перед которым с какого-то перепугу нужно распинаться своими несуществующими, я уверен, талантами.

Наши последующие встречи проходили не лучше — я то нес ерунду невпопад, то молчал как рыба. Девчонка нервничала, тушевалась. Пару раз мы выбирались в город, где ходили в кино или на аттракционы. Но она лишь испуганно смотрела на меня своими огромными глазами, а я, сидя рядом, закрывал глаза, мечтая услышать стук любимого сердца, не видя ту, совершенно чужую, оболочку, в которой оно теперь бьётся.

С вялой улыбкой принимал ее картины, ловил полные испуга и чего-то, отдаленно похожего на восхищение, взгляды, пытался балансировать на грани вежливого интереса и одобрения, но как же она меня раздражала. Раздражала одним своим существованием! И, видимо, девчонка это чувствовала. Боясь до чертиков, трепеща от одного моего присутствия.

А нервировать ту, что ежедневно пьет горстями медикаменты, было как минимум неправильно.

Полгода гребаного театра абсурда, неловкости, моей злости и вымученных эмоций со стороны Леры.

После очередной такой идиотской встречи, где мы всей дружной семьей восторженных идиотов поперлись в зоопарк, а Лера расплакалась дважды- сперва от моего едкого замечания по поводу ее поведения, потом- при виде измученного и изможденного слона, над которым я тут же обязан был взять шефство, я плюнул на всё, поддавшись на уговоры Сокола, и улетел в Америку, налаживать бизнес лично. Нахуй мне этот детский сад!/? Подрастёт — решим.

Под пару бокалов бренди в один из холодных осенних вечером мы с ним пришли к мнению, что нужно оставить девчонку в покое. Пока что я лишь треплю ей и себе нервы. Она боится всего, у нее нет и не может быть своего мнения. Вот подрастет- тогда и поговорим. Я расскажу ей правду, предложу помощь и поддержку на всю жизнь. Ей, ее детям, внукам. Взамен...взамен только позволить мне быть рядом. Этаким п...здануто-эксцентричный богатый дядюшка. Хоть она меня и бесит конкретно... Но выхода нет у каждого из нас. У меня его не стало с того момента, как этой малолетке пересадили сердце моей жены, а ей...ей я его просто не предоставляю.

Спустя 5 лет:

Святослав:

18-летие Леры я пропустил. И хоть подарком был дорогой комплект от Картье, но всё равно я ощущал себя предателем. Вот тебе и " всегда буду рядом".

Правда, с другой стороны, наше общение налаживалось- ее звонки мне становились чаще, чему я был несказанно рад- иногда мы болтали по телефону почти час. Она весело щебетала мне о своих успехах в школе или плакалась о мелких проблемах, а я как старый добрый дядюшка выслушивал, давал советы, хвалил или сопереживал. По скайпу созванивались пару раз, в самом начале, но я всегда чувствовал себя при этом извращенцем, что названивает ребенку. Поэтому такое общение быстро сошло на нет. А вот её звонков, признаюсь, ждал, затаив дыхание от каждой телефонной мелодии. Иногда она поражала меня глубиной рассуждений, иногда- злила до невозможности всё еще детской наивностью. Но равнодушным точно не оставляла.

Мне даже начал нравиться такой формат — я не любил навязчивых людей, а Лера словно бы понимала это, и особо не лезла ни в жизнь, ни в душу. Да и нафига бы я ей сдался — даже мои деньги не привлекали её. Подарки, что я старался выбирать только самые лучшие, дорогие, удастаивались лишь короткого " спасибо". Зато, описывая, в какое красивое место ездили на экскурсию с классом элитной гимназии, где она училась, могла, захлебываясь от восторга, трещать минутами.

Несколько раз я отправлял к Тумановым водителя — забрать какую-то средней руки вышивку, картину или открытку, что стабильно делала мне в подарок на день рождения или Новый год Лера. Мелочь? Нет, я даже едва не прослезился, когда Сокол показывал мне все эти богатства по видео. Приятно, мать его.

Пару раз впрягал Соколова, когда в школе её обижали, а Стелла со своей врождённой интеллигентностью не могла разобраться, приходя к директору. После визита Алексея со своими бойцами Лера в течение недели обрела статус самой популярной девочки в классе.

Школу она закончила с одной четверкой, медаль серебряную в дом принесла. Я в тот вечер с дрожью в голосе поздравил Тумановых, а сам сел перебирать наши с женой фото, приговаривая как придурок, что Алена была бы счастлива, как эта малышка использует её сердце. Не зря живет.

В этот вечер и глупая ошибка врачей показалась мне перстом судьбы — она подарила жизнь и Лере, и мне. Новую, почти счастливую жизнь.

Институт я выбрал за неё — метания от " хочу быть педагогом как Стелла, помогать деткам" до " точно хочу стать врачом, лечить людей" мне порядком поднадоело. Да и место ей давно уже выделил, у себя. Под присмотром.

Лера поражала не только своей наивностью, но и добротой- много раз она просила меня помочь её детдомовским подружкам. Я-то был уверен, что все знакомства с ними оборвала, выбившись " в люди", ан нет. С упрямой периодичностью то и дело просила помочь какой-то очередной бедняжке. Я, хоть и понимал, что Леркой пользуются (Алена, к примеру, сразу общение со всеми из детского дома прекратила, едва за меня вышла. И меня упрекала в дружбе с Соколом- бесил он ее мордой своей пролетарской, да и просто " не тот уровень",

как любила она говаривать), но исполнял все просьбы, лишь бы не нервировать лишней раз. Да и просила Лера, надо сказать, действительно нужное: кому-то квартиру не давали, обманывая; кто-то влез в темные делишки по работе, от глупости и наивности — надо было словечко замолвить Соколу за несчастного; кто-то повторял сценарий родителей — спивался, едва вышел из школьного двора. Паре таких я сразу же после разговорах с Лерой оплатил рехаб, даже сам не замечая того, как ловко подсадила меня на благотворительность эта ушлая малышка.

В учебе Лера делала успехи. На первом курсе она вошла в тройку самых успешных студентов, а я, как долбаная мамочка, носился с этой новостью весь день по офису, заставляя сотрудников, вытянув лица в недоумении, поздравлять меня и "эту девушку", не ясно, кем мне приходившуюся.

Порой в мечтах, зависнув на переговорах или глядя на то, как одевается очередная любительница силикона и моих денег, представлял себя убеленным сединами стариком. Рядом — Лера, ее дети, внуки. Муж, конечно. Самый лучший- свою девочку я отдам только в самые лучшие руки.

"Ну, пздц, Соболь ты точно мамочкой стал"- долго ржал в трубку Леха, один раз услышав от меня размышления такого рода.

Лера:

— Ты серьезно? Так...так нельзя... это же... — Лера едва могла говорить от сбивающегося дыхания. Обалдеть. Свят подарил ей машину на двадцатилетие. Порше Панамера! И пускай она даже не умела водить, но сам образ — блестящий новенький автомобиль с огромным зеленым бантом (помнил и любимый её цвет!) на крыше- всё ещё стоял перед глазами, хоть она уже почти день провела то в ней, то рядом. Подруги восхищённо ахали, фотографируясь рядом с машиной.

— Можно, Валерия. Первый юбилей- дело серьёзное- усмехнулся в трубку Святослав- Завтра позвонит Алексей, он отвезет тебя в автошколу, оформитесь. Учить будут приезжать к тебе домой.

— Я... Хорошо...Я тебе там фото отправила, с праздника — затаив дыхание, ждала ответа.

— Да. Я гляну чуть позже- стандартный ответ. Не глянет. Он никогда не смотрел ни фото, ни того, что она передавала ему. Вообще, его странное отношение к ней напоминало игру " жарко-холодно"- то отталкивал, то притягивал.

Едва увидев его впервые, Лера потеряла дар речи — таким родным он ей показался. Весь вечер не покидало ощущение, словно она уже была знакома с ним. А, может, виной тому была красивая холодная внешность- мощная фигура человека, что явно привык следить за собой, жесткие мужские черты лица, слегка смягчавшиеся редкой полуулыбкой. Особенно, почему-то, выделила большие сильные руки и взгляд, что будто прожигал насквозь. Аура силы и власти вокруг него казалась осязаемой. И та холодность, легкая небрежность, с которыми он общался с людьми, заставляли желать всеми способами привлечь его внимание, стать интересной, вызвать хоть подобие улыбки на суровом лице.

На какие-то пару минут пришла глупая мысль- а что, если эти руки, которыми она так любовалась, сойдутся на ее талии. Крепко, но в то же время нежно, станут ласкать...

Щеки тут же обожгло огнём, вилка со звоном выпала из рук, и весь вечер она просидела, сгорая со стыда и отвечая невпопад. И несказанно обрадовалась, когда Святослав

засобирился домой.

Дальнейшие шесть месяцев, в течение которых он навещал ее время от времени, были не лучше — она то смущалась в его присутствии, нервничала, то погружалась в мир глупых девичьих грез, где Святослав — никакой не "дядя", а любимый человек. Где он видит в ней не угловатого нескладного подростка, а красивую женщину. Не усмехается в ответ на ее наивные вопросы, а с интересом слушает всё, что она говорит...

А потом...потом он улетел. И мир словно опустел, словно все краски жизни разом исчезли. Рисование она забросила сразу же. Да и зачем? Свят несколько раз присылал этого мордворота, Соколова, забрать картины. Но сам даже не мог ответить, что же на них было изображено.

Переболела этой детской влюбленностью Лера не так быстро, как хотелось бы. Пару лет ушло на то, чтобы оставить все мечты, жить реальностью. Но так даже лучше — чувства, перекипев, трансформировались в глубокую благодарность и привязанность. К тому же Соболев никогда теперь не осуждал, не упрекал. Словно смирился с тем, что она больше не ребенок. Не навязывал жестко своё мнение, в отличие от опекунов, что на один манер заладили о поступлении в юридический — и-таки добились своего.

Святославу, а не Стелле с Эдуардом, она могла без боязни рассказать какую-то глупую мечту или поделиться планами на выходные. Он стал своеобразной службой психологической разгрузки по телефону.

Святослав:

Большим пальцем я поглаживал фото жены, где совсем еще юная, пухлая и счастливая Аленка на пикнике сидит рядом со мной. В ее руках ветка с жареной картошкой и бутылка с газировкой. Я сижу рядом, улыбаясь во весь рот, показываю класс в камеру. Вокруг — ребята из нашей группы, тоже щерят лица в улыбках...Какие мы были счастливые... беззаботные...

— Свят, ну ты скоро? Я заскучала — очередная жадная до денег силиконовая кукла, которыми я пытался хоть временно заглушить ту боль одиночества, что постоянно грызла изнутри, доводя до сумасшествия, недовольно насупилась, появившись в дверях.

— Едь домой, Ана, я сегодня не в настроении. Водитель отвезет тебя.

— Свят? Ты чего? — сексуально покачивая бедрами двинулась она ко мне, перерассчитав своё женское обаяние. Сбрасывая тонкий халатик, остается в чем мать родила. Призывно глядя на меня, начинает водить по своему телу руками. А меня словно током простреливает — так любила делать Алена. Так должна сейчас была делать она, а не эта блондинистая курица с мозгом размером с грецкий орех

— Едь домой, мать твою! — рычу я. Она испуганно отшатывается, едва не упав с высоких каблуков. Но тут же находится — хватает с пола халатик, наспех накинув его, и цокает к выходу.

Умница. Понятливая. Хоть и не с первого раза, но и не за ум выбирал — за ненавязчивость и готовность ублажить в постели. И не только в ней — на любой поверхности, горизонтальной или вертикальной. Умения Аны в этом плане с лихвой компенсировали отсутствие ума и даже отблеска чувств, эмоций. Но, правда, ненадолго — кроме секса от нее не было никакого толку. Заглядывать в глаза, предвосхищать желания, улыбаться невпопад и мило поддакивать — весь этот ее набор профессиональной шлюхи подвешивал, делая ее похожей на породистую собачку, готовую ради хозяина на всё.

Так, успокойся! Она не виновата в твоём херовом настроении!

Перевожу внушительную сумму на банковский счет Аны, отчего из коридора доносится сперва пицание мобильного, а потом её удивлённое "спасибо".

Слышу, как дверь за ней захлопывается. И вот я снова один. Один, мать твою! Пора возвращаться — с тем неудавшимся покушением на меня разобрался, ниточки вели далеко наверх. Парочка масштабных ответных действий- и вот мы уже подписали несколько крупных, выгодных лишь мне контрактов. Будут еще попытки- пушу их по миру. Но вряд ли они теперь рискнут.

Об обещании, данном Алёне, всегда быть рядом, я помнил. И думал, как это организовать. Думал каждый день, понимая, что чем больше тяну — тем больше отдаляюсь от Леры. У нее появляется своя жизнь. А теперь и повод был- через несколько дней Лере 21, совершеннолетняя по меркам Запада. Да и Стелла позвонила сама, что на неё совсем непохоже. Дрожащим голосом просила приехать, поговорить. Срочно приехать.

Наверно, опять накрутила себя- привязавшись к девчонке, стала жить её жизнью, забросив свою. Хотя и я, и муж не раз пеняли ей за это.

Я решил сделать сюрприз Лере- заехать за ней в универ. Поэтому после приземления приказал водителю поменять маршрут. Тут же набрал Соколу, которого попросил уточнить все детали- сам я все больше доверял Тумановым, что стали считать Леру родной. Выбор школы, затем института. Я ограничивался лишь переводами.

— Ты знаешь, че...она как бы. получается- мямлил в трубку Сокол, но я оборвал- времени на дамские ужимки не было.

— Сокол, говори как есть, я уже почти на месте.

— Да она по документам отчислилась, почти год назад.

— Чтооо? — сказать, что я охуел...Это как? Тумановы, сука!? Это они парили мне мозги, а сами запустили ребёнка?! Уже и не ребенка даже. Что происходит? Выходит, всё, что Стелла красиво причесывала мне и про учебу, и про успехи- враньё?

— Да, она не учится уже почти год- повторил, словно умственно отсталому, Сокол.

— Какого хера? — я все еще не мог поверить услышанному.

— Ну да- раздалось укоряющее на том конце трубки- Ты же сам сказал, что хватит за ней таскаться. Я и снял своих парней.

— Сука! Я к Тумановым, мне нужно пару твоих ребят- посадим этих блаженных всех вместе, спрашиваем, чего это моя драгоценная племяшка решила жизнь свою просрать?

— Тут такое дело... — вновь замялся Сокол- она там тоже не живёт. Давно уже... Года полтора...

П...здец. Занавес.

Happy birthday

Валерия:

— Лерка! — Тоня бросилась мне на шею, а я, захлебываясь слезами, похлопывала ее по спине- спасибо, что п-пр-пригласила.

— Тонь, Тонь. Ну ты чего, все хорошо- шмыгала носом я, пытаюсь успокоить подругу.

— Да, да... — всё еще дрожащим голосом произнесла Тоня, отстраняясь- тут вот это... тебе — протянув мне коробку в ярко-синей с розовыми медведями упаковке.

— Спасибо, пойдем, все заждались уже- смахнув слезы, проводила Тоню в комнату, где уже, за накрытым столом, сидели ребята.

— Это моя подруга, Тоня- представила всем... пустое место подле себя.

— Гуля! — взвигнув, Тоня бросилась теперь уже к Гуле, что недовольно поморщилась при виде подруги, но обняла в ответ.

Я же, отложив подарок к небольшой стопке уже подаренных на стареньком трюмо, улыбнулась:

— Ну, давайте праздновать?

Миша, мой однокурсник, и, если у кого-то из нас хватит смелости сегодня признать обоюдную симпатию- мой будущий парень, тут же схватил бокал шампанского, поднял бокал:

— Поздравляем с днём рождения, так сказать, юбилеем. Желаем всегда быть такой... — он занервничал, замявшись, отчего милые ямочки на его щеках стали ещё заметнее.

— Да " горько" уже- пробасил двоечник Пашка, главный по юмору в нашей группе. Все вокруг засмеялись, поднимая бокалы.

— Спасибо- краем глаза зацепила Гулю. Насупилась, но в бокале сок, а выздоровление идёт полным ходом- Гуль? — подняла бокал в её сторону, улыбнувшись. Она кисло улыбнулась в ответ, отпивая из своего.

— А вот смотрите, нет здесь ничего — громогласно объявил Пашка, повторяя фокус с исчезновением монеты на бис. Всеобщие ахи и вздохи польстили начинающему фокуснику:

— Это ещё мелочи, а сейчас я открою вам самый страшный секрет одного румынского графа- замогильным голосом стал вещать он- для этого мне потребуется доброволец- он обвел взглядом всех, остановившись на давно нравившейся ему отличнице, Эмили Семёновой- вот, например, эта юная дева...

Шум в прихожей заставил меня отвлечься от представления — кто-то еще пришёл? Но больше никого не ожидали. Гуля!

— Стой- поймала её почти у выхода- ты куда?

Гуля, одетая в уличную одежду, огрызнулась, прислонившись к косяку:

— Воздухом подышать, или тоже, нельзя?! Охрану натравишь свою!?

— Гуль, ну зачем ты так? — меня и саму порядком утомили перепады её настроения, но цель была важнее всего. Вытащить подругу из этого ада. Подарить ей жизнь. Так, как когда-то подарили её мне. Сорвав три с половиной курса реабилитации от наркозависимости, Гуля должна была находиться под присмотром в ожидании следующего. В клинику ложиться она наотрез отказывалась, хоть и не употребляла ничего сильнодействующего уже несколько месяцев. Мы договорились с ней- я буду рядом. Не дам сорваться. Но быть строгой мамой

для взрослой девушки становилось всё тяжелее.

— Как?! Как, Лера?! Тебе не надоело играть ебаную мать-Терезу? Думаешь, сама стала богатенькой куклой- И нас, убогих, до своего уровня поднимешь? — со злостью прошипела она, стряхивая мою руку с плеча- иди, празднуй. Я покурить просто — не дожидаясь ответа, вышла из квартиры, что я снимала нам обоим, направляя туда все заработанные за заказы картин и карманные деньги.

Оперевшись спиной о стену, постояла несколько минут в тишине, приходя в себя.

— Эй, Лер, ты чего? — раздался Мишин голос позади. Обернувшись, словно ангела увидела — светловолосый, улыбчивый, голубоглазый. Мечта любой девчонки.

— Пойдем, а то все тебя потеряли уже? — он ждал моего ответа, улыбаясь.

— Хорошо, я только Гулю дождусь — потерялась в его улыбке, тая как снег весной.

— Ну ты всерьез за неё прям взялась. Ладно, жду тебя, мы сюрприз подготовили. Перед клубом, а то там негде будет развернуться — таинственно округлил глаза, уходя в зал, откуда доносился смех.

Гуля зашла обратно, мазнув по мне кислым взглядом:

— Ты тут ещё? — сухо констатировала факт, обходя меня- мне надо отъехать- стала нервно перебирать что — то внутри сумки.

— Тебя ждала- не стала поддаваться на ее провокацию, зная подругу наизусть- какие-то проблемы?

— Нет, говорю же, мне надо отъехать. Вернусь через час.

— Хорошо, я позвоню Роману, пускай поедет с тобой

— Ты задолбала! — не выдержала Гуля, повернувшись — Я что, ребенок?! Я сказала тебе- я завязала! Не надо мне твоих долбанных охранничков. Пускай за тобой, таким золотком, следят- чтою не украли! Нравится самоутверждаться засчет нас? Играть в Пигмалиона? Да пошла ты! Ненавижу тебя!

Схватив пальто, Гуля пулей выбежала из прихожей, даже не переодев тапки. Я рванула следом, но тут же ощутила на своем плече крепкую мужскую руку:

— Не нужно- Миша сочувствующе смотрел на меня. Боже, он все слышал. Пылая со стыда, обводила взглядом край старенького плитуса, не решаясь поднять глаза.

— Дай ей успокоиться. Остынет- и поговорите- он нежно поднял мой подбородок пальцами, глядя прямо на меня, отчего мои ноги сделались будто ватными, а внизу живота разлилось томительное тепло- нужно ведь не только кнут использовать, но и пряник- усмехнулся.

Да, пряник. Сладкий, как твои губы- предательские мысли опережали чувства- невольно облизнув губы, перевела взгляд на его полный чувственный рот. И Миша не заставил себя ждать- обхватив одной рукой меня за талию, он нежно поцеловал меня.словно сотни маленьких фейерверков взрывались перед моими глазами, я тонула в нежности этого поцелуя, растворяясь без остатка.

— Опа.... пardon — послышался пьяный смешок, а затем шаги в обратную от коридора сторону. Я отпрянула от Миши, но он удержал:

— Все хорошо. Пойдем праздновать- прижался он губами к моему виску- а потом нам нужно будет поговорить.

"Нам нужно будет поговорить"- это мысль звенела в моей голове весь вечер, наполняя предвкушением счастья. Я знала, что он хочет предложить мне встретаться. Но само ощущение ожидания, волнение — о, это просто убойный микс из чувств

— Прости, пожалуйста, я всегда тебя любила. Ты- моя единственная подруга, ближе, чем сестра — плакала в трубку Гуля. А это означало лишь одно- она опять сорвалась! Снова! Слезы сами собой потекли из глаз — все бесполезно. Сколько раз мы ругались с родными, что не понимали моего стремления помочь, осуждали. Уговаривали отдать все на откуп профессионалам, специалистам. Напоминали, что пока человек сам не захочет, ничего не изменится.

— Слышь, красавица. Харэ трепаться, иди сюда- раздались на том конце грубые мужские голоса.

— Ты где? Я сейчас вызову такси...-опасность для Гули заключалась не только в зависимости, но и в тех компаниях, у которых она брала эту дрянь.

— Никуда она не поедет — раздался в трубке пьяный мужской голос- А хочешь- присоединяйся к нам, клуб " Ракета", Полярная 16...Давай, конфетка, чао- короткие гудки....

Времени на раздумья не было. Пока не случилось худшее, нужно действовать. Позвонила Роману, охраннику, но он был вне зоны. Отправила СМС, где я. А сама бросилась к машине- я не пью вообще, поэтому даже в свой день рождения подрабатывала водителем для друзей.

Пока они празднуют, быстро съезжу, заберу Гулю Возможно, Роман успеет нас там перехватить, ему и отдам на поруки. Да и всяко- с охраной безопаснее.

" Ракета" оказался не клубом, а районной алко- забегаловкой. Пьяные лица как по команде вскинулись от бара и бильярдных столов, когда я вошла. В коротком платье из серебристых пайеток я смотрелась здесь чужеродно. Повернутые мне вслед головы и свист были тому подтверждением.

Гули нигде не было. Это шутка? Или я не успела. Но тут из небольшой двери у барной стойки выглянул высокий темноволосый парень в растянутом свитере и черных джинсах:

— Это ты — Лера- осклабился он, лапая меня взглядом.

— Да, я. Где Гуля? — решила сразу перейти к делу.

— Пойдем- кивнул он на дверь, заходя внутрь. С мгновение поколебавшись, последовала за ним. Длинный полутемный коридор, несколько дверей по правую и левую сторону. Кажется, помещение по ту сторону зала было гораздо больше него самого. Тусклый свет синих ламп, мигая, освещал путь. Мне стало немного страшно, но я успокоила себя-забираю Гулю и уезжаю. Да и Роман должен с минуты на минуту быть, скорее всего. По крайней мере, я очень на это надеялась. Наконец, мой провожатый открыл большую дверь в конце коридора, и посторонился, пропуская меня вперед.

В небольшом помещении было накурено. На диване перед низеньким столиком сидело трое парней, неподалеку на кожаном кресле развалился четвертый, светловолосый, с наглым взглядом. Гули нигде не было видно. Я занервничала:

— Гуля сейчас подойдет, не волнуйся. Мы только с виду такие страшные — начал светловолосый — садись, подожди.

Не зная, верить ли им, всё же присела.

— Говорят, днюха у тебя сегодня? — пытливо продолжал изучать меня взглядом блондин. В ответ на мой утвердительный кивок, осклабился в улыбке — Че, поздравляем. Правда, пацаны?

Те грубо засмеялись в ответ, кивая головами. Липкие щупальца страха поползли вдоль

позвоночника:

— Я наверно.... пойду.... скажите, что я на улице жду её. В машине — попыталась было встать, но тут же меня удержали несколько рук, стараясь ухватить за грудь или огладить бедра.

— Не, ты че. Кто ж уходит со своего праздника? Мы ж только начали....

— На, держи- это бонус за подгон- маленький юркий тип передал пакетик с белыми кристалликами Гуле, что пьяно стряхивала пепел с сигареты.

— С ней точно всё будет хорошо? — заплетающимся языком спросила, теряясь между реальностью и наступающим кайфом.

— А кому с нами плохо было? — ухмыльнулся тип, и тут же посерьёзnel- но смотри- ляпнешь что, вон там- кивнул он на мусорку- по частям найдут, усекла?

Гуля кивнула, ощущая, как голова становится невесомой, а ноги отрываются от земли. Заметив ее остекленевший взгляд, тип оглянулся по сторонам, проверил отсутствие камер наверху, а затем придвинулся к ней поближе:

— У меня тут еще с собой есть, хочешь?

Гуля вновь кивнула, пытаясь стряхнуть оцепенение.

— Хорошая девочка, пойдём в машину, я тут недалеко парканулся. Поработаешь ротиком- отблагодарю- он помахал перед ее носом ещё одним маленьким прозрачным пакетиком, направившись к машине.

И Гуля послушно поплелась следом.

"Пей давай, сучка!"

"Да нос ей, нах. й, зажми и всё!"

Громкие голоса доносились будто откуда-то издалека, вызывая головную боль. Реальность плыла перед глазами — вместо мужского лица, нависавшего надо мной, мне мерещился волчий оскал. Узкие красные щелочки глаз, длинные острые зубы, с которых капала слюна, черная взлохмаченная шерсть... На задворках угасающего сознания мелькнуло воспоминание- такой волк был вышит на джинсовой безрукавке одного из уродов.

" Давай, тут вот подпись поставь".

Я послушно, безвольно, словно сломанная кукла, выполняла всё, что от меня требуют.

"молодец, хорошая девочка" — меня больно потрепала по щеке чья-то холодная рука.

"Ну, кто первым будет, парни?" — раздалось пьяное. Гул в ушах усилился, будто огромный самолет, нависая, кружил надо мной. Сердце учащенно забилося- всё, умираю. О нежелательности любого вида сильных эмоций все годы дружно твердили врачи и опекуны. Поэтому Стелла так плакала, когда я решила жить отдельно, с Гулей.

Боже, Гуля! Где она, что с ней?!

Но тут меня подхватив на руки, куда-то понесли. Умом я понимала, что должна сопротивляться, сражаться. Я понимала, что сейчас произойдет непоправимое....а телом...я была не то, что обездвижена- я словно откуда-то сверху наблюдала за всем происходящим, паря в легкости и расслабленности. Эмоции притупились, но сердце все равно продолжало неистово биться, раненой, пойманной в силки, птицей.

The man

Святослав:

Я смотрел на Валерию. Такую тоненькую, бледную. Кажущуюся неестественно маленькой на этой огромной медицинской кровати. Кожа прозрачная, вся в синих прожилках вен, утыканная иглами капельниц. Волосы заплетены в длинную косу, ну прям херувимчик, сука! Кто бы ни взглянул- ни за что не поверил бы, что перед ним — наркоманка со стажем. Да ещё и собой приторговывающая за эту херню!

Я смотрел — и чувствовал почти вселенскую ненависть. Будто вся злость мира в этот момент сконцентрировалась во мне, грозя выплеснуться в любую минуту.

Свернуть бы эту тонкую шейку своими руками!

"Чертюва шлюха! Стерва! Дешёвка!" — не подбирало эпитетов бушующее подсознание.

Чего ей не хватало?! Хотя я и сам был детдомовским, но сейчас почти разделял раньше ненавидимое мной мнение о генах. "Кровь-не вода"- говорили люди, недовольно качая головами. Люди, что не знали своей родословной и до второго колена, но смели утверждать, верить, что вот они- достойные и чудесные, а " эти детдомовские"- сплошь будущие преступники и шантрапа.

Я до сих пор помню, как к нам в детский дом однажды приезжали спонсоры. Старый полный бизнесмен с огромным трясущимся животом и двумя подбородками и его молоденькая жена, как по классике жанра- силиконовая блондинка в ярком красном костюме. Женщина лишь недовольно морщила нос при виде детей, но тут же ощеривалась в лицемерной улыбке, стоило заработать вспышке фотокамер — их " тайное спонсорство" приехали запечатлеть аж 4 личных фотографа. Которых глупая дамочка, шипя, распекала полупшепотом, если те посмели её снять " с нерабочей стороны". А ещё сообщала всем и каждому, что они с мужем жертвуют и много не просто так- хотят, чтобы и их Бог " ребеночком наградил". На вопрос одного из преподавателей, почему они не хотят усыновить ребенка, блондинка скривилась словно съела целый лимон без сахара, а её боров-муженёк пустился в пространные рассуждения о том, что никогда не решится взять кого-то чужого. " Гены- штука серьезная"- вещал он-" А вдруг алкаши родители? Шизики? Потом всплывет- оно мне надо?".

Наша воспитательница дала мне и еще нескольким мальчишкам поручение — отнести в кабинет директора часть подарков, предназначавшихся ей лично.

"— Если она занята со спонсорами — не ломитесь, дождитесь, пока освободится"- напутствовала нас Юлия Сергеевна, воспитательница.

Занятием со спонсорами оказалась банальная пьянка- сквозь приоткрытую дверь всё было слышно.

И как по мере опьянения боров становился всё агрессивнее, и как нападал на жену, упрекая в том, что это она неспособна родить, а от бывших любовниц и жён у него куча детей. И что он подобрал её в притоне, где она " ноги раздвигала перед каждым встречным за деньги- и с радостью туда вернёт её обратно". И как, разойдясь от ее тихих ответов, ударил, а потом — еще раз, и как в страхе визжала всегда казавшаяся такой невозмутимой Тамара Степанова, директор....

Уносила его совсем в невменяемом состоянии его охрана, а следом прихрамывала женушка, стыдливо завесив рабочую сторону копной обесцвеченных волос.....

Но эта?! Ей дали всё — новую жизнь, сердце, деньги, заботу. Разве не я волновался о ее будущем больше нее самой? Разве не Стелла обожала и носилась с ней? И разве не она рыдает сейчас у дверей реанимации? Я велел не впускать их с Эдуардом, к черту пошли! Если бы они не побоялись сказать мне с самого начала, что происходило....

Мой взгляд коснулся тонкого шрама на её груди, едва прикрытой тонкой тканью больничной рубашки. Ненавижу! Сука! Я отдал тебе самое ценное, а ты похерила всё.

"Теперь всё зависит не от нас"- многозначительно кивнул наверх врач- " организм молодой, должен выдержать, но..."

Я мерил палату шагами- что?! Что, мать твою, мотивировало отнюдь не бедную девочку из достойной семьи, свалить из дома, употреблять наркоту, отдать машину в качестве оплаты за неё. Сокол предоставил мне выписки со счета ее подружки- не раз она переводила нехилые суммы в рехабы. А деньги? Деньги переводились аккурат со счета некой " Таловой Валерии". Тайно лечилась? Что ж не до конца?!

Настораживали и другие суммы, переводимые ею явно за дурь. Она плотно сидела. Давно. Весь этот гребаный год- так точно!

Хорошим мудаком был и я- поверил в то, что она умная, самостоятельная. Что внезапно свалившиеся деньги и подарки ничуть не испортили юной натуре.

Со злости ударил рукой о стол, смахнув к черту стеклянную вазу с цветами от Стеллы. Глядя на то, как осколки стекла разлетаются на белом кафельном полу, представил на минуту, что это- ее жизнь. Которую она рушила вот так же, своими руками!

Ничего!

Выдохнуть! Успокоиться!

Возможно, она не выживет. Это станет самым лучшим исходом для нас обоих- видеть опускающуюся наркоманку, существо, в которое она превратилась...

Этих ублюдков, что изнасиловали ее, допросил лично Сокол — все как один сознались, что ходила она к ним сама. С подругой Гулей. Обе брали дурь, расплачиваясь то деньгами, то натурой Гребаная шлюха! В этот раз уроды, поймав приход, просто решили взять плату всей толпой. Ничего, я сделал все, чтобы их посадили на пожизненное. Правда, оно будет очень недолгим. У каждого уже была своя зона, свой " куратор" и свой личный метод " самоубийства", которым эти мр...зи вдруг внезапно захотят окончить земной путь. Деньги способны на многое. А таким как они нечего по земле ходить, пускай ответят на том свете за всё сотворенное.

Снова перевел взгляд на неё — подсознание рвалось на части. Одна кричала, что не может быть та Лера, которую я знал, которой, втайне, гордился как долбаный Пигмалион, быть всем тем, что я узнал. Другая же...другая мучилась от боли при одной даже мысли о том, что она готова была подставлять себя под кого угодно за дозу. А, может, для неё это было просто в кайф? Сперва — наркотики, потом- секс? Машину " продала" этим уродам- за долги отдала. Да хер бы с ней, с машиной- я таких десять бы ей купил. Живи, просто живи, сука, по-человечески! Тебе дали всё! Всё!

Валерия:

— Где я? — горло пересохло, оттого мой голос показался мерзким скрежетом. Попытавшись встать, но ослабевшие руки подвели, и я снова упала на подушку.

— Лежите, я сейчас принесу воды — раздался взволнованный женский голос. Повернувшись, увидела светловолосую девушку в костюме медицинской сестры. Я в больнице? Странно, но выглядело так, будто я чьём-то доме. Огромная спальня, немного брутальная- темные тона, ничего лишнего. Комод из полированного дерева, с кучей лекарств и незнакомых мне медицинских устройств сверху, прикроватный столик, темный ворс... ой, это шкура на полу?! Жутко- огромная шкура животного, черная, блестящая, лежала на полу. Надеюсь, не настоящая. Справа — большое окно, откуда льется такой желанный солнечный свет, слева- дверь, наверное, ванная комната.

Я лежала на огромной кровати в центре не менее огромной комнаты. Входная дверь, напротив которой стояла кровать, на минуту приоткрылась, и тут же закрылась

" Она пришла в себя- срочно передайте" — за дверью суетились и переругивались, решая, кто пойдет сообщать какому-то Святославу Александровичу. Наконец, заметно нервничая, вернулась девушка, неся в руках стакан. Я снова попыталась сесть- и захрипела от боли. Провода тянулись не только из моих рук, но и... Щеки обожгло стыдом.

— Это катетер, он выводит мочевую жидкость — сухими терминами быстро объяснила мне причину дикой боли внизу.

— А нельзя его... ну, убрать? Я же могу сама- с надеждой взглянула на девушку, что, я так поняла, была нечто вроде моей сиделки. Та откинула одеяло, принявшись осматривать меня.

— Пейте- почти приказным тоном вдруг выдала — у вас так почки откажут, жидкость нужна- помахала она в воздухе полупустым прозрачным контейнером, прикрепленным к одному концу провода. Меня слегка затрясло от смущения, а девушка тем временем лишь подтолкнула стакан к моему рту, а сама принялась легко пальпировать мой живот.

Допив мелкими глотками почти половину воды, я вдруг ощутила на себе тяжелый пристальный взгляд. Подняв глаза, с ужасом увидела, как высокий темноволосый мужчина, невероятного телосложения — словно гора литых мышц и мускулов, прислонившись к косяку, мрачно наблюдает за мной. На мгновение опешив от той неприкрытой ненависти, что сверкала в его взгляде, тут же вскрикнула, выронив стакан, отчего вода полилась по рубашке вниз. Судорожно цепляя непослушными пальцами одеяло, пыталась прикрыть себя. Краем глаза отметила висящий на краю кровати пакетик с той самой " мочевой жидкостью"....Боже, какой позор!

— Надо же, чувство стыда вдруг появилось — язвительно произнёс мужчина, оторвавшись от стены и направившись ко мне. Медсестра удивленно вертела головой, переводя взгляд с меня на него и обратно, явно не понимая причину той дикой злости, которой были пропитаны все его слова.

Не дойдя нескольких шагов, он остановился, и принялся изучать меня словно насекомое под микроскопом. Мне было жутко некомфортно под его пристальным взглядом.

— Простите, мне нужно привести ее в порядок. И сейчас придет доктор, осмотреть- девушка не решалась попросить мужчину оставить нас, замаявшись. Он помолчал немного,

будто взвешивая все за и против, а потом лишь кивнул в ответ. Желваки заходили на его красивом, но каком-то неживом, больше походящем на застывшую маску, лице. Повернувшись, направился к выходу.

Он уходил, а я чувствовала, как вместе с ним уходит и нервное напряжение, в котором пребывала. Почему он меня так пугает?

Уже у самого порога он обернулся, словно ожидая застать меня врасплох.

— Пары часов будет достаточно- не спросил, приказал медсестре. Та лишь, сглотнув, кивнула в ответ.

— Это она? Уже пришла в себя... — раздался женский голос позади него. Высокий, с капризными нотками. Фигуристая блондинка в неприлично коротком синем платье, обойдя мужчину, принялась, в свою очередь, изучать меня.

— Да- буквально выдавил из себя мужчина. Ухватив ее за руку, развернул обратно — Вечер отменяется, Стас отвезет тебя.

А потом я уже слышала лишь удаляющееся " ну, зая, я так долго ждала" и " хорошо, не злись. Тогда по магазинам пройдусь". Мысленно порадовалась, что желудок пуст- иначе непременно все содержимое оказалось бы сейчас на кровати, так приторно и дёшево звучали все эти " заи", да и мужчина, явно, был не из тех, кого подобной бутафорией можно взять.

— Вас нужно вымыть, переодеть в сухое- вернула меня на землю медсестра- врач будет через полчаса, мы должны успеть.

Я кивнула в ответ, не представляя, на что соглашаюсь. Медсестра открыла дверь двум мужчинам, что перенесли меня, сгорающую от смущения, в ванную комнату. Стоять я могла пока слабо, все мышцы тела разом заныли от непривычной нагрузки — видно, долго пролежала. В ванной медсестра и еще одна девушка, как я поняла, из местного персонала (я всё еще не могла сообразить, где же я. В сверхдорогой клинике, домашнего типа? Вернее, типа сверхдорогого дома. Или же я действительно в доме....Но где? У кого?).

Святослав:

Меня до сих пор трясло от злости, так, что я не мог присесть- метался как раненый зверь по кабинету. То, что она пришла в себя, будто запустило процесс самоуничтожения. Обоюдного. Я утяну ее за собой. Хотела сдохнуть как последняя собака? Получи, распишись.

За это время я много интересного о ней узнал- и то, как она, оказывается, общалась с моими конкурентами в бизнесе. Мои люди нашли фото их " милых посиделок" в одном из ресторанов — решила, видимо, что нашла дурачка, готового ради нее на всё. Вот почему и спрашивала меня через раз- то когда вернусь, то- когда возьму ее к себе на работу. Маленькая продажная дрянь. И то ракрытое планировавшееся ими покушение на меня, из-за которого я вынужден был задержаться за бугром намного дольше, чем хотел изначально. Связать " один плюс один" было легко — зачем она ходила на переговоры? Что ей пообещали — что эта шкура вынудит меня взять её к себе, понимая, что на рядовую должность не возьму. Конкуренты устроят меня, кто остаётся главным, на кого написано завещание (о, это узнать для них не составляло труда. Лера! Мать ее, я ведь мечтал, что ее дети продолжат мой бизнес)? Вот ушла стерва и решила ускорить момент.

Сжав кулаки, приказал себе дышать спокойнее. Иначе, едва увижу ее ненавистное лицо, с этими ангельскими глазками и большими, слегка припухлыми губами (херувимчик прям, сука!) — не сдержусь и задушю своими руками. Сожму тонкую шейку до хруста! О, нет, милая. Нет. Все будет гораздо веселее. Гораздо!

В дверь постучали. Испуганная девушка из прислуги, явно тяготившаяся поручением сообщить мне, что доктор закончил осмотр и сейчас придет (еще бы- меня здесь, и не без оснований, боялись до чёртиков. Вечно раздраженный и злобный, с бутылкой вискаря в руках. Пару раз я даже слышал свою негласную кличку, когда одна из девушек говорила повару, что " Мефистофель, похоже, завтракать не собирается").

Доктор, что пришёл спустя несколько минут, битых полчаса распинался передо мной о состоянии организма Леры. Дескать, отдых, все дела. Обязательные лекарства для сердца, никаких нервов и волнений. Я лишь кисло усмехнулся в ответ — видел бы он, как ее даже в коме знатно потряхивало. Ломка- дело такое. Вряд ли вся та дрянь, что она принимала, вышла из организма. Да от привычек плохих людям трудно избавиться, а тут- зависимость.

— И ещё. Вы должны попытаться создать обстановку, максимально приближенную к той, в какой она жила- важно заявил доктор. Я едва не засмеялся в голос- знал бы ты, пилюлькин, как она жила- ошалел бы.

И тут он добавил то, услышать что я никак не ожидал:

— Это крайне необходимо, чтобы память вернулась как можно скорее.

— К кому вернулась — переспросил я как debil, медленно зверея. Вот же стерва! Такому умению подстраиваться к сложившейся ситуации, да ещё едва продрав глаза от комы, позавидовал бы даже самый ушлый спецгент. Ну, ничего! Это наивного идиота-доктора, что тут же пустился в пространные объяснения о степени комы, о коре мозга и еще какой-то важной медицинской хрени, она смогла обвести вокруг своего тоненького пальчика. Но меня....

— Всего доброго! — прервал я научные излияния доктора. Тот, широко открыв глаза, удивленно смотрел на меня, вцепившись обеими руками в ручку портфеля.

— Вас проводят — я сунул ему приличную сумму за осмотр и неудобства, и вышел, позвав орану.

В моей спальне, где находилась все это время Лера, суежилась прислуга, убирая часть лекарств, катетеров, охрана с периметра выносила один из уже не нужных мониторов. Медсестра сушила феном волосы Лере, но, увидев меня, тут же выключила прибор, положив его на кровать.

— Оставьте нас- тихо приказал я, но все тут же, бросив дела, попятнулись к выходу. Лера сидела на кровати, вглядываясь в меня, словно пыталась вспомнить. Актриса без Оскара, мать её. Через тонкую ткань сорочки просвечивали темные полушария ее груди, волосы, еще слегка влажные, спускались по спине. Пальцами она легонько сминала простынь. В-общем, вид переживающей и нервничающей беспамятной у нее выходил как можно лучше.

— Ну, здравствуй- хрипло произнес я, усаживаясь рядом с ней. Протянув руку, ухватил прядь её волос, легко поигрывая пальцами.

— З-з-дравствуйте- дрожащим голосом вернула приветствие она, машинально попытавшись отстраниться, и тут же вскрикнула — я натянул прядь волос на руку, обернув около ладони.

— Так ты, значит, ничего не помнишь? — вкрадчиво произнес я, придвигаясь ближе.

— Нет...немного...Только интернат...детдом... — она испуганно следила за каждым моим движением, хитрая сука!

— И кто я- не помнишь? — пропускал шелковистые пряди сквозь пальцы, пристально за ней наблюдая.

— Н-нет...Мне больно- пискнула она, а я тут же, ухватив с силой ее волосы, сгреб их в ладонь, дернув на себя. Заставив ее откинуть голову назад, навис над ней:

— Ну надо же, как удобно, не находишь? Забыла все... — я рычал от злости, еле контролируя себя

— Пустите! Мне больно...я буду кричать! — в ее темных глазах плескался открытый ужас. Возможно, это и остановило меня. Насытило на время жаждущего мести монстра внутри.

— Будешь. Обязательно будешь, поверь- отшвырнув её от себя, вскочил с кровати, бросившись к дверям. Хотелось взвыть как раненому зверю- почему?! Почему так несправедливо?! Моя Алена хотела жить, любить, хотела семью...Но ей не дали ни единого шанса. А эта тварь?! Имея сотни шансов, имея деньги, помощь, любовь опекунов. Не желает ничего, кроме как планомерного саморазрушения. Часто я представлял, как она отдавала себя за очередную дозу- и черная ненависть пульсировала по венам

Дал указания охране, прислуге. И уехал, пускай пока отдыхает, выздоравливает, набирается сил. Они этой стерве еще пригодятся!

One month of silence

Валерия:

Прошел месяц. Мужчина, что пугал меня до дрожи в коленках, больше не появлялся, хоть сердце мое и замирало каждый раз, когда я слышала звук открывающейся двери или чьих-то шагов.

За мной ухаживали, едва ли не как за ребенком. Столько людей заботилось- было даже неловко. Несмотря на мои жалкие протесты, меня мыли, расчесывали, занимались различными медицинскими процедурами, следили, чтобы строго по времени пила положенные таблетки. Раз в два дня меня навещал доктор, отмечая положительную динамику. Приходили физиотерапевт, тренер по плаванию, с которым я безвольной куклой барахталась в огромном бассейне- такие нагрузки мне пока были противопоказаны, но вода отлично расслабляла (я была в шоке, однажды увидев на его телефоне смс о зачислении денег с подписью " за занятие"- со мной или за какое-то предыдущее, но сумма была просто огромной).

— Ты ешь — то, давай, Лер- Татьяна Филипповна, экономка, выгнув бровь, указывала мне на поднос с нетронутыми блюдами- есть нужно, а то гулять она собралась, скучно в доме, а унесет тебя ветром- нам потом как отчитываться? — вытерев руки о небольшое белое полотенце, закинула его себе на плечо, цепким взглядом окинув комнату- ну, я пойду. Как доешь- Настю отправлю, заберёт поднос. Смотри мне- вернётся Настя пускай только с пустым подносом.

Улыбнувшись ей в ответ, принялась за еду. Татьяна Филипповна вообще чудесный человек — и относилась ко мне едва ли не по-матерински, и помогала освоиться. И хотя бы немного о том, кто я, что со мной, пояснила. Доктору эти вопросы я озвучила, но он, как мне показалось, со страхом, мелькнувшим в глазах, сбивчиво начал объяснять мне, что не нужно тормозить память, мучать лишними деталями- всё само вернётся. Что он может лишь сказать данные из медкарты, да и что я- родственница " господина Соколова"(как я догадалась, этого злобного тиранистого мужика с умением вынуть душу одним взглядом).

Татьяна Филипповна же объяснила, что я ему- дальняя родственница, племянница двоюродная, вроде как. Что прежде отношения хорошие были, но он давно не в городе был, даже не в стране. Вернулся — что-то случилось. Ну, или я "что-то " сотворила, так как он был зол. "Наверно, с учебой что"- предположила Татьяна Филипповна. Я лишь покачала головой в ответ- нет, не думаю. Причина для той лютой ненависти, что я читала в его взгляде, явно не учеба. Нет, там что-то гораздо глубже.

Мои попытки выпросить персонал о хозяине к особым успехам не привели- ну, да я и не рассчитывала. Кто же расскажет вот так, с бухты — барахты взявшейся девушке, всю подноготную хозяев? Из интернета (да, мне оставили телефон, но без сим-карты, подключаться я могла лишь к домашней сети, а еще обнаружила, что на моем смартфоне стоял родительский контроль. Это слегка покорило — мне ведь не 15 лет, я — давно совершеннолетняя. Но я списала это на возможность заводских настроек, да и, в принципе, мне некому было звонить или искать что-то сверх информации в поисковиках) я узнала о том, что беременная жена хозяина дома погибла в автокатастрофе. Стали немного более понятны причины его вечно хмурого выражения лица. Такое перенести не каждый может. Потеря близкого человека.

Я часто задумывалась- есть ли у меня близкие? Родители, любимый человек? Детей у меня, наверно, не могло быть. А вдруг? Это так тяжело — ничего о себе не знать. Персонал вообще ничего внятного не отвечал, люди лишь как заведенные повторяли мантру: " Хозяин придет — сам все расскажет".

Гулять меня выпускали лишь по территории, правда, она размерами была схожа с небольшим парком. Позади дома раскинулся небольшой сад- я любила приходить сюда, чтобы побыть в одиночестве. В доме, даже в той комнате, куда я переселилась (не могла больше находиться в спальне этого человека, " родственника"), постоянно сновал персонал, а я, все еще не привыкнув к образу жизни, когда есть столько прислуги, замирала как изваяние, ожидая, когда они покинут комнату. Попросить выйти (а уж, тем более, приказать) я не могла- язык словно прилипал к нёбу, так и сидела- покраснев от смущения, с прямой спиной, неловко пытаюсь сделать вид, что чем-либо занята.

А в саду было так спокойно. Ну и, честно сказать, здесь я познакомилась с весьма милым молодым человеком, племянником садовника. Антон был просто мечтой в моем положении- веселый и улыбчивый, он не относился ко мне с раболепием остальных слуг или, наоборот, не провожал любопытными взглядами как иные из них. Нет, он болтал, шутил, рассказывал о цветах и их значении. Он действительно любил свое занятие- даже учился на ландшафтного дизайнера, а в свободное время помогал дяде здесь.

Вот и сейчас мы сидели, плечо к плечу, жадно выискивая по названиям сортов в телефоне то, как будут выглядеть новые, только что посаженные, семена. И даже не знали о том, что за нами наблюдают.

The truth

Валерия:

— Ну, нет, это- незабудка альпийская. Смотри — у виолы вот такие лепестки. Похожи, да. Только у незабудки они... — но услышать, чем же отличаются лепестки двух видов цветов я не успела. Сидевший со мной рядом Антон словно взмыл в воздух. Повернувшись, я вскочила с лавочки, шурясь на солнце- мой самый страшный ночной кошмар, Святослав, стоял, озаряемый светом солнца, отчего казался ещё мощнее, еще более пугающим. И держал Антона за шкуру, словно нашкодившего котенка.

— Я же сказал- сквозь зубы процедил он, не глядя на меня- никому к ней не подходить! Никаких разговоров!

Антон, испуганно болтаясь в его большой руке, лишь переводил округлившиеся от страха глаза то на Святослава, то — на меня.

— С этого дня ты сюда больше не приходишь, ясно? — он отшвырнул парня от себя, словно тот был игрушкой- а ты пойдешь со мной! — зырчал, повернувшись ко мне.

От того, каким тоном это было сказано, у меня мурашки пошли по коже. Я машинально отступила, едва не упав в свежую клумбу- тут же сильные мужские руки подхватили меня, потащив за волосы к дому. Позади были слышны крики Антона- " Вы что делаете?", " Так же нельзя, она ведь больна! Я вызову полицию!". Святослав, резко остановившись, отбросил меня в сторону, да так, что я рухнула на землю всем телом. Рывком " Только попробуй пошевелиться", он в несколько шагов преодолел расстояние между ним и Антоном, рывком поднимая парня с земли. И с силой впечатал кулак ему в лицо. Я в ужасе, пошатываясь, поднялась, направившись было к ним, но Антон, рукой держась за окровавленный нос, покачал головой.

— Сейчас ты уедешь и больше не вернёшься никогда, компенсацию за морду получишь через дядю- раздался рык Святослава. Я ужаснулась- это страшный человек. Человек, что привык- его деньги и власть решат все, такой способен даже убить. Не помня себя от страха, я бросилась к дому. Сердце зашло от нервов и непривычной нагрузки, я почти ощущала, как оно бьётся о ребра. Прижав руку к этому месту, попыталась хоть немного мысленно успокоиться- надо бежать! Бежать отсюда.

Машинально перевела взгляд на руку- телефон! Он остался у меня, от страха я сжимала его с такой силой, словно он был продолжением руки. И тут меня озарило- 112! Можно ведь набрать без симки! Хорошо, что некоторые основные моменты, бытовые или не связанные с моей жизнью, все ещё помнила.

Дрожащими пальцами набирая 112, оглянулась — Святослав сокращал расстояние между нами. Первым делом крикну в трубку адрес и " помогите", пускай приедет полиция.

" Если вам необходимо соединение с пожарной службой, нажмите 1, с полицией- 2"- раздался механический голос на том конце трубки, и мой палец потянулся к заветной цифре. Но тут же голову обожгло болью- Святослав нагнал меня почти у дверей.

— Телефон! — заорал он над ухом- Телефон сюда дала, сука! — дернув еще сильнее за волосы, он заставил меня разжать руку. Смартфон упал на землю, где его безжалостно втоптала в каменную плитку дорожки к дому грубая подошва мужского ботинока.

— А теперь пошли, потолкуем! — прямо так, за волосы, потащил он меня мимо ошарашенных, замерших в нерешительности слуг.

— Помогите... пожалуйста, помогите! Вы — псих! Вам нужно лечиться! Помогите! Дайте кто-нибудь!? — визжала я, вырываясь. Но все будто в камень превратились, не решаясь сделать что-то против воли хозяина. Мне стало по-настоящему страшно- вздумай он меня убить, они еще и прикрывать хозяина бросятся.

На лестнице навстречу я, споткнувшись, упала, но он рывком за волосы заставил меня подняться. Уже у самых дверей его спальни нас встретила Татьяна Федоровна. Её руки дрожали, но на лице была написана решимость:

— Святослав, что происходит?! — храни Вас Господь, Татьяна Филипповна. Слезы, что так долго копились внутри, солёным водопадом хлынули по моим щекам — наконец-то! Хоть кто-то заступился. Пускай даже у нее ничего не выйдет. Кто такая она, экономка, против этого богатого уroda! Но сам факт- я не одна в этом мире, за меня есть кому заступиться, довел до слез.

— Ты что делаешь, она же больная?! — женщина подошла она ближе, освобождая меня от его хватки- Зачем ты так?!

Она называет его на " ты"? Того, перед кем дрожит не только прислуга?!

Мой мучитель лишь хмыкнул, но руку разжал. Татьяна Филипповна тут же бросилась ко мне, осматривая, обнимая, приговаривая, что всё будет хорошо:

— Добрая ты... Жалеешь всех, даже кого не стоило бы- скривившись от сцены материнской заботы, выдал Святослав- Сказать, что эта милая девочка сделала? О, она всего лишь пыталась убить меня. Не сама, естественно, — его глаза удовлетворенно зажглись, когда он услышал тихий возглас удивления Татьяны Филипповны- Спуталась с моими конкурентами. Я только чудом остался жив- он хмыкнул- Она вообще много с кем путалась. Давай, расскажи своей защитнице- бросил он мне- как отдавалась всем и каждому за наркоту. Сколько там тебя в последний раз имело? Пятеро?

В тишине, повисшей после этих слов, стук моего сердца раздавался набатом. Что он говорит?! Как... Неужели это- я? Я не помнила о себе почти всего, но каким-то внутренним чутьем понимала — я не могла. Не могла так поступить, это противоречило моей натуре! Но он говорил так убедительно, глаза его горели такой решимостью, что невольно я задумалась на мгновение — а вдруг всё это- правда.

— Если вы сейчас поможете ей бежать — вы убьете ее своими руками- уже спокойнее, мягче говорил он- Ей нужно пройти курс от наркозависимости, реабилитацию. А до этого... она будет как одержимая дьяволом пытаться обмануть вас, перетянуть на свою сторону- всё лишь бы оказаться на свободе, а там... От нашей стойкости зависит ее жизнь.

Я перевела взгляд на пожилую женщину, увидев, что она...поверила. Поверила! Это было ясно по той жалости, с которой она смотрела теперь на меня.

— Хорошо, — наконец сдавленно выдала она — я не спущу с неё глаз.

Святослав печально кивнул, вжившись в роль заботливого дядюшки. Но что-то подсказывало мне- это не так!

Насладившись произведенным впечатлением, мужчина повернулся, спускаясь вниз:

— Она должна быть готова через два часа. Мы уезжаем, соберите её вещи- бросил он, не оборачиваясь.

Я же тихо зарыдала, не в силах поверить услышанному. Поднимать взгляд на экономку мне было до боли стыдно... Неужели... Неужели все его слова- правда?!

Валерия:

— Ничего, ничего- Татьяна Филипповна расчесывала меня словно маленького ребенка- вылечат тебя вот, на свадьбе твоей погуляем ещё! У меня — вздохнув, она присела рядом- брат помер так. Алкоголь, чтоб его. Он же лечился, кодировали- ничего не помогало. Месяц максимум- и сорвался. Жену свою бил, если запирает хотела его. Горячка белая началась. Бросался с ножом на Жанку, это сноху мою, значит — каким-то чудическим образом она ему показалась. Хорошо, соседи услышали, прибежали, спасли. И помер так — на пьянке одной... остановилось сердце... — она замолчала, глотая слёзы.

Почему-то я из всего монолога выудила лишь фразу " остановилось сердце", многократно перекачивая её в мозгу. Почему она такая знакомая? Будто со мной связана?

И наркомания? Будь я действительно наркоманкой- разве не мучилась бы от болей сразу, только придя в себя? Когда-то я читала, что даже несчастные младенцы, родившиеся от матерей, употреблявших во время беременности, сразу же испытывают ломку, и врачи вынуждены вводить им то ли обезболивающие, то ли — минимальнейшие дозы сильных препаратов. Не помню деталей, но вот эта несправедливость, что маленькое чудо, кроха, мучается из-за слабости и эгоизма матери, прочно засело в мозгу.

Я нервно усмехнулась- мой мозг был сейчас похож на коробку с детскими сокровищами. Куча ненужного хлама и мелочей, но ничего важного, стоящего. Кто я, как жила раньше, кем была? Обо всем этом я, увы, ничего не помнила.

— Ты... — Татьяна Филипповна покраснела как девочка — не бери в голову, что тут... Ну, про жизнь твою бывшую — а кто не без греха. Главное, чтобы ты хотела все заново начать. С чистого листа. Сейчас вот вещи соберем, поешь... Подлечишься поедешь...

Время неумолимо приближалось, а я не знала, что мне делать. То, что здесь мне никто не придет на помощь, ясно стало еще после сцены на улице. Но и уезжать с этим ненормальным нельзя...

И тут, ответом на мои молитвы, стал телефон экономки, забытый ею на тумбочке. На нем она недавно показывала мне брата — фото, переснятые на телефон со старых черно-белых фотографий. Пока Татьяна Филипповна копошилась в шкафу, что находился в небольшой нише, я не могла упустить момент.

— Я в ванную — как можно громче сказала. Зайдя в ванную комнату, погромче включила воду, нажала на кнопку смыва унитаза для шума- и набрала заветные цифры, 112. Оператор, вежливая девушка, выслушав, сразу же записала адрес (о, его я выучила наизусть в первые дни здесь, выпросив у персонала), и сказала ожидать наряд.

Выскочив из ванной, вернула телефон на место- пожилая женщина все ещё суежилась у гардеробной, перебирая мой не особо богатый запас новой одежды, явно купленной мне этим безумцем.

Как заведённая я то вставала выглянуть в окно, делая вид, что помогаю в сборе вещей, то нервно косилась на дверь- вдруг Святослав придет за мной раньше. И тогда надежды на спасение нет.

В очередной раз выглянув в окно, увидела, как к воротам подъезжает полицейская машина. Слава Богу! Едва не запрыгала по комнате от радости! Я спасена, спасена! А этому подлецу ещё и статью за похищение влепят, будет если слишком наглеть. Нет, я не

собиралась жаловаться, заявлять. Хотя и не раз думала — вдруг на самом деле этот до неприличия богатый тип сбил меня на машине? А теперь, чтобы избежать ответственности, ну и договориться с остатками своей совести, вот так вот прячет и лечит? И никакая я ему не родня вовсе? Прислуга-то повторяет услышанное от него.

Нервно покусывая ногти, прижалась лбом к стеклу, уже не таясь. Полицейские, выйдя из машины, что-то говорили охранникам. А те, в свою очередь, что-то сообщили по рации. Пару минут — и тяжелые кованые ворота открылись, пропуская машину полиции.

Уже не обращая внимания на экономку, открыла двери, бросившись вниз. Но у самой лестницы меня встретил один из мордоворотов Святослава:

— Шеф сказал никуда вас не пускать — развёл он руками, загородив собой лестницу.

Я разумно решила, что не стоит нагнетать- запихнут меня в какой-нибудь чулан или погреб, полиция вовеки не найдет. Разумнее привлечь внимание отсюда.

Пулей бросившись в комнату, кинулась к окну. Святослав что-то обсуждал с полицейскими, а те, как китайские болванчики, дружно кивали головами в ответ.

Затем он кому-то позвонил и дал трубку одному из полицейских. Даже со второго этажа мне было видно, как изменился в лице мужчина, слушая.

Вернув телефон, полицейские...отдали честь Святославу, направившись к машине.

Этого я вынести не могла- оглянувшись по сторонам, схватила первое, что попало- красивый металлический подсвечник, с силой ударив по стеклу:

— Ты что же делаешь? — в ужасе прикрыла рот рукой экономка, глядя как осколки стекла, брызнув, разлетаются по комнате.

Но мне было не до неё. Набрав воздуха, я во все горло заорала:

— Помогите! Помогите! Меня держат здесь против воли.

Полицейские задрали головы кверху и...Снова повергли меня в шок. Они что-то с сочувствием на лицах наперебой стали говорить Святославу, а один даже похлопал его по плечу. Затем стражи порядка погрузились в машину и уехали.

Святослав, обернувшись, уставился мне прямо в глаза, будто издеваясь. Его тяжелый взгляд прожигал насквозь...

Да что же происходит?!

Святослав:

Эта долбаная наркоманка оказалась не только инертной рыбой, готовой на всё ради очередной дозы. Надо же! На минуту я снова начал чувствовать, как кровь забурлила в венах. Такое шоу устроила, стерва!

Как она непохожа на тех равнодушных силиконовых кукол, которыми я заполнял пустоту после смерти жены. Одинаковые, с одним и тем же скучающим выражением на будто клонированных лицах. Готовые исполнить любую твою прихоть, никогда не имеющие своего мнения. Реши ты прямо посередине приема сказать такой: " Встань и прыгни в бассейн"- она прыгнет. Прыгнет, мать её. Потому что знает — ты дорого платишь за свои капризы. Да и на рынке она свой рейтинг поднимет. Кто не захочет такую " оторву", не предпочтет кислым лицам своих жен? Вот только нет этого огонька в этих представительницах древнейшей. Нет. Они словно биороботы — лишь исполняют приказы. Пускай и самые невероятные.

"Такого открытого вызова мне давно никто не бросал"- усмехнулся своим мыслям. Пройдясь пятерней по волосам, лег на кровать. Руки все хранили ее легкий аромат- что-то с нотками апельсина. Наверно, шампунь.

Надо будет приставить к ней охрану- иначе, она найдет способ, как связаться с теми, кто едва не убил меня. В этом я не сомневался- хитрая, живучая стерва, словно кошка- всегда приземляющаяся на четыре лапы. Нет, опасности в ней я, конечно же, не видел. Но вот ей самой долго не жить- глупая, считает, что эти ублюдки будут с ней церемониться, едва поймут, что она бесполезна.

В памяти некстати всплыл момент, когда я застукал её с Антоном. Как она знатно обрабатывала этого лоха, как он бросался на охрану потом, когда его вышвырнули. В полицию побежал даже, благо, Соболь, решив всё с патрулем, передал моё финансовое "спасибо" и в отдел, где сам начальник теперь в курсе о моей непростой семейной ситуации.

Валерия:

По дороге к аэропорту я большей частью молчала, рассеянно глядя в окно Майбаха. Святослав сидел рядом, сосредоточено читая какие-то бумаги из портфеля, что держал на коленях. На меня он обратил внимание лишь в самом начале поездки, бросив на сиденье рядом со мной бутылку воды.

— Это тебе- сухо проинформировал.

— Спасибо. Я не хочу пить- я недавно пила таблетки, запила почти стаканом... — я вздрогнула от его рыка.

— Мне похер, что ты там пила и когда! Заткнись! Не отвечай, когда я не спрашиваю! — раздувая ноздри, он отвернулся от меня, принявшись перебирать бумаги. Краем глаза я заметила в зеркале, как водитель быстро перевел взгляд с нас на дорогу. Боже, какой позор. Огромным усилием сдержала слёзы- ну, нет, я не доставлю такого удовольствия этому уроду!

И вообще, я должна сосредоточиться- едва приедем в аэропорт, нужно устроить сцену. Попросить помощи! Я ведь- совершеннолетняя! Он мне- не опекун, я дееспособная. Да и вообще, это статья! Уголовная статья- незаконное лишение свободы. Наверняка он забрал и все мои документы, иначе как мы полетим.

В аэропорту нас встретил улыбающийся сотрудник, так лебезивший перед Святославом, что я, памятуя неудачу с полицией, решила подождать, пока будет людно. Но, к моему ужасу, нас отвели к ВИП-входу. Где был лишь один сотрудник досмотра, да и тот носил чисто формальный характер, если не больше — нас...просто спросили, не везем ли мы ничего запрещенного с собой. И, в ответ на "нет", подобострастно предложили пройти на посадку.

Мои документы, как я и думала, оказались у Святослава. На паспортном контроле была улыбчивая девушка, что слегка растерялась при виде моего мучителя. Покраснев, пару раз даже уронила его паспорт. Я поняла- он ей понравился. Как мужчина. Вряд ли она, в таком случае, будет на моей стороне. Пару минут пометавшись между " молчать до самолёта" и " просить помощи", все же, выбрала второе.

— Девушка, пожалуйста, помогите мне! — перегнувшись через стойку, горячо зашептала, не оглядываясь назад, — вызовите полицию, меня хотят силой увезти из страны. Меня... — по её расширяющимся от удивления глазам и взгляду куда-то в сторону, поняла, что Святослав за моей спиной.

— Вот — он бросил на стойку какие-то бумаги и паспорт.

Девушка, нерешительно переводя взгляд с меня на него, подала знак охраннику, что подошёл:

— Все хорошо, Борь.

Охранник вернулся на свое место, но принялся сверлить нас глазами.

Немного почитав, девушка вздохнула, возвращая документы:

— Простите, конечно, простите... — она с такой жалостью смотрела на меня, что моя рука невольно потянулась к стойке с документами. Что же в них такого? Что происходит?!

— Ничего- улыбнулся Святослав, а я на мгновение залюбовалась. Если бы не знала, какой он моральный урод- влюбилась бы. Очень красивый, уверенный в себе мужчина. И этот уверенный в себе красавец продолжил — это мой крест. У нас в роду женятся раз и навсегда- он слегка скривился, будто сказал неправду или несусветную глупость- вылечить ее теперь — моя обязанность.

— Да, понимаю- пролепетала очарованная его самопожертвованием сотрудница.

Крепко ухватив меня под локоть, не забыв при этом оставить денег той самой сочувствующей девушке (этот человек привык решать все деньгами или хитростью плюс деньгами?!), меня потащили по проходу.

"Ну, ничего! Устрою скандал в самолёте "- со злостью подумала я.

Но в самолете...мы оказались совершенно одни. Стюардессу Святослав тут же отправил обратно, в кабину персонала.

Салон самолёта был дорогуший- кожаные кресла, низкий столик с фруктами и напитками. Проходя мимо одного из отсеков, я видела даже большую двухспальную кровать.

Усаживаясь в кресло напротив меня, Святослав скривился в усмешке:

— Что, прицениваешься? Что вынести, продать?

Я смолчала, зная, что ему только и нужно спровоцировать меня.

Святослав, налив в два бокала вина, протянул мне один:

— Выпьешь? Или слабовато? — я не поняла, о чем он, но мужчина с интересом наблюдал за моей реакцией. Взяв бокал, я сделала несколько глотков и отставила его на столик, мысленно выдохнув. "Успокойся, пожалуйста. Успокойся "- призывала себя мысленно:

— Скажите, что происходит? Почему... — мой голос, вопреки планам быть сдержанной

и жёсткой, дрогнул- почему вы так со мной поступаете? Кто вы?

Резким движением он навис надо мной, больно ухватив за подбородок:

— Не строй из себя идиотку! — его теплое дыхание с привкусом вина касалось моей кожи- Можешь не притворяться, Лера! Мы одни!

Растерявшись, попыталась вырваться из его захвата, но только лишь оказалась ближе, так тесно прижатая к его большому телу, что трудно было дышать.

— Я не...Не строю! Я не понимаю, что происходит, кто вы? — в отчаянии бросила, замороженная блеском его глаз.

Внезапно он отпустил меня, отойдя к креслу. Через мгновение вернулся, бросив мне на колени ворох рассыпающихся документов, среди которых мое внимание привлек один. Свидетельство о браке! Между...Не может быть! Этот нелюдимый, злобный человек, готовый в любую минуту вспылить, взорваться- мой муж!/? Нет! Нет! Я бы...Я бы знала! Я бы почувствовала!

Дрожащими пальцами потянулась за бокалом — в горле совсем пересохло. Зубы отдавали дробь на тонкой стеклянной поверхности, а пенистый напиток обжигающей волной прошёлся по желудку. Муж! Господи, муж!

— Актриса без Оскара- меня грубо рванули вверх, подтолкнув к комнате, где была кровать. В ужасе я пыталась затормозить, хватаясь за все, что встречались на пути. Но мои пальцы больно отдирали с любой поверхности.

— Пожалуйста, прошу вас! Я правда ничего не помню! — взмолилась я, сдаваясь — умоляю вас! Я не знаю, не помню вас! Для меня это будет...как с чужим человеком!

Святослав развернул меня к себе. Легкое удивление, впрочем, тут же сменившееся презрением, промелькнуло в его взгляде:

— Если ты насчёт секса- не бойся. Будь ты даже последней женщиной на Земле- я бы не подошел к тебе- выплюнул он мне в лицо — я хочу спать, а ты просто ляжешь рядом!

Я собиралась вновь протестовать, но он, вцепившись мне в предплечья, зарычал:

— Это не обсуждается! Я слишком устал, а от такой стервы можно ожидать чего угодно! Пошла!

Я едва не упала лицом на кровать, влетев в дверь. За спиной раздалось шуршание одежды.

— Раздевайся- мужской голос был лишен эмоций, словно выполнял нелюбимую работу- раздевайся и ложись.

В меня полетело одеяло, которым я прикрылась как щитом. Дрожащими руками принялась стягивать с себя одежду. Наконец, оставшись в одних трусиках и тонком кружевном лифчике, завернулась в одеяло как в кокон, вновь вызвав презрительную усмешку у этого большого красивого мужчины. Закрыв дверь, он выключил свет. Маленькое помещение, без иллюминаторов, тут же погрузилось в темноту.

— Ложись- вновь велел он, устраиваясь на кровати. Я легла на самый край, опасаясь. Но мой похититель лежал неподвижно, не делая ни единой попытки приблизиться. Глаза его были закрыты, дыхание — размеренным. Но что-то подсказывало- он не спит.

— Собиралась бежать- раздался его хриплый голос — Я ведь мог организовать все так, чтобы ты проснулась уже не в стране. Мог бы специально сделать так, чтобы тебя в наручниках тащили по трапу. Пожелай я- и мы бы прошли даже без проверок — он замолчал на мгновение, я же лежала всё также, боясь пошевелиться. И тут Святослав неожиданно сгреб меня своей большой рукой. Моих запястий коснулся холодный металл — наручники?!

Взвизгнув, принялась отбиваться, но он лишь налег всем телом на меня, обездвижив. Скоро обе мои руки были плотно пристёгнуты к столбику в изголовье кровати. Поправив на мне одеяло, он вернулся на своё место.

— Мне нужно поспать, это для твоей же пользы- я не поняла, о сне или о наручниках он вел речь- И захочешь что-то выкинуть- вспомни аэропорт. Я всегда на шаг впереди тебя, "жёнушка"- выплюнул он, а я даже в темноте почувствовала, как скривилось его красивое лицо на этом слове

Святослав:

Доктор сообщил мне о значительном улучшении самочувствия Валерии. Но я и без него это знал- эта живучая словно кошка стерва уже пришла в себя, раз принялась бегать по дому, выпрашивая, вынюхивая. В истории её запросов с мобильного несколько раз фигурировало моё имя. Прислугу расспрашивала, пытаясь расположить к себе. Некоторых даже удалось-экономка, как доложили мне, души не чаёт в этой обманщице, заботится о ней, опекает.

Я собирался приехать позже, но когда охрана доложила, что Валерия начала проситься "погулять"- понял, что всё. Дальше тянуть нельзя, или эта стерва испарится, обведя вокруг своего тоненького пальчика кого-то из мужской части персонала. Ее уже видели с племянником садовника- знает, тварь, кого обрабатывать. Этот её и в своем грузовичке провезти за территорию может. Я отдал приказ о полном досмотре этого идиота и его транспорта, а сам тут же вылетел обратно.

Леры не оказалось в спальне- оказалось, она, видите-ли, не могла там находиться-упросила экономку перевести её в одну из гостевых. Не знаю почему, но меня это сильно задело. Словно взяла сердце, помощь, деньги — и теперь всё, досвидос. Ей даже противно находиться рядом. Пока персонал искал ее, зашёл в свой кабинет — плеснуть немного виски, для срокойствия. Иначе удушю её, не дав и слова сказать.

И надо же- из окна кабинета как на ладони просматривалась моя головная боль. Да не одна- вместе с этим долбаным племяшом. Они сидели на низкой скамейке в саду, как любовнички- склонив головы друг к другу, рука к руке. Со злости швырнув бокал о стену, с минуту тупо глядел, как стекают золотистые капли. Сука! Хитрая расчётливая сука! Уже обрабатывать этого олуха принялась. Свалить вздумала.

Выбежав на улицу, направился к ним. Ничего, любовнички, сейчас я вам устрою!

Валерия:

— Не отключайся- меня бесцеремонно трясли, ухватив за плечо, отчего нервные импульсы, тикая болью, расходились по всему телу. Но тячугая, почти осязаемая, темнота затягивала в свой круговорот, и я то теряла сознание, то приходила в себя вновь на краткое мгновение, успев заметить лишь то, что нахожусь в салоне дорогого авто.

В этот раз в реальность вернулась в незнакомом помещении — пытавшись привстать, была неприятно удивлена- я лежала на кровати, пристегнутая мягкими жгутами по рукам и ногам. Даже голова- и та была зафиксирована.

— Помогите... помогите....- опешив, захрипела я ломающимся, совершенно непослушным голосом. Что случилось? Может, всё произошедшее недавно- только фантазии воспалённого разума? Злобный человек, называвшийся мужем? Перелет? А на самом деле я только что пришла в себя? Но почему я пристегнута?

— Помогите... — вновь захрипела я, напрягая связки.

— Вот так бы ты и сдохла... — раздался спокойный мужской голос откуда-то из угла. Я не могла повернуть головы, чтобы увидеть говорящего, но и так знала, что это он, мой мучитель. А голос, меж тем, продолжал- Одна, без друзей, подруг, близких рядом. В луже собственной блевотины. Этого ты хотела? Этого добивалась?! — казалось, он сам себя накручивает, чтобы ещё больше ненавидеть меня.

— Пожалуйста...пить... — у меня не было сил даже на ответ, больное пересохшее горло нещадно саднило.

Мужчина встал- его мощная фигура в тусклом свете лампы заставила поежиться от страха- почему-то ненависть, исходящую от него, я буквально ощущала кожей.

Подойдя ко мне, он освободил мою голову от ремня. Чего он медлит? стакан в его руках казался пределом всех мечтаний, я уже почти представляла, как прохладная жидкость потечёт по измученному, пересохшему горлу. Машинально потянувшись за стаканом рукой, поморщилась от врезавшегося в руку ремня.

— Подними голову- раздался приказ. Я повиновалась, готовая на все ради заветного глотка. Мужчина устроил подушку так, чтобы я могла на нее опереться. И поднёс стакан к моим губам. Если бы я так отчаянно не хотела пить, то нашла бы эту сцену слишком... неправильной, интимной. Но я лишь, зажмурив глаза от удовольствия (или нежелания смотреть в лицо моего мучителя) в несколько глотков осушила стакан.

— Можешь открывать глаза- я все равно не исчезну, — насмешливый голос проникал прямо в мозг. А тело ощутило, как мужские руки легко прошли от ключиц до середины груди, замерев на мгновение там, где бешено билось сердце.

— Ты принимаешь таблетки? — вдруг спросил он, а я, растерявшись, открыла глаза, вперившись непонимающим взглядом в его серые льдинки.

Таблетки? О каких таблетках идет речь? Неужели он собирается... Но я ведь выгляжу не самым лучшим образом, да и лежу, пристегнутая к этой кровати. Что он собирается делать? Страх разгорелся с новой силой — а вдруг он — маньяк? Психопат? Ну и что, что внешность привлекательная?! Тед Банди, тоже с лёгкостью очаровывавший женщин внешностью и манерами, оказался жестоким убийцей. А этот...Я у него дома? Куда он меня привезу? В памяти стали всплывать отрывки новостей про несчастных пленниц, которых психопаты

годами держали, запертыми в подвалах или гаражах, подчас даже в своих домах. А ничего не подозревающие соседи потом, в интервью прессе, говорили в шоке, что " ну такой хороший мужчина был. Мы и предполагать не могли...". Странная, однако, штука- память. Фамилии своей вспомнить не могу, возраста. А вот это все резко всплыло- видно, страх подстёгивает подсознание.

— Я спросил- ты принимаешь таблетки? — наседали на меня мужчина, нависая над кроватью.

— Нет, не принимаю. И я не собираюсь... — решимость покинула меня, голос сорвался на всхлип, задрожал- не собираюсь спать с вами...я вас не знаю....совсем...я не помню... — зачастила, переводя дыхание. Слегка повернувшись в сторону, попыталась уйти от его прикосновения- это не осталось незамеченным.

— Хватит придуриваться! — злобно рявкнул мужчина, убрав руку с моей груди так быстро, словно обжёгся о неё- Проблемы у тебя с наркотой, а не с памятью! И с совестью- другая на твоём месте всю жизнь бы благодарила судьбу за второй шанс, сука! Все бы отдала, лишь бы жить! А ты? Тыбы!? — мне стало страшно от его рыка, я попыталась отвернуться, но он, ухватив меня за подбородок, не дал этого сделать- Ты- просто жадная эгоистичная дрянь, решила кайфовать по полной? Так?! Так, я спрашиваю?! — он встряхнул моё лицо, словно пытаясь выбить из меня это признание. Но я молчала, лишь с испугом глядя на него. Мужчина слегка успокоился. Брезгливо отпустив меня, он сел рядом, упёршись локтями в колени, уронил голову в ладони рук.

— Чего тебе не хватало? — глухо спросил- я ведь старался сделать так, чтобы ты была счастлива... Неужели эта херня...Дороже жизни? Шмотки, деньги, жильё, тачка- тебе мало было? Чего ты хотела, Лера? Чего?!

Не дождавшись ответа, с болью в голосе добавил:

— Лер, скажи мне только одно- неужели ты правда пошла бы на их условия? На то, что они планировали сделать со мной? Я понимаю- я для тебя хер с горы. Добренький debil, что расчувствовался, лох для дойки... Но Стелла, Эдуард...Они ведь...Вся их жизнь зависит от меня, неужели ты этого не понимала? Все, что у них есть, дал им я...И ты бы это разрушила...своими руками...

Он замолчал, переваривая бушующие в душе эмоции. Затем повернулся:

— Сейчас я отстегну тебя, сходишь в туалет и душ- кивнул он на дверь за спиной- Там и шмотки твои приготовили. Дверь не закрывай- на мой, полный ужаса взгляд, усмехнувшись, добавил- Мне похуй на твою скромность. Нужно было проявлять, а когда давала четвертым за дозу, а не сейчас... — отвращение в его голосе больно резануло, сколько бы я ни пыталась убедить себя, что мне всё равно- твои таблетки и завтрак внизу. У тебя будет ровно 10 минут, чтобы собраться. Не успеешь- приду и вытащу в чём есть за волосы!

Молча кивнула в ответ, боясь разозлить его ещё больше. Мужчина снял ремни, дождавшись, пока я немного разотру ноющие места под ними, пинком придвинул тапочки к кровати. Я принялась медленно и неуклюже спускаться, под его контролирующим взглядом:

— Пошла- легкий тычок в спину, для ускорения, заставил прибавить шаг.

До вечера я просидела взаперти в комнате, метаясь по ней словно зверь в клетке. Воспоминания о прошлой жизни потихоньку приходили- небольшими отрывками, словно трейлеры из незнакомых кинофильмов. Мне было сложно сообразить, понять, о чем они, кто все эти люди, действительно ли все происходящее было со мной. Зато то, что творил

Святослав последние дни, отчётливо засело в подсознании. Нужно узнать, что с Антоном, пускай и вызову этим очередной приступ гнева. А ещё...Еще нужно что-то делать для своего спасения. Не стоит быть безвольной героиней мелодрам или фильмов ужасов, что позволяет своему мучителю всё. Нужно быть хитрее. Вот только получится ли? Если я сижу в запертой на ключ комнате, без связи, без любых средств информации, даже без книги.

В дверь постучали. Я печально улыбнулась — явно не Святослав, уже знала его привычки. Этот мужчина снес бы двери вместе с петлями, вздумай я закрыться от него. Да и просто к чему стучать к своей же пленнице?

В замке повернулся ключ. Я настороженно отошла к окну, наполовину спрятавшись за туалетный столик. На нем ярким пятном выделялась блестящая массажная щетка с острой витой ручкой, украшенной стразами. Липкий щупальца страха поползли вверх, вдоль позвоночника — это принадлежало другой жертве? Такой же измученной и отчаявшейся найти выход страдальце, что плакала, измеряя шагами свою дорожную тюрьму, до меня?

— Hola, señora. Traje algo de comida. Mi nombre es María *(Здравствуйте, сеньора, я принесла еду. Меня зовут Мария) — полная мексиканка, то и дело себе пальцем в грудь, испуганно поглядывала на меня, катя перед собой тележку.

— El dueño le dijo que tomara pastillas- в нерешительности остановившись посредине комнаты, она косилась на меня словно не знала, подойти ли ближе. Взяв в руку маленькую белую таблетницу, она вновь принялась что-то лопотать на своем, указывая куда-то в область моего сердца. Я уже знала про операцию, про необходимость приема таблеток- о, про это Святослав объяснил мне, вытащив за руку из душа, силой притащив к запотевшему зеркалу. Мои жалкие попытки отбиться или прикрыться были пресечены им на раз- просто разведя мои руки в стороны, он проорал, чтобы я посмотрела на себя. И я повиновалась... То, что я увидела... Возможно, мне действительно проводили операцию. Небольшой шрам у ребер подтверждал его слова. Но если это так, то действия Святослава противоречили друг другу- переживать за моё здоровье, следить за тем, чтобы пила все положенные препараты...и тут же доводить до белого каления, да так, что тут и полностью здоровое, своё, сердце остановилось бы, а не донорское.

Улыбнувшись служанке, что в своем нелепом черном наряде с белым передником казалась важной вороной во фраке, я подошла ближе, заметив, как она внутренне напряглась.

— Лекарства- как можно милее улыбнулась я ей- лекарства- еще раз произнесла, указав глазами на таблетницу в ее руке. Женщина тут же расцвела, протягивая мне коробочку — видно, заранее готовилась к чему-то плохому, ожидая от меня гадости или подлости. Ну, что же- я не стала ее в этом разочаровывать. Резко выбросив вперед руку, я схватила ее за запястье, рванув в е себе. Обхватив ее массивную фигуру, другой рукой приставила к её горлу острие расчески. Делают из меня чудовище? Что же, я готова им побыть!

— Вперед! Пошла вперед! — легонько подтолкнула ее, молясь внутри всем богам- чтобы не было охраны на этаже. Но боги были сегодня не на моей стороне — уже на первом этаже, стоило нам с насмерть перепуганной мексиканкой спуститься вниз, меня встретил тот, кого я предпочла бы больше никогда не видеть! Святослав!

— Брось — даже не поведя бровью, хмыкнул он, кивая на расческу в моих руках.

— Сначала выпустите меня отсюда- огрызнулась я, больше по инерции, понимая, что попытка сбежать не удалась. Игра проиграна.

— Знаешь, — его голос зазвучал медовыми нотками- Мария ведь с недавних пор стала

почти гражданкой — явстряхнула головой, непонимая, к чему он клонит — А в США (я едва не упала от сознания того, где нахожусь! Неужели он не лжёт?!) очень строгие законы — насмешливо, он вытащил смартфон, вбив туда текст. И механический голос из него озвучил " si, Maria? Digo que en los Estados Unidos, la ley protege a sus ciudadanos?"

— Si, si, senior — залепетала Мария, шмыгая носом и затравленно глядя на нас. Мне стало до боли стыдно- во что я превратилась, если угрожаю смертью несчастной старой женщине. Голос эгоизма, что отчаянно кричал, молил о спасении всеми доступными способами, заглушил голос совести. Я опустила руку с расческой, сделав шаг назад. Мария, будто не веря своему счастью, еще мгновение стояла, окаменев, а потом бросилась вперед, спрятавшись за спину Святослава.

Уводя Марию из коридора, он пригвоздил меня взглядом к месту:

— Ждт здесь. Охрана у дверей и по периметру. Только зря потратишь время.

Вернувшись спустя мгновение, Святослав, уже повинувась устоявшейся привычке, схватил меня за шкурку, словно нашкодившего котенка:

— Вижу, тебе уже лучше? — злобно процедил он, таща меня за собой.

Резко затормозив у одной из открытых дверей, он бросил мое и без того ослабленное тело внутрь. Я упала на пол, задев по пути железное ведро и пару швабр.

— Это я специально для тебя заказал, интересные штуки, да?

С недоумением оглянувшись вокруг, увидела несколько таких ведер, швабры, тряпки, пару наборов резиновых перчаток и множество средств для уборки

— Сейчас начнешь уборку дома. Всего.

Я растерянно переводила взгляд на все предметы, не понимая, чего от меня хочет этот психопат? Вдруг я и в уборке сделаю что-то не так? Или на это он и рассчитывает? С сожалением окинула швабру взглядом- слишком мала, слишком хлипкая, чтобы огреть этого дубину!

Будто верно истолковав мой взгляд, Святослав зло бросил:

— Попытаешься что-нибудь выкинуть- сядешь. Мария сообщит в полицию, а там...там ты нехило времени за решеткой проведешь...еслии, конечно, не прячешь между своих плоских сисек (я покрылась краской с ног до головы, это он про утро, в душе... Разглядел, все-таки, хоть и метал громы и молнии) несколько тыщенок зеленых, для залога. А теперь- пошла работать. И уясни- он наклонился ко мне, обдавая ароматом свежести с ноткой сандала-У тебя теперь только два пути: ты или сдохнешь человеком, или просто сдохнешь. Выбирай.

Святослав:

Какого хера?!

Какого хера я доебался до неё? Сдохнет ведь! Ее сердце не должно переносить и сотой доли тех нервов, которыми в последние дни я щедро одариваю эту стерву!

"Её сердце"?! С хуя ли оно- её?! Хочется рвать и метать. Как всё было бы проще, если бы она сдохла. Да, я отомстил бы тем уродам точно также, как и сейчас. Организовал долбаные роскошные похороны, забухал бы на несколько недель. Но вся эта херова тягомотина, вся эта неизвестность закончились бы.

Нет, я — не эгоистичный ублюдок, думающий лишь о собственной шкуре. Просто я не отношусь к слюнтяям, что боятся сказать правду даже самим себе, заменяют её на миллионы красивых, ничего не значащих слов. Я с самого начала, едва узнал весь тот ад, что она творила с собой, увидел в больнице, всю усеянную тонкими трубками аппаратов, понял, что она- не жилец. И не потому, что слабая или я так решил- эта дура сама не хотела жить. Такие люди Титаником идут ко дну, попутно прихватывая с собой и близких.

Сегодня Лера смогла меня удивить- сквозь маску безразличной отрешённости прорвались чувства. Прикрыв глаза, усмехнулся, вспомнив шокированное лицо Марии. Как там говорится? Что не делается- всё к лучшему? Эта маленькая идиотка сама дала мне главный козырь, чтобы управлять ею. Теперь никакой суд в мире не поверит наркоманке, что напала на служанку в своем собственном доме.

Раздался звук сообщения, я придвинул к себе телефон, разблокировав движением пальца. На экране высветилась фигуристая брюнетка, Лола. Её " Привет, как дела?" означало " я все же влезу в твою кровать и кошелёк"- эта дамочка с хваткой Цербера. Будет понапористой многих моих деловых партнеров, что сперва пытались выйти на меня всеми законными и не особо способами. Вот Лоле таких консультировать — девица использовала всё способы сперва влезть в определенный круг, зацепиться там, а потом начинала окучивать всех мало-мальски богатых мужчин. Не гнушаясь, притом, начинать с низов. За то, чтобы пройти на одно закрытое мероприятие, где был я, она устроила групповуху с охраной, о чем потом со смехом рассказывала мне же, вусмерть накидавшись коктейлей.

Тут же перед глазами всплыло израненное, измученное тело Леры, что отдавалась за дозу этим хмырям! Сука! Аж противно стало. Что за стремление такое у баб к саморазрушению?! Моя Аленька была не такой. Раскованная, но лишь для меня. Помню, как несуразны были ее первые попытки соблазнить меня- как она едва не грохнулась со стула, пытаясь подражать какой-то сцене из фильма. Как заразительно смеялась, как сама пыталась что-то приготовить... И вот её нет. Только щемящее чувство одиночества, словно фантомная боль от того, что её выдрали из меня, оторвали наживую!

Блядь! Блядь! Блядь!

Её нет. И не будет. Никогда не будет рядом. Даже её сердце- и то принадлежит другой, чужой девке. Наркоманке и шлюхе!

Нет, нужно развеяться, иначе дома я не сдержусь и придушу эту темноглазую тварь своими руками.

"Ты дома? Я заеду через час"- отправил сообщение Лоле, пряча возникающую неприязнь. Зато она- честная. Никогда и не скрывает, что ей нужно. Она и подобные ей. И

вопрос о том, где она- всего ли формальность. Даю голову на отсечение- Лола примчится домой со скоростью света, где бы ни была сейчас.

— Ты представляешь, а он мне говорит- я — агент. Ищу новые лица для Беверли-Вуд студио. Ну я прям такая- оооо, это я. Я ж специально из России сюда приехала, чтобы в кино сниматься — Лола, соблазнительно выгибаясь, подставляла идеальную работу пластического хирурга, свою грудь, мне под нос. Мелкими глотками попивая шампанское, она то и дело поглядывала на телефон.

— Ты кого-то ждешь? — грубовато бросил. Какого хера?

— Я...аааа...да, это — сюрприз — весело начала она, облизнув полные губы, но, увидев, что я начинаю злиться, тут же исправилась- это Джина. Ну, помнишь, я говорила тебе о ней. Мы с ней сейчас снимаем жилье, она будет с минуты на минуту. Она тоже хотела с тобой познакомиться — многозначительно взглянула Лола на пухлый конверт с деньгами, что я кинул на журнальный столик. Естественно, оплата не обговаривалась. Высшее общество, мать его. Все было немного тоньше- мне намекнули, что нечем платить за аренду, я ответил, что решу это. И принес сумму, что хватит на год аренды. "Чтоб пупок не стёрся"- как любил говорить Сокол про девиц с пониженной социалкой, что работали в поту лица и других частей тела.

Раздался звук открываемой двери, затем- цоканье каблучков- и в комнату вошла Джина. Высокая рыжая деваха с большим ртом. Стоило отдать должное- ни капли силикона или пластики, всё натуральное. Но, увы, у меня нихера не шевельнулось при виде этой красоты упакованной в нереально короткое серебристое платье с блёстками и туфли на тонких шпильках. А вот ее глаза хищно загорелись:

— Здравствуйте! Как приятно встретить земляка- сразу рванула она в наступление- А то здесь и поговорить не с кем.

Я лишь ухмыльнулся в ответ- в ближайшие пару часов им будет точно не до разговоров, рты заняты будут.

— Шампанское будешь? — с ходу протянула ей бокал Лола, не упустив шанса показаться мне во всей красе с тыла. Тонкая талия, пышные бёдра — нет бы мне как нормальному мужику любоваться. Но в голове то и дело всплывала хрень вроде предстоящей сделки с "Дайджест индастриз" или участвовавших просьб Сокола открыть с ним сеть охранок* (охранка- охранное предприятие, ЧОП).

Девицы ещё несколько минут пожеманничали, помахивая полупустыми бокалами, а затем Джина что-то шепнула Лоле, при этом не сводя взгляда с меня. Лола улыбнулась в ответ:

— Я в душ, смотрите, не балуйте без меня- шаловливо подмигнула она нам и удалилась, покачивая бедрами.

— Может, перейдем в спальню? Там гораздо удобнее — взяла инициативу в свои руки Джина, отбросив прядь рыжих волос за спину. Я словно со стороны, безучастным зрителем, до этого наблюдавший их потуги, поплелся за ней, вполухе слушая ее пошлый бред. Да и сам хорош- надо же, высокоморальный долбоеб какой выискался, а? Неприятно тебе с блядешками находиться? А какого хера поперся к ним? Оперы разучивать на два голоса? Хер там- чтобы на флейте твоей поиграли, вот это уже ближе к истине.

Джина, одним аккуратным и явно отточенным с голами мастерским движением руки сбросила тонкое платье, оставшись лишь в черных трусиках и полупрозрачном бюсте, под

которым вырисовывались темные полукружия её сосков. Проведя ладонями по телу, она приблизилась ко мне, положив руку на ширинку моих брюк. Извиваясь, она принялась тереться о меня словно кошка. А я...странно, но я стоял истуканом, как подросток, не зная, куда себя деть. Тут еще и Лола вышла из ванной, в таком же комплекте, только белого цвета. Подойдя к Джине, она улыбнулась, с нежностью оторвав эту цепкую как пиявка дамочку от моего тела и страстно стала тереться своей грудью о её грудь, перемежая это легкими поцелуями. Я понял, что эта сцена тоже проигрывалась ими не раз, для разных мужиков-контраст между их внешностью, темноволосая загорелая Лола с формами, поражающими воображение любого мужчины, и стройная белокожая Джина с огненными волосами, ласкают друг друга...О, все это было призвано сделать так, чтобы мужик кончил, едва увидел. Но в моих мыслях отчего-то вновь была лишь Лера. Смешно и сказать — стоя перед двумя полураздетыми, ласкающими друг друга девушками, я думал- убралась ли Талова в доме? Помогал ли ей кто-то? Сбежать она не могла- охраны по периметру и у дома куча, а персонал не говорит по-русски, но вот просто искренне пожалеть или не понять- это могли.

— Эй, ау, ты с нами? — теплое дыхание и лёгкий цветочный запах обдали мою шею. Лола. Она обвила меня руками, отчего ее пышная грудь вжалась в мой торс, а Джина уже опустилась на колени, вцепившись пальчиками в молнию брюк. И тут я совершил непоправимое — я бросил взгляд а в панорамное окно, где словно в немом кино отразилось все это блядство! Высокий, заросший щетиной мужик, а рядом...И это я, мудака, что клялся Алене в вечной любви! Тот, кто говорил, что лишь одна она в его жизни...Я и раньше едва ли не в миссионерской ебал редких девиц, а теперь...

Джина и Лола не только меня поняли, но, даже, казалось, обрадовались самым легким деньгам в жизни. Когда они перестали вести себя как прожженные соблазнительницы, мы даже ещё немного посидели за столом, выпив уже коньяка. Я был слегка удивлен, видя как намахивают девочки. Оказалось, дамочек на самом деле зовут Зухра и Люба, а приехали девочки сюда с одним агентством, что якобы поставляло модели, реально же — занималось сутенерством для высших мира сего. Но они " вышли в тираж" по возрасту, а красивой жизни хотелось и дальше. Вот и стали, как это принято говорить, индивидуалками. Впрочем, кто я такой, чтобы осуждать.

Уже в машине, кивнув водителю, чтобы трогался, снова задумался о Лере- нарочно не хотел звонить, выяснять, как она там. Приеду, сука, сюрприз устрой! И тут аж задохнулся, представив, как она вместе Джигы входит в комнату в одном белье...Маленькая, стесняется, прикрывая ладошками груди. А сиськи — то у неё неплохие, успел с утра наглядеться.

Черт!

Стояк как каменный всю дорогу не опадает, вынуждая злиться и на Талову, и на себя, озабоченного уroda. Все кажется таким грязным, омерзительным, дешёвым, начиная с меня самого. Я знаю, что должен был всю жизнь прожить один, без баб, без шлюх, лелея мысли об Алене, о нашем так и не сбывшемся семейном счастье. Да, я- мудака! Мудака, сильный лишь с виду. А на самом деле до безумия боящийся одиночества и тех мыслей, фантазий, что оно несёт с собой. Они разъедают изнутри, заставляя лезть на стены от ядовитой обиды, злости на себя, мир вокруг, Бога, если он есть. Почему такой мудила как я жив, а маленький ребенок, невинный младенец, так и не увидел мир?!

Святослав:

В доме уже не горит свет, кроме пары окон во флигеле для прислуги. Нащупываю выключатели на стенах, направляясь к лестнице, и, пошатываясь, поднимаюсь наверх, держа в руках полупустую бутылку виски. Издавательски провожу пальцем по перилам — чистые, мать её, отполированные до блеска. Хотя, чего я ожидал? Будто без этой мелкой здесь было грязный клоповник? Убеждаю себя, что плетусь к ней из последних сил, словно измученный альпинист к вершине Эвереста, лишь для того, чтобы узнать — был ли доктор, ну и тряхануть немного, чтобы не расслаблялась. Правда, о докторе я мог узнать из сообщения от Эухенио, сына Марии, что исполнял роль моего секретаря здесь. Упорный парень — знал два языка, испанский и английский, и принципиально ради должности, начал изучать русский. Но читать его сообщение я не стал — почему-то захотелось услышать от самой Валерии. Почему у неё нет ломки? Я в наркоте не разбирался, слава Богу, от слова "совсем". Краем уха слышал от одной из тупеньких "светских львиц", что вот она — на чистейшем продукте, а он не вызывает ни привыкания, ни зависимости. Ну-ну, поэтому, видно, эта курица не вылезала из рехабов? Впрочем, мне до одного места её здоровье и состояние — пускай ею родня занимается. А вот Лера — это случай другой!

Ни в спальне, ни в других комнатах на втором её не обнаружилось. Теперь моё сердце забилося как бешеное — неужели сбежала?! Невозможно! Будить слуг, вдруг кто помог? Тот же Эухенио, знает ведь, сука, немного по-русски! Или нестись к охране, пускай проверяют периметр? Узнаю, кто помог....

"Так! Успокойся, отдышись" — уговаривал сам себя. Пизданулся в конец — что люди подумают обо мне? С визгом, как баба, залетаю с нелепыми обвинениями и пеной у рта... Спокойно, нужно проверить первый этаж.

Леру я нашел в маленьком подсобном помещении, что не использовалось уже очень давно. Она спала, обняв свернутое одеяло руками и ногами. Эта дурында притащила сюда лампу со второго, прихватив пару одеял и подушку. В задремавшей кофточке и пижамных штанах с мишками она выглядела милой и невинной, словно ребенок. Темная прядка волос лежала на щеке, заставляя руки чесаться от желания прикоснуться к ней, откинуть. Лопатки слегка выпирали, придавая ее внешности мерзкую трогательность, что начала штурмовать моё сознание с первого взгляда. "Ну же, Свят, посмотри, с кем ты воюешь! С девчонкой, мать его! С маленький глупой девицей, что ошиблась, оступилась. Будто ты сам — святой? А?". Послав гаденький голосок совести нахер, приблизился к своей тихо посапывающей проблеме.

Рядом с ее импровизированной кроватью стояли средства для уборки, валялось пару тряпок. "Заработалась, утомилась, надо же, Золушка хуева!" — пытался разозлить, накрутить себя, спастись от той неожиданной щемящей нежности, что заполняла душу до краев.

Развернувшись, тихо чертыхнулся, направившись к двери. Сзади послышался тихий шорох, движение.

— Вы...ты...Я уснула, извините — ее немного охрипший со сна голос подействовал как мощнейший афродизиак. Блядь! Что со мной творится, а!? Может, эти две служительницы древнейшей мне что в шампанское подсыпали? Вряд ли — там такая уверенность в своей женской неотразимости. Что за хуйня тогда происходит?

— Я все сделала. Ну...убралась, то есть — неуверенно меж тем продолжала Лера, а я стоял как. блан, не в силах даже обернуться.

— Молодец- прошипел, нащупывая ручку — поднимайся наверх, в спальню, нехер бомжевать в кладовках. Кого этим разжалобить собиралась?! — зло бросил, выметаясь из помещения. За спиной послышался тихий плач. " Послышался!" — уговаривал себя я, поднимаясь наверх-" Послышался, мать его!". Очередная бессонная ночь мне была обеспечена

My heart

Валерия:

" Эти дни" пришли неожиданно, будто кто-то сверху решил, что мучений мне мало, и подкинул еще одну неприятность. Правда, разум тут же возразил- легче было бы, если бы это чудовище полезло ко мне с...ну, ясно, с чем? Сейчас бы ходила беременной- и никаких тебе месячных.

Передернув плечами от отвращения, вышла в холл- сегодня утром мне принесли еду, оставив дверь открытой. Правда, по дому я гуляла недолго — мрачный охранник у дверей нижнего этажа недвусмысленно кивнул мне в сторону лестницы. А затем затараторил что-то на английском, да ещё так быстро, что голова пошла кругом- я не успевала не то, что переводить- слушать. Видно, заметив мою растерянность, он остановился, с усмешкой глядя на меня.

— Your room, understand? — отчеканил он ясно чей приказ.

Грустно кивнув в ответ, поплелась обратно. До обеда сидела в той самой " my room" безвылазно, перебирая в уме варианты спасения. Ситуация казалась, нет, была, ужасающей. В неизвестной мне стране (если это- не очередная извращённая штука Святослава, что просто нанял разноязычный персонал, а меня увез куда-то вглубь страны), неизвестно, что будет. Самое страшное — неизвестно, зачем, за что меня сюда привезли?! Судя по той ненависти, что вижу в его глазах, я совершила нечто из ряда вон. Обокрала его? Вряд ли- тогда бы он хоть раз заговорил о деньгах, спросил, где они. Изменила? Может, мы с ним были вместе...Нет, этот вариант я сразу отмела- я бы почувствовала, хоть это и звучит нелепо. Подставила в чем-то? А вдруг он просто- богатый извращенец-маньяк, озлобленный на всю женскую половину человечества. Это, хоть и пугало до жути, но больше всего походило на правду.

При попытках вспомнить о той, прежней, жизни, головная боль нещадной волной накрывала раз за разом, но я все равно, отдышавшись, помассировав виски, продолжала снова и снова, пыталась вспомнить. Вдруг меня ищут? Родные, друзья? Любимый человек?

А еще я, как и раньше, разрывалась в неопределенности — бежать сейчас, нахрапом, как угодно, пытаться, пускай и не получится. Или же хитрить, притворившись покорной. Что — то внутри подсказывало, что ни один из вариантов не обречён на успех- я в логове самого дьявола. Властный, циничный, разуверившийся во всех человеческих чувствах, живущий лишь ему понятными страстями, эмоциями. О, его не перехитрить, не переиграть. А уж деньги и власть вкупе — это заведомо мой проигрыш.

Может, попытаться втереться в доверие. Лучше, чем ничего?

На первом было тихо. Тихо и чисто. Будто невидимые феи прилетали, убирались в доме и исчезали с первыми лучами солнца. Правда, одной из них я была лишь этой ночью, но и до этого, прежде, персонал старался не попадаться на глаза. Свежий цитрусовый аромат витал в воздухе, а солнце било в открытые на проветривание окна, приглашая выйти на улицу, насладиться теплым летним (и вот тут я поняла, что точно не дома, на улице не могло быть так тепло!) деньком.

Стучась во все двери, сперва нерешительно, потом — уже сильнее, приоткрывала те из них, что не были закрыты. Дорогой интерьер, предметы искусства — все смотрелось стильно, современно и... пугающе. Всё будто кричало о моей ничтожности на контрасте, о

том, что я здесь- лишняя. Инеродное тело в едином элитном организме дома и его обитателей. Даже прислуга, охрана — и те, казалось, изредка при встрече буравили мою спину недоуменными взглядами, думая, что же я здесь делаю.

Сама того не заметив, вошла в небольшое помещение кабинета. Массивный стол с кожаным креслом, два тёмно-коричневых деревянных стула у низкого журнального столика в углу, секретер с напитками и несколько полок с книгами позади. Но моё внимание привлекло яркое пятно в центре стены, картина. На ней изображены двое- Святослав, одетый в светлую рубашку с закатанными до локтя рукавами и девушка в красном платье, так резко контрастирующем с её огненно- рыжими волосами. Святослав стоит позади, обнимая ее талию большой рукой. Девушка расслабленно откинулась на него, с легкой полуулыбкой на губах, словно знает- она в безопасности. За нее он порвет, убьет любого.

Тут же обрываю себя- бред! Это бред. Может, она — одна из предыдущих жертв? Влюбил в себя, наигрался- и в расход? Но что-то мне подсказывало, что это не так. Нет, здесь была любовь. Она виднелась в глазах каждого, в позах, словно бы двое стали единым целым, дополняя друг друга.

Руководствуясь каким-то странным внутренним порывом, подошла ближе, чтобы рассмотреть её. Девушка интересовала меня с непонятной, почти маниакальной, силой. Что в ней особенного? Яркая красота? Внешность? Пальцы руки сами по себе потянулись к ней, я даже привстала на цыпочки...

— Какого хера?! — раздался рык позади, отчего я съежилась в комочек, втянув голову в плечи- Какого хера, я спрашиваю, ты здесь шарисься?!

Он развернул меня к себе, пылая гневом.

— Я...я искала кого-нибудь...мне нужно...я хотела- было мучительно стыдно говорить о естественных физиологических процессах мужчине, пускай даже своему учителю.

— Что тебе нужно?! — встряхнул он меня, глядя куда-то в сторону. "На портрет"- догадалась я.

— Какого хера ты здесь рыскала? А? — снова встряхнул меня так, что зубы клацнули, — Что искала?! Думаешь, я — совсем идиот?! Поверил себе в сказочку с потерей памяти, повелся на твое актерство? Лера, если ты выкинешь ещё хоть что-то подобное — ты уедешь не в рехаб, в дурку. Я тебе это гарантирую. Будешь там под лекарствами 24/7, поняла?

— Поняла- всхлипнув от несправедливых обвинений, попыталась вырваться из жёсткой хватки, но проще было бы сдвинуть с места гору!

— Видишь её? — ухватив моё лицо, задрал подбородок кверху- Ты не достойна даже её мизинца- грубо оттолкнул он меня, подойдя ближе к портрету- Она создала... — протянул он тихо, не закончив.

Я искоса наблюдала за тем, с какой тоской, печалью в глазах он смотрел на портрет.

— А ты херишь всё! — неожиданно разозлился- пошла отсюда! — почти выпихнул меня из кабинета, захлопнув дверь перед лицом. Послышался звон разбитого стекла, и я поспешила ретироваться, не желая попасть под горячую руку.

Уже у самых дверей спальни поняла- он идёт за мной. Я боялась обернуться, остановиться, поэтому почти влетела в спальню. Но закрыть двери мне не дали сильные мужские руки как клещи вцепившиеся в полотно. Он был пьян, только сейчас я поняла это- по покрасневшим глазам, скомканной одежде, словно в ней спали всю ночь, не снимая, по стойкому алкогольному амбре, которое, как я ошибочно решила в кабинете, исходило от

секретера с бутылками.

— Подойди- глухо приказал, шагнув ко мне сам. Я нерешительно поплелась вперед, и тут же натолкнулась на его руку. Выставив вперед ладонь, он опустил её куда-то в область груди. Задрожав всем телом, испуганно попятилась назад- началось! Началось! Раньше он не трогал меня- боялся, что игрушка сломается раньше, чем он наиграется, а теперь, решив, что я более-менее оклемалась, перешел к своим ужасным планам.

— Стой, не дергайся! — зло рыкнул он, притягивая меня к себе. И вдруг он замер, а рука слегка дрогнула- все походило на дурной сон. Будто он и вправду слушал сердце, так отчаянно бившееся во мне. Мир замер вокруг нас, в оглушительной тишине раздавались лишь глухие удары моего сердца. Моего ли? Я почти поверила в то, что говорили доктора, что подтверждал сам Святослав...

Шрам, к тому же, был, лекарства- не могло ведь это быть бутафорией, опять же, визит доктора. Или... В голову лезли совсем бредовые идеи- вдруг я здесь для трансплантации органов? И какой-то из меня уже вырезали? Разве обязательно при пересадке сердца бывает такой шрам? Вдруг я попала к богатому психопату, что вознамерился заменить моими органами уже отжившие своё органы той же своей жены или дочери, например?

Сюжеты, один страшнее другого, получше чем в любых фильмах ужасов, приходили мне в голову, пока он, молча, слушал биение в моей груди. Со стороны это выглядело довольно жутко.

Святослав:

Вот так бабы делают из нас дураков. Испокон веков, блядь! Мазнула по тебе своими оленьими глазенками со слезинкой на ресницах, пару раз покорно или испуганно съежилась- и ты уже и себя жестоким ублюдком чувствуешь, и ее считаешь невинным ангелочком. А эта сучка потом лезет в твой кабинет, вынюхивает, выискивает. Сказать правду- я знатно прихуел, увидев её там. Кто из нас кого наебал- вопрос остается открытым. Может, хозяйева тех уродов, что наняли моих неудавшихся убийц, изначально планировали, что Лера потащится жить ко мне? Что после подобного я не оставлю её одну? Обработали дурочку, а та и рада выслужиться за бабло. И в душе не...понимает, что по их приказу ее выебали толпой. Хотя, с такой химеры станется, что и изнасилование — всего лишь постановка. О которой в курсе была лишь сама она, а уебки-исполнители думали, что всё делают сами. Лерка для вида посопротивлялась, покричала, но дала во все щели. Зная, что я живыми их не оставлю в любом случае.

Представив её, такую маленькую, хрупкую, под их потными здоровыми телами, всё равно не смог удержаться злости. Да как так, блядь!? Как же так? Наврала бы мне, я бы перевел денег. Проверил? Нет, я ведь доверял ей...Вот тебе и " опекун", а я, признаться, был горд этой роли. Даже смысл существования обрёл новый. И все рухнуло к хуям, как Помпеи, за мгновение. Накрылось пеплом сгоревших надежд.

— Вставай, подъем! — с маниакальным удовольствием содрал с Леры одеяло, ее тонкая фигурка в пижаме тут же почти вжалась в здоровый матрас, почти утонув в нем. На матрасе, в области ног, виднелось несколько засохших бурых пятен.

Кровь? Что за...

— Что это? Ты что, ширялась!? — дёрнул ее на себя, принявшись лихорадочно задира́ть пижаму. Рванув не поддающийся рукав, оглядел руки, затем перешел к ногам. Как? Где достала?! Изворотливость таких мне была знакома, увы, не по наслышке- сколько пацанов с детдома сгубила эта дрянь, когда, выйдя во взрослый мир, они пускались во все тяжкие, тратя те крохи накоплений, что ежемесячно перечисляло государство на их счёт. И эта сдохнет, раз дошло до такого. Еще и в пятку, чтоль, ширялась? Чтобы место укола не обнаружили?

— Это... месячные... — послышалось тихое сдавленное оханье, откуда-то из области подушки. Разгоряченный злостью мозг сперва не понял, а затем...я отпустил её ноги, ещё раз оглядев ее всю- так и есть, на штанах сзади виднелись небольшие красные пятна. Твою ж мааать! Походу, она просто сперва села на кровать....М-да, неловко вышло. В который раз с этой пигалицей почувствовал себя большой тупой гориллой, не понимающей элементарных вещей.

— Я вчера...приходила. ну, когда вниз спускалась, — осмелела она, отвернувшись, — Искала Марию... или кого-то ещё. Хотела...ну...там... — Талова осеклась, нервно сглотнув, но, всё же взяв себя в руки, продолжила- попросить....у меня начались- я молчал, строя из себя идиота. Не скрою- даже наслаждался её смущением- Тампоны-выдохнула, наконец, а я едва не засмеялся, представив в красках, как она сейчас сто процентов похожа цветом лица на спелый помидор. Стесняется, надо же! Эмоции не наигранные, уж в этом я разбираюсь.

Мелькнула предательская мысль- вот бы её потеря памяти была настоящей. Какой чудесной милой девчонкой тогда была бы Валерия Талова. Как можно было бы наладить ту жизнь, что она рушила своими маленькими руками! Впрочем, чего мечтать о несбыточном?

— Надо было мне сказать- буркнув, тут же осознал, какую несусветную глупость ляпнул- да любая женщина лучше повесится, чем о подобном с мужчиной начнет беседы вести. И вот...как теперь, мать твою ж, а!? Самому выяснять что да как- не комильфо. Эухенио? Ну, тот еще вариант, к тому же, никаких мужиков около неё не должно быть. Мария? Как я, великовозрастный дебил, это ей объясню? И смешно, и грешно — в перестрелках по молодости, разборках, кое-чем гораздо хуже участвовать- это раз плюнуть, а вот средства гигиены бабе купить- это Сокол зассал.

С другой стороны, нахуя штат помощников, прислуги содержу?

— Сейчас всё привезут, сама выберешь то, что нужны. Одежду, все остальное тоже привезут. И приготовься, через час мы выезжаем. Одень что-нибудь удобное.

Молодец, девочка. Лишних вопросов задавать не стала, лишь слабо кивнула, так и не повернувшись ко мне.

Окинул её быстрым взглядом- темные волосы, хрупкая маленькая фигурка- как она, все же, отличается от Алены. Небо и земля. На фоне яркой эмоциональной Алены эта-бесцветная моль. И тяга к жизни- Аленка наслаждались каждым мгновением, жадно, ненасытно. А эта? Сука! Как же она меня бесит! Раздражает одним своим видом. Может, это- происки подсознания, что не желает признавать самого себя лохом, которого обвела вокруг пальца девчонка. Горе-Пигмалионом, что похерил свою Галатею, совершенством которой был так горд, к чертям собачьим? Кто знает...

Мария, презительно глядя на меня, вошла в комнату с ворохом пакетов в руках. За ней следом шла молоденькая смуглая девушка, заинтересованно выглядывая из-за полного плеча женщины.

Поставив пакеты и сумки на кровать, Мария что-то скомандовала молодой девушке на своём, на что та жалобно и быстро принялась что-то просить. Но Мария оборвала её, почти пинками прогоняя с комнаты, при этом что-то шипя сквозь зубы. Мне показалось, я даже услышала что-то вроде "prostituta". Это кого она так? Служанку? Или это она обо мне? Дескать, "не нужно приближаться к этой проститутке". Больше походило на второе, конечно, если учесть её неизвестно с чего возникшую неприязнь, ну да ладно. Бог с ней, мне нужно думать о спасении, а я заморачиваюсь о таких мелочах. Даже смешно стало, настроение немного поднялось- вот бы сейчас расстраиваться из-за отношения неизвестных мне людей, а не искать пути побега.

Приведя себя в порядок в ванной, надела на себя из принесённого темную футболку, кофту с молнией спереди и джинсы. Всё оказалось идеально моего размера. Заплела волосы в косу, перехватила ее резинкой — пружинкой из набора, что обнаружился в одном из пакетов. Надев кроссовки, уселась на кровать. Сколько уже прошло времени? Пора спускаться? Или ещё рано? Как узник я могла понимать примерное время лишь по движению солнца по небу, теням деревьев, что становились длиннее или короче в зависимости от времени. Но и то- лишь условно.

Святослав:

Лера спускалась по лестнице, а я на мгновение опешил- такой совсем юной, невинной она выглядела. Коса, кончик которой она нервно перебирала пальцами, придавала ей сходство с выпускницей пансиона благородных девиц. Тоненькая, нежная, юная...

Мысленно обматерив себя в который раз, сорвал зло на Лере:

— Быстрее давай, я опаздываю на встречу по твоей милости — бросил ей на ходу, развернувшись к коридору.

В дороге ехали молча. Валерия с болезненным интересом оглядывала, запоминала всё вокруг — точно сбежать планирует, стерва. Нет, всё же не зря я не стал класть ее в рехаб, там с такими не справятся. Привыкли к шумным, буйным пациентам, постоянно бросающим вызов, нуждающимся в надзоре. А такая тихушница с личиком ангела и главного врача там заставила бы приносить ей дурь в зубах, ползя на коленках и виляя хвостом. Отвернулся, тоже уставившись в чертово стекло. Что со мной происходит, когда рядом она? Отчего я теряю долбаное самообладание?!

В госпитале, куда мы приехали, нас тут же окружил персонал.

— На полное обследование- еще раз повторил я переводчику, что лыбился так широко, будто я обещал ему лично миллиона два отстегнуть за подхалимство.

— Да, да, конечно. Следуйте за мной..

— Скажите, как часто живёте половой жизнью с супругом? — вопрос, заставивший мои щеки отчаянно гореть. А вот Святослав напротив- ухмыльнулся, но ничего не ответил, предоставив мне самой выпутываться из ситуации.

— Ээээ...нууу...раз в неделю — ляпнула я, отчаянно ругая себя. Сейчас нужно думать о спасении, вот он, шанс, а я расслаживаюсь, играя в его извращенные игры. Зачем ему нужно это? УЗИ, проверки по женской части?

— Анализ крови готов, — заглянула в кабинет стройная медсестра в коротком халате. Словно из порнофильма выдернули на работу. Глядя на то, каким жадным взглядом она окинула Святослава, я, почему-то, почувствовала к ней ещё большую неприязнь.

— Хммм, хорошо, — доктор, убрав датчик УЗИ с моего живота, велел вытереться пеленкой, и принялся разглядывать принесенные бумаги. Затем, поправив очки, повернулся к Святославу — все органы в норме, аномалий, нарушения я не заметил. Кардиограмма для нее очень даже впечатляет- неплоха в-целом. В крови ничего нет, в мозгу изменений особо не наблюдается. Вы уверены, что она долго принимала наркотики? Потому что я бы сказал, что не наблюдаю никакой постсимптоматики. К тому же, касаясь памяти- почему вы не допускаете мысли...

— Я плачу вам не за разговоры! — взвился Святослав, бросая в меня одежду — собирайся!

Отчаянно метаясь между желанием броситься в ноги доктору и молить о помощи, и страхом перед Святославом, все же поддалась слабости — натянув на себя одежду, поплелась за ним.

И лишь в холле, увидев, как много здесь людей, решила:

— Помогите...Ай нид хелп- нервно вспоминала весь школьный курс английского — хи

ис...плис, колл зе полис- отчаянно вцепилась в руку проходившего мимо медбрата- плис, колл найн уан уан. Ай нид хелп,

Парень, недоуменно оглядываясь вокруг, уже потянул руку к телефону, но тут в коридор вышел тот самый доктор, что последние пару часов обследовал меня вдоль и поперек.

— Айвен, everything is okay- он похлопал парня по плечу, что-то быстро объясняя ему на английском. По тому, как наполнялись жалостью глаза последнего, я поняла — опять долбаная сказочка о моем безумии? Ну нет, не пройдет!

— Айм нот крейзи- вновь вцепилась я в руку парня, понимая, что сейчас сгорает мой последний шанс на спасение- плис, плис, колл зе полис. Хелп ми- мой взгляд метался между собравшихся в фойе и жавшихся в холле свидетелей этой сцены. Может, бежать за помощью к ним?! Может, среди них найдется кто-то более участливый. Но вдруг мою шею словно ожег укус- обернувшись, я увидела лишь мужскую руку, сжимающую пустой шприц. Что за....

Мир вокруг стал расплываться перед глазами, а тело вдруг отяжелело, стало деревянным настолько, что невероятно сложным казалось поднять руку или ногу. Даже язык — и тот будто распух во рту, не желая шевелиться. С безучастным видом, будто со стороны, наблюдала, как меня выводят из клиники, усаживают в машину. Как Святослав всю дорогу буравит меня недобрый взглядом, а затем, едва мы приехали в дом, тащит волоком куда-то вниз, почти бросая в подвал. Железная дверь с грохотом закрывается за ним, а я стою, бессмысленно хлопая глазами вокруг, улыбаясь как настоящая умалишенная. Мне хорошо. Мне спокойно в этом мрачном холодном помещении с одними лишь ящиками вокруг. Делаю крохотный шаг- и без сил заваливаюсь набок, больно ударяюсь при этом спиной о край большого черного ящика.

Святослав:

Долбаная стерва! Она что, ведьма? Как ей удастся обводить мужиков вокруг своего тоненького пальчика?! Я едва не свернул шею мальчишке в медицинском костюме, что с жалостью и сочувствием смотрел на эту маленькую дрянь. Да и доктор — то и дело спрашивал меня, уверен ли я в том, что она давно и плотно сидела на дури. Нет, блядь, не уверен! Это ведь не её нашли с нереальной дозой, я бы сказалом, миксом из разной одурманивающей херни в организме, полудохлую, на грани жизни. Это ведь не она продавала все, что можно, даже своим телом не погнушалась приторговывать, лишь бы получить заветный приход.

Люди узколобы, живут стереотипами большей частью. Ее внешность, милая, обычная, не вызывающая ярких эмоций, ее хитрость и игра на публику вызывают у них недоумение — как могла эта девочка быть тем монстром, разрушающим самоё себя, о котором им рассказывают!? "Нет"- думают эти идиоты- "Здесь что-то не так". А если Лера еще и пустит слезу, испуганно взглянув на меня- все, их идиотские предположения подтверждаются. Да еще и режим супергероя включается у большинства, мужиков в особенности — спасти красивую девушку, что попала в беду, сверхмужиком себя почувствовать. Дебилы, бля!

Мне нужно уехать, успокоиться. Иначе я за себя не отвечаю. Приказываю охране, тем, что понимают русский, завтра принести ей еды и таблетки. А сегодняшний пускай посидит, подумает. Как там говорилось? "Хочет сдохнуть — ну, только не на моем участке". Пока она со мной- будет жить. Возможно, херово для той, что привыкла к вечному кайфу, но жить.

— Сокол, мне сейчас реально не до тебя! — огрызаюсь в трубку Лехе, что начал мне очередную головомойку насчёт Леры. Попутно закипаю- а ему-то какого хера от нее нужно? Я ещё понимаю, Стеллу с муженьком, что были посланы мной не раз, но продолжают упорно пытаться связаться, уэзать хоть что-то о Таловой, прикипели, как никак. Но это солдафонское мурло? Да еще эти его нелепые попытки выступить в роли голубя мира... Голубок, ёпта.

— А мне вот как раз очень до тебя- раздается в ответ его смешок в трубку- Буквально пара метров до тебя.

Нихера не понимая, оглядываюсь — на втором этаже моего ресторана никого, кроме охраны. Но едва я, выйдя из кабинета, подхожу к перилам, как вижу его радостную физиономию внизу. Леха как танк Т-34 несётся через весь зал ко мне, привлекая всеобщее внимание. Мда, мне, может, его в шоу-программу взять? Мои девочки-танцовщицы никогда не собирали столько взглядов своими выступлениями, сколько эта мужеподобная горилла- просто пролетев всей своей машиной по залу.

Делаю знак охране, чтобы Леху пропустили.

— Здорово, Соболь, — он как баба, сразу лезет с обнимашками. Но я лишь улыбаюсь, хлопая его по плечу. Я действительно скучал по этому гаду. Что ни говори, а Леха — настоящий друг.

— Здорово, Сокол, — вторю я ему- ты что, схуднул, подкачался? — я преувеличенно серьезно разглядываю его, отойдя на пару шагов.

— Не, ну есть такое... абонемент взял вот в фитнес, хожу. А то бойцы мои все как на

подбор, а я как этот... Черномор, мать его...

Пока мы шли к кабинету, Леха еще пару раз поиграл мускулами, спросив, действительно ли заметно, а еще пытался осмотреть себя в каждом встречном зеркале на стене, а я пытался сдерживать дикий смех, рвущийся наружу- ну точно баба, на комплименты напрашивается.

— Я тут по делу- впихнул в себя очередную порцию икры Леха. Крякнув, залпом опустошил стопку холодной айс-водки, крякнув от удовольствия — сказать какому не могу- подписал неразглашение. Но там такое..- он замялся, раскрасневшись то ли от мыслей о предстоящей работе, то ли от градуса внутри- Ну и тебя, конечно, навестить хотел. Как там Лера? — выдохнул он, откинувшись назад в кожаном кресле. Казалось, ждёт любую мою реакцию, чтобы считать по внешнему виду.

Я выдержал его тяжелый взгляд:

— Нормально- не желая заводить беседу о ней, кивнул на дверь — Мне домой нужно. Сегодня шоу-программа, глянешь? Я скажу, чтобы ВИПку приготовили.

— Ты серьезно, Свят? Ты свалить собрался? — Леха таращился на меня во все глаза — Только же встретились. Давай к тебе поедем?

Не знаю, почему, но тащить его к себе не было никакого желания. Опять въезжать во всю эту катавасию с Лерой, думать, мусолить. Хер бы с ней — посидит в подвале, поумнеет. Будет относиться к происходящему спокойнее, а то строит из себя, курица, жертву.

Надо бы камеры глянуть- я их установил почти по всему дому, вывел на экраны в кабинете и некоторые мои устройства. Может, она там от ломки на стену лезет.

— Эй, Свят, аллэ! — гаркнул прямо в ухо Соколов, отчего едва не получил в морду- Ты здесь, с нами? В этой комнате? Если да, то отзовись, подай знак! — он округлил глаза и заржал как конь, хлопая себя по коленям- Ну ты вообще загоняешься, что у вас там происходит? Ты ее в клинику сдал как хотел?

— Сдал, все хорошо- я набрал на телефоне номер управляющего — Том, организуй нам приват-шоу, в 5й вип зал.

Устало потеряв ноющие виски, обрадовал Леху:

— Пошли, переместимся. Сейчас шоу будет.

— Ооо, девочки! — загорелись жадным блеском глаза Сокола, и весь мир с его проблемами и суматохой явно померк для моего друга. Ухватив в одну руку полупустую бутылку виски, а в другую — пару канапе, он махнул бутылкой:

— Веди, предводитель! Я последую за тобой хоть на край света! — я не мог не улыбнуться дурашливости здоровенного дядьки в возрасте.

— Твою ж мать.... Что она творит! — Леха разве что слюни не пускал, глядя на то, как извивалась на сцене очередная танцовщица. Девушка танцевала медленный восточный танец с подсвечником на голове. Свечи, пламя которых едва дрожало в такт ее легким движениям, потихоньку плавилась, угасая одна за другой. Соколов восхищался как ребенок, а мне почему-то все казалось банальным и пошлым. Ладно здесь, в Штатах, это было в диковинку для многих. Но русским... Как бы не противоречиво звучало это заявление, но нам, русским, уже придется все эти восточные танцы- каждый, даже самый плохонький ресторан в России, старался организовать у себя один из "трёх китов" развлечений — восточные танцы, живая музыка, крейзи меню. Дёшево, пошло, сердито. Сперва я сторонился подобного, но, увидев, как людям заходит, подумал: " Кто я такой, чтобы идти против толпы?".

Свечи догорели, наконец позволяя увидеть лицо девушки. На мгновение мне

показалось, что это Лера с упрёком буравит меня своими темными глазами. Тряхнув головой, увидел, что девушка гораздо старше, а глаза у нее светло-карие.

Рука сама потянулась к выпивке, под одобрительные Лехины похлопывания по спине:

— Ну, молодчик. А то я уже думал, что ты тоже завязать решил. С выпивкой, бабами-хохотнул он, но тут же посерьёзнел- на сцену вышли две миниатюрные блондинки, с ног до головы закутанные в полупрозрачную, переливающуюся при каждом малейшем их движении, ткань.

Я честно попытался было пару минут смотреть на их пошлые извивания (и кто утверждал программу?! Надо будет серьезно поговорить с управляющим!), но перед глазами маячил обвиняющий взгляд темных глубин.

"Докатился"- пьяно пошатнулся я, вставая с кресла. Буркнув Лехе, что не отрываясь любовался девушками, что сейчас приду, вышел из зала.

"Я только гляну, как она там. Только гляну- и всё"- может, это мой нерастрченный отцовский инстинкт говорит? Мы с Аленой так долго ждали эту беременность, от счастья я был готов весь мир на руках носить. А теперь вот, на этой...отрываюсь. Папочка херов-сперва наорал, наказал, а теперь волнуюсь.

Включив экран монитора, вывел на него изображение из приложения в телефоне — и охерел. Здоровенный детина из охраны укутывал ее как младенца, потом, видно, уговаривал поесть, кивая на поднос, что явно сам припер! Я же сказал! Завтра! Я ведь не конченый ублюдок- уже спустя пару часов после того, как оставил Талову, собирался позвонить, приказать покормить её. Но такое самоуправство?! А завтра что, он вместо меня будет бизнес вести!? А как трогательно он ее касается, надо же, рыцарь хуев! Мнит себя рыцарем, что спустился в темницу к прекрасной принцессе, похищенной злым драконом? Так я этому рыцарю сейчас приеду и меч в одно место засуну! И нахера я еще припер столько русскоязычной охраны с собой, идиот.

Почти выбегая из клуба, набрал Тому- чтобы Сокола довели до его места дислокации здесь, как только он того захочет. Самому Лехе набирать не стал- он поймет. У нашей дружбы нет бабских обидок или глупых принципов вроде " вместе бухали- вместе по домам разъезжаемся".

Валерия:

Дверь моей с неприятным скрежетом открывается, а я лишь еще более забиваюсь в угол, дрожа от холода, обхватываю себя руками. Святослав. Испуганно вскидываю голову, но вижу незнакомого мне молодого человека.

Парень в костюме охранника, в свою очередь, удивленно раскрывает глаза при виде меня. Он что, не знал? И его слова это подтверждают:

— Тут холодно... — помявшись, выдает он очевидный факт, отставив поднос с едой в сторону- Ты что сделала, что он тебя так? Я думал, это он кого-то из борзых конкурентов... — замолкает, осознав, что ляпнул лишнего. С сожалением смотрит на меня, потом переводит взгляд на незакрытую дверь- Погодь, я сейчас. Нельзя же так- бурчит он уже больше себе, чем мне.

Дверь открыта, беги- не хочу. А у меня нет сил. Я замерзла, голодна, устала. Отяжелевшие веки слипаются, всё больше клонит в сон, хоть я и совсем недавно проснулась. Уснуть бы навсегда- мысли подобного рода то и дело всплывают в сознании, пока стены бетонной коробки угнетают, давят на психику.

— Вот, держи- возвращается парень с двумя теплыми одеялами — я там это...обогрев включил еще, должно заработать уже- и вправду, слышу небольшое жужжание- тут раньше оранжерея была или как там, не знаю. Алена...жена шефа — быстро исправляется он- для цветов это сделала, ну, для сада саженцы и оранжереи — поясняет, будто мне так важна эта информация.

Парень, едва не высунув язык от старания, приподнимает меня, расстилая сперва одно одеяло, усаживает меня на него. А другим накрывает сверху, закутывая как младенца:

— Это я хорошо, что зашёл ещё. Шеф сказал только завтра можно, а до завтра ты б тут... — разводит он руками.

— Он уволит тебя? — одними губами шепчу, понемногу согреваясь.

— Свят? Не, он не такой. Он справедливый — быстро отвечает парень, сам смутившись такой рьяной защите шефа. Этот "справедливый" начальник держит в подвале человека. Ну верх справедливости, правда ведь? Все справедливые люди сперва похищают девушек, затем истязают их, изводят морально и физически, а напоследок запирают в мрачных подвалах?!

— Там это...еда, таблетки, чай. В кружке вон той. Я это... пошел, а то мало ли...Сама понимаешь. Ещё камеры стереть придётся- опять сообщил мне лишнего парень- Ну, ты...это. не говори, что заходил сегодня. Спросит завтра- скажи утром заходил...давай- казалось, только сейчас осознав возможные последствия своей спонтанной доброты, охранник уже и не рад, что связался со мной.

Дверь за парнем закрылась, а я медленно подошла к подносу- прозрачные красные капсулы яркими пятнами выделялись на темном дереве. Чем меня травят? Действительно ли все для сердца? Что если часть из препаратов — сродни нейролептикам, для подавления воли? И вновь захотелось плакать и смеяться одновременно — я не знаю даже своей фамилии, возраста. Но при этом, оказывается, знаю действие нейролептиков? Что еще скрывают просторы моего разума? Может, на Нобелевскую накопаю?

Я перекусила, разумно решив, что выбор между мучиться и мучиться голодной очевиден, выпила чаю, и снова вернулась к импровизированной лежанке

Святослав:

Костяшки пальцев ломило- морда у охранника Анатолия оказалась крепкой, ещё пару раз в скулу попал. Но раскрасил его знатно- будет знать, как нарушать приказы начальства. На следующем месте работы, потому что я уволил его к чертям собачьим. Заплатив, правда, нехилое выходное пособие и на лечение подбавил. Чтоб честь по чести.

Если охране позволять самоуправство, то это ни к чему хорошему не приведет. А сидел бы там какой-то уголовник под личиной бизнесмена, в которых они все в лихие 90-е перепрофилировались? И? Снес бы башку сперва тупому Толяну враз.

И бомбит меня лишь от этого! А не от того, что Таловой касался, смотрел на нее, жалел. Или желал- я х. й знает, что у этого остолопа двухметрового на уме!

Открыв железную дверь, вновь попал на представление " сон невинного ангелочка". Да она специально? Я похож на имбецила- как ни войду, так сопит в мимимишной позе, надеюсь разжалобить? Смягчить? Или хер знает, на что она там надеется!

— Подъем, Талова! — подойдя ближе, рявкаю так громко, что она вздрагивая, вскакивает, едва успевая увернуться от столкновения лбом с моей челюстью. Заспанное лицо, слегка припухшие красноватые глаза — походу, и вправду дрыхла. Осознание собственной неправоты ещё больше распаляет:

— Хватит разлеживаться, жenuшка, — дразню я ее, с удовольствием отмечая, как она пугливо отшатывается при этих словах- Я тут кино небольшое глянуть успел- охрану начала окучивать, да? — провожу пальцем по тонкой скуле, играя как сытый кот с испуганной маленькой мышкой.

Она пытается уйти от прикосновения, это злит меня. Ухватывая девицу за подбородок, с силой притягиваю к себе, сжимая руку так, что черты её лица становятся похожими на смешную гримасу шарпея:

— Я тебя предупреждал насчет персонала?! Насчёт просьб помощи, а?! — легонько встряхиваю, а она лишь упирается руками в большой ящик, на котором лежала- предупреждал? — рычу, нависая над ней. Даже отсюда я слышу гул, с которым бьётся сердце. Сердце моей жены! Настоящей жены, а не этой дешёвой подделки!

— Ты ему дала?! — отпускаю лицо, но тут же хватаю за плечи, заставляя встать- А? Твои дешевые методы — это ведь только раздвигать ноги, когда нужно? Что молчишь, Талова?! Или в рот взяла, чтобы по-быстрому!?

Из ее глаз текут слезы, но она лишь сильнее сжимает губы, словно бросая мне вызов, с ненавистью смотрит на меня. Да мне похер! Смотри! Правильно, смотри! Чтобы и я знал какой дебил! Как поверил в то, что жизнь может быть чудесной и ванильной как в дешёвом женском чтиве. Что маленькая девочка из детдома может оставаться чистой и невинной даже тогда, когда на нее резко свалится бабло и всеобщее внимание, любовь, забота. Нет, видно, она из таких, что привыкли к грубой силе. А любое проявление доброты она сочтет слабостью, мгновенно отбросив того, кто её, доброту, проявит в разряд " безвольных лохов".

Все мои чувства обострены до предела- я не знаю, что делает со мной ее близость. Бесит, выводит из себя, заставляет кипеть от ярости. Хочется уничтожить ее, сломать, заставить ползать по холодному полу, умоляя о прощении. Вырвать своими руками пульсирующее в ее груди сердце жены, а затем любоваться, как эта дрянь в конвульсиях

бьётся у моих ног! Напускное равнодушие, которым она специально, я уверен, пользуется лишь для того, чтобы позлить, выбешивает как малолетку. Будто эта тварь-строгая учительница, что со стороны лениво наблюдает за припадком очередного капризного старшеклассника.

Прежде, чем я успеваю то сообразить, моя рука тянется к ее волосам.

— Встань на колени- хриплю я, дёргая мягкие спутавшиеся пряди так, что она тихо шипит от боли, запрокидывая голову назад- На колени, сука!

Молча плотая слезы, она падает на пол, царапая колени. Притягиваю ее к ширинке, где эрегированный член уже рвётся наружу, пульсируя вожделением. Я никогда не понимал тех, кому нравится поиграть в подчинение. Относился к таким мужикам с легкой долей презрения- в чем мужество самоутверждаться, пускай даже и в сексе, засчет слабой женщины, но сейчас сам почти в экстазе от того, как соблазнительно смотрится сверху ее запрокинутое лицо с полураскрытыми чувственными губами, влажными дорожками слёз на щеках. Я представляю, что это слезы от того, что она взяла мой член до основания, что я трахаю ее горло, насаживая все сильнее, пока не изливаюсь внутрь. Она, давась слюной смешанной с моей спермой, сглатывает...

— Отпусти.... Пожалуйста... — наконец, сдаётся она, испуганно пытаюсь поймать мой взгляд. Надо же- ради дозы она готова была лечь под кого угодно, а со мной сейчас ей, видите ли, страшно?!

— Ты-моя жена, Талова! — усмехаюсь я с силой прижимая ее лицом к ширинке. Даже от того, как чувствую ее сквозь ткань брюк, я готов кончить так бурно, словно только что вернувшийся из армейски солдат- Это- твой супружеский долг- мне доставляет удовольствие обжигающая ненависть в ее взгляде. Подстегивает, заставляет чувствовать себя живым, кровь бурлить по венам взрывной смесью.

— Твоя жена- Алена! — в отчаянии выкрикнула Валерия и, видно, решив, что терять уже нечего, быстро добавила — Мне охранник рассказал!

Одним рывком я поднял ее к себе, ревя бешеным зверем в лицо:

— А он не сказал тебе, тварь, что она умерла?! Что ее сердце сейчас бьётся в твоей долбаной груди? Не сказал, а?! — встряхиваю ее с силой, так, что слышен звук ее зубов, бьющихся друг о друга- Он не сказал, что твоя сраная жизнь- результат ее смерти?!

Я вижу, что она буквально дрожит от страха, и меня раздрают на части эмоции. Одна часть меня наслаждается тем, что я смог выбить ее из равновесия, что заставил её бояться за свою гребаную жизнь — может, хоть ценить начнет, что вывел на эмоции эту лживую тварь, а другая...другая тоскливо скулит, как побитый волк, не желая смотреть, в какое чудовище я превращаюсь. Есть ещё и третья...самая мерзкая...та, что страстно жаждет, предав любую память об Алене, заключить эту маленькую стерву в объятия, успокоив, укачивать словно ребёнка, баюкая в кольце рук.

Отбросив её в сторону, пошатываясь, плетусь к двери. Весь алкоголь выветрился. Лязг закрывающейся двери разрезает повисающую тишину. За дверью ни звука. Ни слез, ни движений.

Плевать. Пускай хоть сдохнет там. Ненавижу! Её! Себя! Эту еб. чую жизнь, что хуже смерти! Я думал, что буду долбаным ангелом возмездия, ее наказанием, но кто еще чьё наказание..

Валерия:

Он уходит, а я размазываю по щекам злые горькие слезы. До крови прикусываю губу, чтобы этот ненавистный урод не слышал моих всхлипов. Иногда останавливаюсь, делаю мелкие глотки воздуха, перемежая их со влагой, что течет отовсюду — из глаз, носа, рта. А затем беззвучно вою, выплескивая всю боль. Мне страшно. Мне больно. Я устала... За что он так со мной?! За что?! Если бы я знала, что все обвинения, которые он, брызгая ядом, бросает мне в лицо — правда... Но поверить в то, что я могла совершать подобное? Я чувствую отторжение даже при мыслях об этом.

Я убью его! Никогда за то время, что себя помню с пробуждения у него в доме, ничего так не желала, как этого! Убью. Сама ужасаясь своей кровожадности, начинаю строить планы, как проверну это. Просто ради тех крох гордости, что еще остались во мне. Помечтать о том, как всё будет! Столкнуться ночью с лестницы? Втереться в доверие к прислуге, спрятать пару острых вилок, а, если повезет, то и ножей.... Господи, нет! Что со мной? Я превращаюсь в такое же чудовище как и он. Нет, так нельзя. Мне просто нужно спастись. Здесь, в доме, вряд ли кто-то пойдет против него, да и, как я поняла, у него есть власть и деньги. А я...я даже не знаю, где мы. Не знаю, кто я. В голове — чистый белый лист вместо воспоминаний.

Может, бежать в консульство? Вот только какой страны!? — горько усмехаюсь, стирая кровь, перемешанную со слюной, с уголков рта.

Царапая спину, опускаюсь вниз по шершавой стене. Сердце стучит как сумасшедшее. Пару минут не решаясь, тянусь к подносу, хватаю с него таблетки, запихивая в рот, делаю большой глоток чая, проталкивая их в желудок — быстро, чтобы не успеть передумать. Я почти верю, что во мне — сердце его жены. Такая ненависть возможна лишь в двух случаях — либо все, что он сказал — правда. Либо он совершенно безумен. "Возможен и третий вариант — смесь безумия и правды" — едко замечает внутренний голос. И этот вариант — самый страшный...

Святослав:

Меня рвет на части. То я кидаюсь к двери, чтобы бежать вниз, вытаскивать Леру из подвала, бросаясь ей в ноги, умолять простить меня, такого ублюдка. Оставить ей денег, все рассказать — и пускай живет как хочет, в конце концов, это — её жизнь. То останавливаю себя, матеря на чем свет стоит — она и сдохнет. Будто это — секрет. Продолжит то, что так старательно делала все эти годы.

Но и такого, что произошло, больше нельзя допускать. Я сам себе омерзителен. Нужно успокоиться, самоустраниться. Иначе такими темпами в доме появится труп. Или два трупа — вспоминаю, невольно отдавая дань ее внутренней силе, какой всепожирающей ненавистью горели глаза Таловой. Казалось, еще секунда — и она бросится на меня, вцепившись в горло как заправский питбуль. Стерва.

Что со мной происходит? Я и ненавижу её, и желаю, как ни одну женщину на свете! Даже никакого секса — просто лежать рядом, обнять. Это всё — сердце! Моё долбаное сердце, вернее, его остатки, ошметки, что так и не собрались воедино после смерти Алены, тянутся к её сердцу, сердцу моей жены. А оно, мать его, находится в этой мерзкой, ненавистной мне

оболочке.

Но тут же голос совести укоряет- и Лера тебе нравится. Нравилась. Не как женщина — как кто-то близкий, родной. Сперва- ребенок, чью судьбу ты изменил, затем- молодая девушка, за чьи успехи радовался не меньше, чем какой-то раздувающийся от гордости отец за свое чадо. А теперь...кто она для меня? Больная стерва, готовая на всё ради денег и дури? Но почему сейчас она не трясется на полу в конвульсиях, с пеной у рта? Шарится по дому как вполне здоровая — ей явно что-то нужно от меня. Так и есть. Скорее всего, это не я забрал её к себе, это она, стерва ушлая, быстро обстряпала в своей больной головенке новый план. Естественно, не одна. В компании с теми, кто едва не отправил и меня следом за Аленой и дочерью.

Башка раскалывается, хоть и алкоголь потихоньку выветривается. Беру телефон, с минуту решая, стоит ли. Но затем набираю Леху.

Тот радостно и не особо внятно приветствует меня. Он еще гудит, рядом с ним женские голоса. Вот кто никогда не теряется- Леха. В любой ситуации может найти что-то позитивное. Или кого-то позитивного. ПозитивнУЮ. Так вернее. Сокол- бабник ещё тот.

— Приезжай, Свят. Че дома тухнуть- басит он в трубку- давай, тут у тебя, оказывается, так здорово, девочки отменные, хавка — рекламирует он мне моё же заведение.

Черт бы с ним, хватаю ключи от машины, пошатываясь, выхожу из дома. Звоню охране, чтобы открыли ворота. "Нельзя за руль пьяным!" — вспыхивает в моей голове красный маячок, и тут же гаснет.

Валерия:

Я уже две недели в плену. Время тянется словно старая жвачка, в доме одиноко-персонал, что видит меня, либо и вправду не понимают, либо спешит сделать вид, что не понял, чтобы не было нужды вступать в любое взаимодействие с моей всеми презираемой персоной.

Больше никаких указаний насчет уборки, помощи. Наоборот — все словно забыли обо мне, будто я- бестелесный призрак, слоняющийся по большому замку, от которого слуги в ужасе шарахаются. Меня кормят, приносят всё необходимое, но не более.

Никто больше не ограничивает меня в передвижениях — я побывала почти везде в доме. В кабинет после того раза я не захожу, и даже рядом с ним стараюсь ускорить шаг. То же самое чувство и рядом с дверью в подвал. Ноги подкашиваются, едва вспоминаю те сутки, что провела там. Меня выпустили в обед следующего дня, испуганную, замёрзшую, готовую согласиться на всё, лишь бы выйти. Но новый охранник лишь на чистом русском велел мне встать и идти за ним. Приведя меня в комнату, он передал мне указания моего мучителя- по дому ходить можно, еда будет готовиться три раза. Я могу спускаться, либо мне могут приносить все в комнату. Разрешается выходить во двор, гулять. Чтобы не было скучно-внизу телевизор, ещё библиотека. Телефон запрещен. Если я пожелаю- и в моей комнате установят телевизор. Но каналы будут ограничены, вернее, цифровые записи одобренных хозяином передач.

Все просьбы я могу передать через охрану, либо просто написать их на листе и передать любому из слуг. Необходимое купят и привезут в дом.

Таблетки принимаю исправно — всё же, шрам и самочувствие, заметно улучшающееся после их приема, вынудили согласиться с версией про операцию.

— This is eyes- насмешливо прищурилась на меня Лолита, та самая смуглая девушка, что когда-то с интересом поглядывала на меня в спальне. За время, что прошло с отъезда Святослава, примерно три с половиной недели, мы успели если не подружиться, то наладить какое-то подобие общения. Я держалась за нашу связь как сумасшедшая- девушка была буквально моим лучиком света в темном царстве. Человеком, помогающим не сойти с ума от одиночества и неизвестности. Пару раз Лолита даже тайком давала мне свой телефон, но разобраться мне было сложно- все там было на английском, которого я, увы, почти не знала — в школе нам до пятого класса преподавали французский, а потом место учителя иностранных языков и вовсе стало вакантно. Никто особо не горел желанием его занимать за те копейки, что предлагались в виде оклада. Поэтому и уроков у нас не было- их заменяли или игрой в волейбол, если спортивный зал был свободен, или гнали весь класс в библиотеку, наказывая сидеть тише воды.

— А это? — я показала пальцем на нос, другой рукой ухватив с блюда в центре столешницы спелую зелёную виноградину.

— Nose- Лолита, предвосхитив мои дальнейшие расспросы, сама стала указывать на своё лицо, называя его составляющие на английском — eyebrows, forehead, cheeks, mouth, teeth- широко улыбнулась она, показывая зубы- this is hear- двумя пальчиками ухватила она прядь своих темных волос- and this is- обрисовала она круг вокруг головы

— Head- раздался мужской голос позади меня. Лолита так и застыла, испуганно глядя сквозь меня, за мою спину.

— Leave us- произнес мужчина.

Лолита, бросив на меня виноватый взгляд, кивнула, выскользнув из кухни.

Святослав! Сидя на высоком барном стуле, повернутом спинкой вперёд, к столешнице, я с ужасом слушала звук его шагов. Ближе, ещё ближе. Наконец, сильные руки в одно движение развернули меня к нему вместе со стулом. Он выглядел уставшим, слегка осунувшимся. Даже спортивный костюм был словно на размер больше, хоть фигура и оставалась по прежнему мощной. Да что там "мощной"- при желании он бы мог прищелкнуть, придавить меня одним пальцем, как букашку, особо не утруждаясь.

— Смотрю, ты как кошка: куда не брось- приземляешься на все четыре лапы, да, Талова? Живучая, стерва? — хрипло бросая мне очередные обвинения, он жадно всматривался в моё лицо, будто что-то пытаюсь найти. Неожиданно он провел большим пальцем по моим губам, стирая капельку сладкого виноградного сока, а затем сделал то, что удивило меня не меньше — наклонился ко мне и... поцеловал. Его губы сминали мои, брали, не спрашивая. Руками он упирался в столешницу по обеим сторонам от меня, отрезая мне путь к отступлению. Он будто завоевывал меня этим поцелуем, пытаюсь вобрать в себя без остатка, его жадный язык творил с моим такие вещи, что внизу живота стало покалывать от желания, соски под тонкой футболкой напряглись, заныли, мучаясь от отсутствия прикосновений. "Что со мной происходит? Я ведь ненавижу его?" — мелькнуло и тут же погасло удивление в затуманенном происходящим разуме.

— Lo siento Señor- раздалось позади нас. Святослав отпустил меня, краем глаза я увидела в проеме осуждающее лицо домработницы, старой Марии, которая теперь точно уверилась в своем отношении ко мне. Для нее с этих пор я окончательно и бесповоротно- "prostituta". Я хмыкнула, улыбнувшись мысли, что хоть кто-то может дать мне точную характеристику. Для Святослава я — то последняя сволочь, то — предмет для посягательств. Он думает, я не вижу, какое пламя полыхает в его глазах, когда он смотрит на меня? Я потеряла память, а не разум!

Мария будто растворилась в воздухе, оставив нас наедине. Святослав, глядя на меня так, будто стыдился своего порыва, отошел на пару шагов назад.

— Слезай, нам с тобой нужно будет кое-куда съездить.

Как собаке. Ни объяснений, ни просьб. Просто приказ. Отчего-то ещё более обидным он прозвучал на фоне того, что мы еще каких-нибудь пару минут назад страстно целовались. А сейчас..

— Я никуда не поеду! — тихо ответила я, слезая со стула. Выставив его перед собой как щит, я отступила назад, оперевшись спиной в холод каменной столешницы.

Скривившись, будто само прикосновение ко мне ему неприятно, он больно ухватил за плечо:

— Лера, не зли. Ты нужна мне сегодня- будет благотворительный вечер, я должен показать тебя. Пошли слухи... — он не продолжил, хоть я жадно, едва дыша, пытаюсь вобрать в себя каждую крупичку информации. Что за слухи? Зачем я ему? Но Святослав лишь потащил меня за собой, заставляя семенить быстрым шагом.

Уже наверху, в моей комнате, я притормаживаю, пытаюсь отдышаться. Святослав отпустил меня.

— Зачем мне нужно ехать? — я подняла глаза, прижав руку к бешено бьющемуся

сердцу.

— Потому что я так решил! — оборвал он меня, окинув долгим оценивающим взглядом. Сейчас приедет стилист и этот... — он слегка запинаяется. Который лицо красит. Хер знает как он там у вас называется — мне кажется, или он действительно смутился?

— Зачем мне нужно ехать? — я настаиваю, не сдавая позиций. Его присутствие рождает во мне странную смесь эмоций: страх, желание перечить во всем, злиться, выводя его на эмоции. А ещё... ещё то, в чем боюсь признаться сама себе.

— Чтоб все знали, что ты жива и здорова, мать твою! — взорвался он, толкнув меня в приоткрытую дверь. Вперёд, Лера, сходи в душ пока время есть. — склонился он прямо над моим ухом. Будешь бесить и дальше — зайду вместе с тобой! И натру твою маленькую розовую задницу до блеска! Своим членом!

Одной этой угрозы хватает, чтобы я пулей бросилась в комнату. Следом несётся его хриплый смех.

Хорошо, что я сразу решила выполнить то, что требовал Святослав, потому что через минут десять в моей комнате уже стояло три человека: стилист, красивая и ухоженная женщина лет сорока, визажист, молодая девушка в темном коротком платье, изредка с завистью оглядывавшая комнату и "специалист по прическам" — молодой парень со смешными женоподобными ужимками, потребовавший с порога не называть его парикмахером. Следом слуги принесли огромный ворох кофров с платьями, установили сборную вешалку, на которую быстро развесили разных оттенков прекрасные вечерние платья. Затем внесли коробки с туфлями — и началось. "Точно Золушку собирают на её первый в жизни бал" — усмехнулась я, за что получила нагоняй от Патрика, специалиста, занимавшегося моими волосами. Правда, говорил он на английском, так что нагоняй перевела Джулия — стилист. Вернее, Юлия Самсонова, как английскими буквами гласили пакеты, в которых были доставлены наряды. Женщина объяснила, что она эмигрировала в Америку еще в 90-е, так и оставшись здесь. Вышла замуж, открыла две сети — магазинов одежды и салонов красоты, а теперь осваивает новое направление в мире моды. "К такой заказчице как супруга Святослава Соболева" — широко улыбалась мне женщина, прислоняя ко мне платье по очереди — "Для меня было честью приехать лично".

Спустя полчаса я была одета в невероятной красоты шелковое серебристое платье, открывающее всю спину, а спереди красиво обрисовывающее грудь, поднимаясь кверху. Лиф держался лишь на тонкой полоске переливающихся камней, перекинутой через шею. На ногах были туфли со стразами в тон полоске и маленькими бантиками из камней по бокам. Но больше всего меня поразила своя же собственная внешность в зеркале — это я?! Неужели я действительно такая красивая? Боже, черты моего лица...они были совершенны — пухлые слегка влажные нежно-красные губы, длинные ресницы, густые брови. Ничего лишнего в макияже, ни капли вульгарности — я словно светила изнутри молодостью и красотой. Захотелось подойти к зеркалу, прикоснуться, проверяя — я ли это на самом деле или неизвестная мне девушка? А волосы... Если изначально я представляла себе лакированные как туфли модника с района кудри или высокую пышную причёску, то очень ошибалась — волосы, сияющие словно дорогой мех, были просто распущены, заколоты с двух сторон крохотными сверкающими шпильками. На мгновение я прониклась очарованием момента так, что глупо размечталась, представив, будто действительно в моей жизни все замечательно — я счастлива, влюблена, еду с мужем на приём. Но тут же осознание всей абсурдности таких мыслей, неизвестности, что ожидает впереди, окатило удушающей

волной. Я пошатнулась, едва не упав. Меня подхватили, усадив в кресло. Патрик тут же вызывался сбегать за стаканом воды, а Юлия отошла открыть окно. Девушка-визажист, чьего имени я не запомнила, а переспрашивать было неловко, тихо шепнула на чистом русском "позвони"- и сунула мне в руку небольшой клочок бумаги с номером телефона, вновь воровато озираясь. Меня осенило- это она не завидовала. А проверяла на предмет камер! Чтобы потом незаметно передать бумажеу, которую я нервно сжимаю во вспотевшей от напряжения ладони. Боже, во что я влипла? Что происходит. Нервно сглотнув, я едва заметно кивнула, про себя усмехнувшись: "Откуда мне позвонить? Телефон у Святослава попросить?".

Валерия:

Святослав в темном брючном костюме и черной шелковой рубашке сегодня очень красив, нельзя не отдать должное. Красивый снаружи- и монстр внутри. Окинув меня довольным взглядом, он обхватил мою талию, наклонившись:

— Прекрасно выглядишь, дорогая. Пойдем, нам с тобой нужно обсудить кое-что — он повел меня вдоль коридора, к выходу. Понемногу смеркалось. Мы шли вдоль каменной дорожки к дому, освещаемой витиеватыми фонарями причудливых форм. Неподалеку теплым светом сияла оранжерея, распространяя через распахнутые настежь двери свой дивный аромат. Вечер казалось волшебным, если бы не ощущение, что я- агнец, ведомый на заклятие.

Когда мы подошли к автомобилю, Святослав, держа марку, даже открыл мне дверь- либо уже вживался в роль заботливого супруга, либо не упустил момент полюбоваться тем, как я приподниму платье, чтобы сесть- по крайней мере в его взгляде промелькнуло такое желание, что меня окатила волна смущения.

Сев рядом со мной, он тут же нажал кнопку- и между нами с водителем опустился глухой экран.

— Значит так, Лера, слушай и запоминай: ты- моя жена. Валерия Соболева- он поморщился, словно неприятно было даже в целях бутафории дать мне свою фамилию. Будто кусок от себя отрезал- Любишь меня безмерно. — хмыкнул он, откинувшись на спинку сиденья — Как и я тебя. На все вопросы отвечаешь — прохожу лечение, авария, память пока полностью не восстановилась. Если попробуешь ляпнуть что-то лишнее, просить помощи, бежать — будет хуже! — его глаза сверкнули такой неприкрытой злобой, что стало страшно.

Но какой-то маленький бесенок внутри меня так и подмывал позлить его. Возможно, это воздух свободы так действовал на меня- я чувствовала себя совершенно иным человеком, чем там, в ненавистном мне доме — тюрьме:

— А как хуже? Куда уже хуже, чем- я кивнула головой назад, на дорогу, намекая на покинутое место заточения- Убьёшь меня? Все лучше, чем сходить с ума, мучаясь от неизвестности.

— Нет, Лера, — он мрачно улыбнулся, доставая смартфон — видишь их? — протянул он мне гаджет.

С экрана на меня смотрели мужчина и женщина, "Стелла"- мелькнуло в голове, а виски заломило болью. Я их знаю, и ощущение какое-то теплое, родное. Соболев довольно хмыкнул, словно какие-то его догадки подтвердились в эту минуту:

— Умничка, плохо будет им. Поверь, очень плохо.

— Кто это? — спросила я, машинально поглаживая экран телефона пальцем.

— Не дури, Талова! — зарычал он, отбирая у меня телефон — Еще скажи, родителей не узнала?!

Родителей? Это — мои родители? Мне показалось, что я не особо похожа на них. Но по ощущениям эти люди действительно были близки мне. Дороги, хоть и я не могла их вспомнить.

Краем глаза прошлась по Святославу- неужели он и вправду может претворить в жизнь

свои угрозы? Хотя, о чем это я? Человек, что уже совершил преступление- держит меня помимо воли, ограничивает свободу. Издевается. И это, я уверена, еще совсем цветочки. Я не хотела бы узнать, какой он в гневе.

— В-общем, — подвинулся он ко мне, больно ухватив за коленку- Улыбаешься, не отходишь от меня и всё! Ясно?

Я пискнула согласие, скривившись от боли. Он, удовлетворенно кивнув, убрал руку, расслабившись:

— В любом случае мы пробудем там не больше часа. Постарайся не облажаться, Талова. Отворачиваюсь к окну, чтобы не дать выплеснуться злости, бурлящей во мне, поднимающейся едким комом к горлу. Наверно, я- действительно такой плохой человек, каким рисует меня Святослав, иначе откуда внутри столько злобы? Ненависти?

И тут я чувствую, как лечу- одним рывком, я даже не успеваю осознать, что произошло, Святослав укладывает меня к себе на колени.

— Что, неприятно сидеть рядом, Лерочка? — его глаза темнеют, а в интонации проскальзывает еле сдерживаемая ярость. Но я тоже на взводе:

— Представь себе, с больным на голову похитителем как-то некомфортно, да! — мне рвёт все стопкраны, я пытаюсь отпихнуть его, но это заведомо проигрышный вариант.

— Ты поэтому так стонала на кухне? А? — слегка встряхивает он меня, а я пытаюсь отвернуть лицо, но неосознанно повернувшись, утыкаюсь...прямо в его пах. Святослав со свистом выпускает дыхание:

— Твою мать! Умная девочка! — хрипло и горячо шепчет он, а я чувствую, как напрягается все его тело, а член пульсирует под моей щекой.

— Отпусти- шиплю я, когда его рука накрывает мою голову. Это так постыдно, и так эротично. Меня кроет от ощущений. От желания, пульсирующего по венам. Унизительная поза почему-то одновременно так развратна, так заводит, что меня накрывает мелкой дрожью. Я не знаю сама, чего хочу. Сглотнув, я машинально облизываю пересохшие губы.

— Отпусти- уже спокойнее повторяю, пытаюсь встать. Охрипший голос дрожит.

— Ни за что- тихо смеется он- Это твое место, Талова. Смотри, что ты со мной делаешь — уже серьезней, хрипло произносит он. Святослав не больно, но с силой нажимает рукой мне на шею, заставляя прижаться щекой к члену. Даже сквозь ткань брюк я чувствую, как он пульсирует желанием- Давай, отсоси мне по-быстрому- рычит он, вжимая мое лицо себе в пах- Иначе я взорвусь к херам!

И меня будто ледяной водой окатывает. Спасибо! Спасибо, что не дал мне пасть так низко, что после я не смогла бы уважать себя. Спасибо, что напомнил, кто я по твоему мнению. Все эти " раздвигала ноги перед пятью мужиками" и " готова была на всё ради дозы" вновь всплыли в памяти. Я с удвоенной силой забила в его руках, почти закричала.

— Отпусти! Отпусти меня! Помогите! Помогите! — я билась, словно рыба об лед, в железных тисках его ладоней

Святослав, чертыхнувшись, разжал руки:

— Не ори! — рявкнул он, отодвигаясь.

Я переползла обратно на свою половину сиденья, почти вжавшись в дверь — так мне хотелось дистанцироваться от него, быть как можно дальше. Предательские слезы застили глаза, я молча плакала, ничуть не заботясь о макияже.

— Держи- передо мной вынырнула большая рука с зажатой в ней салфеткой. Я повернулась- Святослав хмуро окинул быстрым взглядом мое лицо, буркнув лишь:

— Водостойкая.

Это он о туши?! О туши сейчас переживает!? После унижения, которому меня подверг, его первая мысль- не потекла ли тушь!?

— Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! — сама не помню, как оказалась сверху, на нем, осыпая его градом ударов. Как он, заломив мне руки за спину, перевернулся вместе со мной, прижав меня к сиденью, лег сверху, удерживая.

— Тихо, тихо, Талова, — приговаривал он, посмеиваясь — видно, все происходящее приносило этому уроду странное удовольствие! Моя злость немного поутихла. Не хочу радовать этого козла сильнее! Успокоившись, я заерзала под ним:

— Слезь с меня! Мне тяжело!

Он лишь сделал движение бедрами, уперевшись напряжённым членом мне в живот:

— А если не слезу? Ты так охерительно злишься... — ну точно, урод! И удовольствие у него свое, извращённое. Нравится ему, видите ли, когда я злюсь.

— Я представляю, что ты умеешь вытворять в постели, а, Талова? — низким голосом дразнил он так, что по моей коже невольно побежали мурашки. Пока я, прикрыв глаза, чтобы не видеть его самодельной рожи, пыталась не растечься теплой лужицей по сиденью, ощутила, как давящая тяжесть исчезла.

Резко встав, я принялась осматривать себя. Соколов, что тоже приводил себя в порядок, уже успев усесться на другой край сиденья, криво улыбался:

— Ну и семейка мы с тобой, Талова, а? — подмигнул он весело, но я веселья не разделяла:

— Пошел ты!

Святослав:

Какого хера я потащил с собой эту идиотку? Мог бы прекрасно всё решить и сам. Знал ведь, что выкинет какую-нибудь херню!? Знал. И всё равно каждый день вдали от нее тянулся домой. К ней. Сам себя обманывая, что нужно лишь лично убедиться в ее состоянии. Словно бы охрана и так по несколько раз на день мне об этом не сообщала.

Какого хера я сейчас взъелся на неё? Взбесило, что она отстранилась, отодвинулась к окну? Словно не желала даже случайно задеть меня. Уселась, королева, бл. дь! Святая невинность! Меня аж затрясло от злости. Или от осознания того, что она не хочет меня, не желает с той же сжигающей всё нутро к херам силой, что я её? Я уже ни в чем не могу быть уверенным в отношении этой хитрой стервы с внешностью и повадками то самой последней шлюхи, то невинной девочки. Да, мать вашу, я хочу её. Так, как не хотел ни одну женщину после Алёны. Иногда мне страшно и стыдно самому себе признаться в том, что и Алёну подчас не так безумно желал, как эту темноглазую стерву! Жадно, бешено, до дрожи! Разбить ее спокойствие вдребезги, заставить эти темные глаза светиться не страхом или плохо прикрытой ненавистью, а желанием...

Make love

Валерия:

Мне некомфортно на этом приеме. Сперва я боялась того, что всеобщее внимание будет приковано ко мне, теперь же я вижу лишь нацепленные на лица фальшивые улыбки перемежающиеся с притворным сочувствием по поводу моей аварии от совершенно незнакомых мне людей. Часть из них говорит по-русски, часть- по-английски, Святослав, словно заботливый муж, обнимая меня за плечи, переводит. Затем ко мне тут же теряют интерес, разве что несколько мужчин пытались разглядеть поближе, но хмурый вид Святослава заставил каждого из них отвернуться, сделав вид, что они так рассматривают всех гостей. Конечно, получила за это я- Святослав, с елейной улыбочкой, вцепился мне в руку чуть выше локтя, прорывав на ухо:

— Если ты, хитрая стерва, еще раз кому-то состроишь глазки, всю жизнь в подвале проведешь, поняла?! Или в дурке- это если помощи просить решишься.

Я лишь также лицемерно улыбнувшись в ответ, кивнула, стряхивая его руку:

— Поняла, отпусти. Мне нужно в дамскую комнату- вручив ему бокал с шампанским, я поспешила туда, где мне казалось, она была. Женщины стайками ходили туда и обратно. Да и если в спину мне не донеслось недовольного окрика моего псевдомуженька, значит, направление верное.

Слегка поплескав себе в лицо водой, я еще раз вознесла хвалу изобретателям водостойкой туши. Выйдя из туалета, я принялась испуганно озираться — где же Святослав? Добежав почти до входа в большой зал, где проходил приём, я вдруг осознала- это мой шанс спастись. Кто остановит меня, если я выйду за ворота? Да никто? Они открыты настежь, охраняются лишь на въезд. Да и сами гости снуют туда-обратно, встречая других гостей или знакомых.

— Валерия- вдруг донесся мужской голос за моей спиной- я вздрогнула от неожиданности. Не Святослав, но, возможно, один из его лбов-охранников, что притащит меня боссу, сдав с потрохами. Но обернувшись я увидела темноволосого мужчину средних лет. Он шагнул ко мне, я, испугавшись, отступила назад.

— Валерия, я знаю, что он держит тебя в плену — вдруг сказал мужчина- Я помогу тебе, доверься мне. Это от меня тебе передали номер.

— Мне неоткуда вам позвонить — невольно выдала я, нервно поглядывая на дорожку от дома, страхась застать там взбешенного моим исчезновением Святослава. Мужчина, будто прочитав мои мысли, кивнул:

— Его сейчас отвлекает мой человек, по бизнесу. У нас есть пара минут.

То, что даже бизнес не мог отвлечь Святослава от моей персоны дольше, чем на две минуты, означало, что дела мои плохи. Нервно облизнув пересохшие губы, я кивнула:

— Я согласна. Что мне нужно делать?

— Ничего, просто набери мне, как будешь одна — телефон уже лежит в твоей сумочке.

Я открыла сумку на тонкой лямке, что висела на плече, и ахнула- там действительно лежал смартфон. Но как? Я не снимала её ни на мгновение.

— Не включай его, пока он дома. Только как будешь одна, дальнейшие инструкции я передам.

Я с тоской в глазах посмотрела на толпу людей у ворот- мое время безнадежно утекало,

мне нужно бежать, а я здесь, неизвестно с кем. Но мужчина и тут смог удивить своей проницательностью:

— Не пытайся бежать одна. Алёна попыталась- ты знаешь, что случилось. Он убил её — стал кулаки мужчина, а взгляд его потемнел- я помогу тебе, у меня есть деньги и власть, почти равная той, что у него. Только так ты сможешь жить спокойно. Иначе он не отпустит тебя никогда.

Сглотнув вязкую слюну, я кивнула. Потом громкий смех очередной партии гостей у ворот отвлек меня, а обернувшись, я уже не увидела никого рядом с собой. Зато увидела Святослава, что размашистыми шагами сокращал расстояние между нами:

— Сбежать решила, Талова? — прохрипел он, накидывая на меня свой пиджак. словно бы заботливый муж вышел немного пройтись с женой.

Я, у которой появилось некоторое чувство уверенности от того, что я теперь не одна, за мной есть сила, о которой мой мучитель не знает, лишь усмехнулась в ответ:

— Согласись, я должна была попытаться?

К моему удивлению, Святослав улыбнулся, почти нежно:

— Да, должна была. В упрямстве ты порой не уступаешь мне.

Обняв меня за талию, он повёл меня вдоль огромного дома, где проходил приём.

— Куда мы идём? — испугавшись, стала озираться по сторонам я.

— Увидишь, тебе понравится — от того, как двусмысленно прозвучал его хриплый голос, меня вновь окатило волной желаний. Побоявшись выдать себя интонацией, лишь кивнула в ответ.

Наконец, мы остановились у большого остекленного мутно — белым стеклом сооружения.

— Оранжерея? — догадалась я.

— Умная девочка- подтвердил мои догадки Святослав, отпирая дверь невесть откуда добытым ключом. Увидев, как я смотрю на его руки, он ухмыльнулся — Ключи достать было не так уж и сложно, учитывая, что я здесь хозяин.

И потащил меня внутрь, не давая времени обдумать, как это получается так, что мы приехали на приём к нему же?

Включив свет рычагами в большом щитке на стене, он закрыл дверь, а я обмерла от восторга — вокруг было невероятное буйство зелени и красок. В детском доме одно время у нас был свой садик, и я обожала копаться в нем, наблюдая, как изо дня в день растут и крепнут овощи или цветы, маленькие деревья, что привезли спонсоры. Но это... Я словно ребенок, позабыв обо всем на свете, стала проходить между рядов, поглаживая листья пальцами, вдыхая аромат цветов, разглядывая доселе неизвестные мне растения.

Святослав:

Когда я привел её в оранжерею, я просто хотел дать ей передышку. Видно было, как тяготит её скопление людей, как тяжело дается находиться в обществе. Но когда я увидел искренние, почти детские, радость и восхищение на её лице, я ощутил такое счастье внутри, что мир взорвался яркими красками. Казалось, что больше ничего и не нужно — только дарить радость этой глупой девчонке, что решила угробить свой второй шанс на жизнь, и любоваться ею.

Сам того не замечая, подошёл ближе, некоторое время просто тихо идя рядом, наблюдая, как она шепотом разговаривает с растениями, восхищаясь ими, приговаривая

нечто вроде " ты мой хороший, ты же рододендрон, верно?" или " ого, а ты у нас кто? Камелия? Орхидея?".

Обернувшись ко мне, она радостно улыбнулась:

— Спасибо, это правда очень красиво. Мне понравилось.

А дальше? Дальше я словно одурманенный — шагнув к ней, жадно и нежно одновременно сжал ее лицо в ладонях, лаская её губы в медленном поцелуе так, что те сами раскрылись навстречу. Мои руки гладили её тело- неспешно, не пугая ее напором и агрессивностью. И это сработало- выгнувшись мне навстречу грудью, она чуть слышно застонала, поглаживая мою спину дрожащими руками. Я отодвинул тонкую ткань платья, оголяя ее полную грудь, горячим языком принявшись ласкать розовый ореол, втягивать, слегка прикусывая зубами, напрягшийся от желания сосок. Затем я уделил внимание второй груди, сместив лиф платья меж ее охерительных сисек так, что меня словно током шандарахнуло от эротичности этой картины — Лера, прикрыв глаза, едва откинув назад голову, с голой грудью предлагает мне себя, плаваясь в моих руках точно воск.

Ее соски терлись о мою рубашку, пиджак, упав, обнажил плечи. Она сама тянулась ко мне, желая получить ещё один поцелуй. Член мучительно пульсировал, стремясь скорее очутиться внутри неё. Но я понимал, что напором я лишь испугаю ее, заставлю вновь закрыться.

— Я хочу тебя — тихо зарычал я ей на ухо, перемежая это с лёгкими поцелуями вдоль шеи. Одной рукой я ухватил её ладонь, опустив вниз, через ткань прикоснуться к готовому взорваться члену. И Лера не отдернула руку, а принялась ласкать его сквозь брюки, в точности повторяя мои фантазии. Рванув ее платье вниз, я оставил ее в одних лишь тонких полупрозрачных трусиках, что завело меня ещё больше. Контраст между мной, большим и полностью одетым, и ей, маленькой, нежной и голой, будоражил кровь, пьянил лучше дорогого вина. Бережно опустив ее вниз, на пиджак, я приподнялся, расстегивая брюки. Она ахнула, выгнувшись мне навстречу, когда я провел членом по ее увлажнившимся складочкам, отодвинув тонкую ткань трусиков. Я немного подразнил её, заставив раскинуть ноги еще больше, дрожа от желания принять меня, а затем резко вошёл, сходя с ума от того, как же внутри нее кайфово. Так узко и влажно. Лера застонала, вцепившись руками мне чуть выше локтей. Она запрокинула голову, подставляя мне грудь с призывно торчащими кверху сосками, я лишь ускорил темп.

Наши тела искрились бусинками пота в искусственном освещении, звуки, что издавались, когда мой член входил в нее, истекающую соками, возбуждали, вознося за грань. Когда я наклонился к ней, чтобы поцеловать, она сама потянулась к моим губам- и меня буквально смело в жёстком долгом оргазме. Я изливался внутрь нее, сжимая в своих объятиях.

Валерия:

Я не знаю, что с нами произошло — не магия же вечера, в самом деле. Возможно, мы оба перестали сопротивляться своим чувствам, лгать себе. Мы до дрожи хотели друг друга. Будто по странной, непонятной насмешке судьбы, что свела нас когда-то.

Приходя в себя в его руках, я ощущала, как реальность безжалостно врывается в те короткие мгновения счастья, что удалось испытать пару минут назад. Святослав сел, звук закрывающейся молнии на брюках разрушил последние остатки волшебства, будто опошляя все то, что произошло между нами.

Открыв глаза, я смущённо принялась искать одежду, пытаюсь не глядеть в его сторону. Как вдруг в поле моего зрения возникла его рука с зажатым в ней платьем. Вспыхнув, я выхватила злосчастный кусок ткани и принялась натягивать его на себя, пытаюсь сделать это так, чтобы не поворачиваться к Святославу.

— Откуда у тебя телефон? — вдруг раздался его голос, выдавая то, что я меньше всего ожидала услышать после случившегося. Ни страсти, ни сожаления, ни даже легкой похвалы, чтобы скрыть ту витавшую в воздухе отчаянную неловкость, ничего! Только легкое недовольство — откуда у меня телефон?!

Подняв на него глаза, я невольно растерялась. Таким красивым, таким уверенным в себе он вглядел, нависая надо мной. Словно бы все так и должно быть- он и я. У его ног. Полуголая и оттраханная, а затем выброшенная словно ненужная игрушка.

— Я спрашиваю, откуда у тебя телефон? — он перевел взгляд на мою сумочку, что упала на пол вместе с платьем. Оттуда виднелся злополучный край смартфона.

— Купила! — злобно бросила я, пытаюсь подняться красиво и непринуждённо, ведь он даже руку не предложил, чтобы помочь.

Святослав ухмыльнулся- оба мы знали, что каждую мою покупку я могу лишь записать на листочек, а купит кто-то из персонала или сам он. И уж о попытке покупки телефона будет знать, запретив её.

— Натурой расплатилась! — бросила в ответ на немой вопрос в его взгляде. Ухватив одной рукой обе туфли за задники, поспешила к выходу. Сумочка мне больше не нужна, как и смартфон- мне его попросту не оставят. У самой двери обернулась — Святослав стоял на том же самом месте, задумчиво глядя на меня. А затем вдруг с силой наступил на телефон, раздавив его подошвой.

— Не играй со мной, Талова! — рявкнул он, подлетая ко мне. Я закричала в голос, принявшись осыпать его ударами. Больно заломив мне руку за спину, он прижал меня к двери:

— Если ты, сучка, вздумаешь с кем-то спутаться, я своими руками удушю его и тебя! Поняла?! — он встряхнул меня, с такой злобой глядя, что я отвела взгляд, пискнув в ответ " поняла".

Отпустив меня, он открыл дверь, тут же ухватив мою руку, будто боялся, что не сбегу — испарюсь в воздухе.

— И не думай, что если я тебя трахнул, между нами что-то изменится, тебе ясно? — окончательно добивает по пути к машине. Припечатывает словами, отчего тупая боль в сердце усиливается. Как же я устала от этих эмоциональных качелей- такое чувство, что

меня выпили до дна. Опустошенность, гасящая даже злость на него. Слабость, желание свернуться в клубочек и скулить в голос, будь то хоть шикарная спальня, где я сейчас обитаю, хоть холодный подвал.

— Пошел ты! Из нас двоих психопат — не я! Вместо того, чтобы мучить меня- лучше бы сам к психологу обратился, а лучше — к психиатру! — выдала гневную тираду, трясясь от обиды и злости.

Он лишь ухмыльнулся в ответ, с силой подтолкнув вперед.

Всю дорогу обратно я силюсь не выдать эмоций. Хотя и знаю, что ему совершенно наплевать. Получил своё, разрядку, и отбросил как ненужную больше вещь. Мужчины! Женщина бы так не смогла.

Но разве мне есть до него дело?! Разве я влюблена или хоть что-то, кроме обжигающей ненависти, испытываю к нему? Отчего же так больно в груди?

Если бы у меня был бойцовский характер, я бы смогла выдать в ответ нечто вроде " Да я и не рассчитывала на нечто большее, чем просто секс. Не стоит думать, что ты- центр вселенной". А так... Так я просто пытаюсь не расплакаться по пути домой. Вернее, в то место, где меня держат как пленницу

Святослав:

Я-мудак. Взрослый мужик, до одури испугавшийся тех чувств, что вызывает во мне эта девчонка. Я нихера не представляю, что она творит. С кем она спуталась? Что замышляет?

Едва мы возвращаемся, я едва ли не силой тащу её в комнату, рывкая по пути заспанным слугам, что прибежали из флигеля, принести ей поесть. Сегодня она из комнаты больше не выйдет, наказана, блядь! Меня рвет от злобного смеха, увидь меня кто сейчас — точно слетевший с катушек злой гений из второсортных боевиков.

Затем иду в гостиную, желая отвлечься — включаю фоном огромный во всю стену телевизор, плескаю себе виски в стакан так, что брызги летят на молочный ковер. А затем... затем отставляю стакан в сторону, чертыхаясь, лечу вверх. К ней.

И офигеваю, увидев, что она закрылась. От меня! Блядь! В моем же доме. Крышу мне рвет окончательно. Я не знаю, зачем мне это нужно, почему именно она, но чувствую — я сдохну, если сейчас не буду рядом с ней.

— Открой, Лера! — рывкаю я, бухая кулаком по двери. Слышу испуганный полузадушенный писк и сердце замирает- напугал? Пьяный урод!

Но тут краем глаза вижу, что это- испуганная горничная рядом со мной стоит, не зная, что делать дальше с подносом в руках. Еда! Мать твою, я и забыл.

— Поставь здесь и иди спать — киваю я ей на пол у стены. Девушка испуганно переводит взгляд с меня на дверь, словно размышляет, стоит ли переживать. Затем, нервно кивнув в ответ, ставит поднос и почти убегает, оборачиваясь лишь на ступеньках ещё раз.

— Лера, открой эту долбаную дверь или я её вынесу- уже тише говорю я. Размеренно, чтобы до ее хитровыдуманной где не нужно, и глупой сейчас головы наконец-то дошло.

За дверь слышен шорох, а затем она открывается. Лера, уже в домашней пижаме, со смытым макияжем, косится на меня. Замечая поднос на полу, выгибает бровь, но ничего не спрашивает.

— Доставка еды на дом- как debil шучу я, потерявшись от ее трогательной юности. Она словно под дых мне дала, выбив всю дурь. Внезапно я ощущаю себя совсем старым и дряхлым рядом с ней- молодая красивая девчонка и я, развалина, потерявшая семью, смысл

жизни, едва ли не саму жизнь.

Я кажусь себе паразитом, что присосался к молодости, даже для самого себя укрывая главное- под всем соусом заботы и переживаний за неё возможно я просто хочу чувствовать себя нужным. Боюсь, что если Лера уйдет, то мне станет незачем жить. И уйти она может по-разному — или сдохнуть от наркоты на какой-нибудь блат-хате или стать здоровой, успешной, выйти замуж, родить ребенка. Переехать куда-нибудь далеко....мать твою...Мне так хреново, что Талова с какой-то затаенной жалостью во взгляде отходит, пропуская меня с подносом.

Я бахаю его на прикроватный столик, и разворачиваюсь, собираясь уйти, как в спину мне доносится робкое:

— А ты не останешься...перекусить... тут на двоих хватит.

И меня охватывает такая гордость- моя девочка! Это мне душка не хватило, а она храбрая. После того, как я повел себя с ней там, в оранжерее...Даже если она реально была виновата — это тоже её право. Право пытаться спастись до последнего.

Валерия:

Мы едим молча, глядя друг на друга, изредка предлагая что-то взять или положить. Но в основном молчим. И в этом молчании больше смысла, больше единения, чем во многих наших разговорах.

— Будешь салат? — он протягивает мне салатницу из темного стекла с салатом из свежих овощей.

— Да, спасибо, — я словно на свидании или же Святослав — мой личный официант. Это необычно, немного неловко, но чертовски приятно.

Закончив с ужином, мы неторопливо едим десерт- взбитый крем с апельсиновой цедрой. Я невольно люблюсь Святославом. Раньше я всегда как-то в спешке, в движении могла парой быстрых взглядов окинуть его, теперь же, хоть и приходится хитрить, коситься, но я могу спокойно разглядеть его. Вдруг мой взгляд касается его рук, и я вспоминаю, как они, в свою очередь, лишь недавно касались меня — и вспыхиваю, замирая на месте от неловкости, стыда и... возбуждения.

Святослав, поднимая голову, чуть отпивает из бокала с соком, пристально глядя на меня. Он не шевелится, будто без слов спрашивает разрешения. Я лишь тихо киваю в ответ, пряча взгляд.

Когда надо мной нависает его мощная фигура< я чувствую такой прилив смеси из желания и счастья, что грудь сдавливает от эмоций. Почему он так действует на меня?

Он медленно раздевает меня, наслаждаясь процессом. Я чуть поднимаю голову, откидываясь на упертые в подушку локти, и люблюсь тем, как его крепкие руки скользят по моему телу- медленно, эротично.

— Ты такая красивая — выдыхает он в мои губы. Закрыв глаза я тянусь к нему, словно беспомощный слепой котенок к матери. Слово он- весь мой мир.

Этой ночью между нами все пронзительно нежно. Мы занимаемся любовью, смотрим какой-то новый фильм ужасов на огромном экране в гостиной. Я удивлюсь тому, каким веселым может быть этот мужчина. Его шутки по ходу фильма заставляют меня смеяться так, что я едва не давлюсь попкорном, кстати, приготовленным им собственноручно. Почему-то мне казалось, что даже для этого он, ужасный сноб, примется будить слуг. Затем мы гуляем у дома, правда, наша прогулка заканчивается на одном из больших лежаков в саду. Мне до сих пор стыдно вспоминать, какие позы я принимаю и как, не сдерживая себя, постанываю от страсти. Надеюсь, там нет камер...

Уставшие, мы поднимаемся наверх, в спальню. Мне немножко обидно, что в мою. Будто он считает меня недостойной того, чтобы ночевать в своей. Но за новыми ласками я забываю о такой мелочи. После жаркого секса мы засыпаем, обнявшись. Последнее, что я слышу перед тем, как провалиться в сон, это то, как Святослав что-то тихо шепчет о сердце. Но сил разоблачь, что же именно, у меня уже нет.

Поспать удастся несколько часов- я просыпаюсь от того, что Святослав медленно двигается внутри меня. В такие движения он тихо постанывает, а для меня эти звуки кажутся лучшей музыкой на свете

После всего, когда мы разморенные и насытившиеся друг другом лежим и болтаем ни о чем, он предлагает спуститься вниз, в бассейн.

Я округляю глаза:

— Но у меня... купальника нет. И если кто увидит?

Он улыбается в ответ, протягивая мне руку:

— Прислуга в своем доме, ночью здесь никогда никого не бывает. Ну и если бы у тебя был купальник- я бы и не позвал тебя. Так было бы неинтересно.

Пару секунд я зависаю, сопоставляя сказанное с довольной улыбкой на его лице, а затем понимаю- он пошутил со мной. Боже! Неужели наши отношения начинают хоть на каплю походить на нормальное человеческое общение?

Улыбаясь в ответ, подаю ему руку.

Перегучиваясь, мы спешим вниз, к большому бассейну, подсвечиваемому огнями электрических ламп. Святослав прыгает в воду, отчего мелкие брызги оседают везде, попадая м на меня. Пища, я вдрагиваю от холода, поеживаясь, переминаюсь с ноги на ногу.

— Ну? — его взгляд, что проходится по моей фигуре, кажется, сейчас вскипятит воду в бассейне. Я быстро стягиваю волосы резинкой — пружинкой, что надела на руку, и, затаив дыхание, подхожу к бортику и делаю шаг вниз. Вода накрывает меня с головой — и я чувствую, как сердце сперва колет, а затем стучит все медленнее, чем раньше. Взмахивая руками, я пытаюсь выплыть на поверхность, но вода будто становится вязкой, как кисель. Открыв в ужасе глаза, я вижу яркие огни ламп и смутное движение сбоку. Сильные руки подхватывают меня до того, как я погружаюсь в безмолвную темноту.

Святослав:

Когда Лера не выплыла, я сперва подумал, что гна играет. Шутит со мной, издевается, а, может, просто наслаждается ощущением холодной воды на разгоряченной коже. Но когда понял, что она тонет, едва не сошел с ума от страха. Мне не было так страшно даже на поле боя, где знал- или я, или меня. Нет, там была какая-то суровая решимость помноженная на обреченность. Выжио- хорошо, умираешь- заberi с собой как можно больше, не гибни вхолостую.

А здесь же...я буквально чувствовал, что умрет она — умру и я. Нельзя медлить ни минуты!

И сейчас, глядя на то, как суетятся вокруг неё медсестры, как сурово и недовольно бросает на меня косые взгляды врач, я трясся от раздирающих душу эмоций — страха за её жизнь и стыда.

Я ведь прекрасно знал, какую операцию она перенесла. Видел весь этот херов арсенал таблеток, что она должна глотать каждый. Знал- и продолжал трепать ей нервы. Тогда как ей даже долбаный сериал или мелодраму нельзя смотреть, чтобы не расстраиваться! И не нагружать сердце ненужными стрессами и эмоциями.

Я думал, что спасаю её, а на самом деле только разрушаю. И хер пойми, что делать. Отпустить? При одной мысли об этом у меня чувство, что я собираюсь отрезать кусок себя. Она влезла под кожу, проникла в кровь, отравила. Я теперь ничерта не понимаю- кто она для меня? Подопечная? Да нихера! Подопечных не мечтают раздеть, бросив на любую горизонтальную поверхность, и трахать до одури. Любимая? Нет, это предательство памяти Алены и нашей так и не состоявшей семьи. Хорошая подруга? Смешно! Да и когда это мужчины дружили с женщинами? Плюс это ведь- Талова! Даже будь она хоть единственным человеком на земле, с которым мне было бы разрешено заводить дружбу — ну его нахер! Та, что лжет в каждой мелочи, не задумываясь всадит нож в спину, стоит тебе лишь на секунду

отвернуться — не самый лучший претендент на звание друга.

Нужно что-то решать...

Валерия:

Он спас меня! Спас мне жизнь. Я не могу перестать исподтишка им любоваться, хоть сейчас он снова выглядит тем почти угрюмым недовольным мужчиной, каким я его помню с начала знакомства.

Врач что-то быстро говорит ему, Святослав слугает, сжимая руки в кулаки и изредка кивая. Я же всё больше осознаю, что весь мир вокруг для меня — чужой, неизвестный. И лишь этот человек в нем словно маяк, спасательный круг. Что-то знакомое, родное. Это страшит, пугает до дрожи.

Я никак не могу понять, определиться- хороший ли он? Герой, что спас меня? Психопат, что испугался — игрушка, которая ещё не приелась, может сломаться?

Наконец, врач, отдав приказ двум медсёстрам, выходит из палаты, оставляя нас наедине:

— Ты как? — Святослав подходит ближе, и я вижу круги под его глазами, углубившуюся морщину меж бровей.

— Хорошо- хрипло пытаюсь рассмеяться, отчего едва заметно колет сердце. Я стараюсь не показать этого.

Он садится на стул рядом, накрывая своей большой рукой мою руку. И пристально смотрит на меня

— Что говорят врачи? — пытаюсь наладить разговор.

— Небольшая аритмия- все будет хорошо- он поглаживает большим пальцем мою ладонь.

— Когда я могу... — я осекаюсь, не зная, как продолжить. " Когда я могу пойти домой?"? У меня нет дома. " Отправиться туда, где ты держишь меня как пленницу?"?. И вообще, зачем мне туда идти? Я ведь хотела сбежать? Помню, очень хотела. Неужели секс с похитителем так влияет на жертву? Задумчиво разглядывая его, я вдруг допускаю мысль- а что если все действительно так, как он говорил? Что если на самом деле плохая здесь только я?

— Я заберу тебя домой сегодня, еще пара процедур и анализов, и тебя отпустят — продолжает гладить он мою руку, глядя в упор.

Я смущаюсь, отводя взгляд:

— Ну, если они не успели сделать всё за те пару часов, что я была в отключке... — пытаюсь неловко пошутить, но Святослав глухо обрывает меня:

— Пару дней, Лера. Ты была без сознания два дня.

В ужасе я смотрю на него, не в силах поверить:

— Два дня — переспрашиваю, а мысли в голове устраивают настоящий кавардак. Что со мной? Два дня без сознания?! Как в третьесортном сериальчике из моего детства, где отец главного героя пролежал несколько лет в коме, из серии в серию лежал он в одной и той же палате. Я тогда еще смеялась, что это- самая лучшая роль в мире. Тебе платят за то, что спишь на съёмках.

И тут меня будто опаляет- я вспомнила. Немного, но вспомнила. Святослав чуть подаётся вперед, взволнованно обводя моё лицо взглядом:

— Что с тобой? Тебе плохо? Позвать врача?

— Не нужно — улыбаюсь я- я вспомнила — поясняю на его недоумевающий взгляд — вспомнила немного из детства. Память возвращается.

И вдруг я вижу, как его глаза буквально гаснут. Он не расспрашивает меня, не удивляется.

— Понятно- только и говорит он, а затем отпускает мою руку и поднимается — я сейчас еще зайду к врачу, через примерно пару часов мы поедем домой. И выходит из палаты, оставляя меня в недоумении. Отчего он так взъелся? Не верит до сих пор.

Горечь разливается внутри, ехидный мерзенький голосок насмехается, звеня в голове- "А что ты думала? Раздвинула ноги пару раз- и всё? Он влюбился, поверил, а сейчас вот за кольцом побежал?". Позволила себя, глупая дурочка, мечтать о том, что неосуществимо.

И, хоть мне ни любви, ни кольца, ни даже доверия его Святослава нужно не было ("да, не нужно!" — обрываю я насмешки все того же внутреннего голоса), но настроение пропало также быстро, как и появилось. Устало откинувшись на подушку, зацепилась глазами за тонкую зеленую ниточку на мониторе, рваными волнами бегущую вперед. Она идеально описывала наши отношения — то крутой взлёт вверх, то падение вниз.

Усмехаясь, позволяю себе прокручивать в голове тысячи сценариев, где я на самом деле- дочь влиятельного политика или бизнесмена. Потеряла память, а Святослав воспользовался. Но ничего, мой отец уже ищет меня. И его заодно. Ну а дальше- миллионы вариантов отцовской мести и моего упивания ею.

Но в глубине души я понимала- нет, это маловероятно. Хоть я и ничего не помню про ту, прошлую, жизнь, но никакого отца-олигарха или депутата у меня нет. И вдруг вспоминаю- те двое, которых я видела на фото, вот на кого отозвалось сердце. Я их знаю! Точно знаю. Нужно попытаться связаться с ними, это может быть шанс к спасению. В следующий раз (если!) мне передадут телефон, я уже не буду так глупа

Святослав:

— Телефон полностью чист, — с прищуром смотрит на меня Леха, жадно сканируя малейшие изменения в моем лице. Будто пытается на чем-то подловить. Но мне не до этих игр. Хмуро киваю ему, продолжая вертеть меж пальцев сигарету. Эта дрянь и курить меня заставила начать вновь- бросил ведь два года как.

— Почему ты считаешь, что именно она замешана во всём? — снова не дает мне покоя Соболь.

Мне хочется одновременно и засмеяться в голос, и пиздануть его чем-нибудь тяжёлым по голове. Будто это не он видел все, что творила эта " милая малышка", будто не он разгребал?!

— Лех, давай не сейчас, а? — виски начинает ломить, я откидываюсь назад в кресле, прикрывая глаза.

— Лады- я не вижу, но даже и без этого представляю, как Соболь задрал кверху свои огромные ручки- Но ты это... Подумал бы лучше, куда её пристроить, рехаб там какой-то. Или...

Волна злости захлёстывает меня так неожиданно, что я вскакиваю, глупо таращась то на Леху, то на портрет Алёны. Рехаб?! Нет, ей там не место! Я ведь сто раз об этом думал долгими ночами, пока мусолил её будущее, переиначивая варианты то так, то эдак. Неужели Соболь искренне в душе...не понимает, что там на нее снова выйдут те ублюдки!? Или наоборот — она на них.

— Лех, не лезь, хорошо? — едва сдерживаясь, процедил я.

— Как телефон проверь- " Лех, помощь твоя нужна"- обиделся, словно девчонка, Леха. И то, как слешка плаксиво это прозвучало, и его морда расстроенная подняли мне настроение. Губы сами растянулись в улыбке, переросшей в смех. Соболь, сначала пучивший глаза в удивлении, а затем, когда я между приступами смеха, еле как выдавил из себя как он выглядел в тот момент, зацвел теперь алой розой. Никогда бы и не подумал, что этот суровый вояка краснеть умеет!

— Подкальвай, подкальвай, — недовольно забурчал он, собираясь встать, — зато я не ссу кипятком по малолетке!

Мой смех как по команде затих, а глаза потемнели:

— Ты это сейчас о чем? — грозно надвинулся я на Леху, но тот не желал останавливаться. Вскочив с кресла он выпятил грудь, обвиняюще глядя на меня:

— О Лерочке твоей! Думаешь, никому не видно?! Все вокруг — дебилы да идиоты?! Ладно, обслуга твоя- он обвел рукой вокруг себя, как бы показывая, что речь о тех, кто работает в этом доме — и ни бельмеса не понимают, и не положено им. В бизнесе там или ещё где ты из себя акулу строишь- ок, без проблем — надвигался он на меня — Но мне — то не звезды! Влюбился, вот и бесишься.

Во избежание тяжких телесных я лишь, толкнув его плечом, чтобы подвинулся, рванул к выходу. П..здец, встретились. А ведь это ещё даже ужин не принесли. Я как баба пмсная- со мной в последнее время никто больше нескольких минут без ссоры продержаться не может.

Из окна гостиной наверху смотрю, как Леха размашисто шагает к гаражу, куда загнал свой новенький Гелик. Интересно, что за работа у него такая, где такие тачки можно сходу

покупать- он и приехал покупку обмывать, да вот не сложилось. Хотя, это я загнул, конечно — Соболь очень ценный специалист. Его даже, ходили слухи, хотело едва ли не первое лицо государства нанять в охрану близких своих, видать, ФСОшники полностью в актеры подались, массовку. А заменить некем, толковых спецов мало.

Поворачиваюсь, направляясь к кровати. Найдя в телефоне фото Леры, внимательно разглядываю, лежа на спине. Что в ней такого особенного? НИ-ЧЕ-ГО! Ничего, ска! Она даже не красивая в общем понимании этого слова.

Эту ночь Талова проведет в больнице, я оставил рядом с ней пару своих парней, плюс Леха настоял, чтобы вход охраняли его бойцы. Не ради меня- ради самой Валерии. Что ни говори, а кто-то решился взяться за неё по-крупному. И раз она молчит, не говоря мне об этом, то либо искренне верит, что она с теми ублюдками в одной лодке, не понимая, что её тут же уберут, как сыграет свою роль, либо настолько глупа, что догадывается, но думает всех переиграть, не понимая, с кем связалась.

Закрыв глаза, вспоминаю её прежнюю- ту болтливую девушку со счастьем в глазах. Или скромную девчонку, что весь вечер прожигала меня взглядом бездомных темных глаз. Что теперь с ней стало, почему? Будто сердце Алены вселило в неё придурь- лезет в голову глупая мысль. Но нет- Алена, хоть и была взбаламошной и подчас резкой, но это была лишь игра, бравада. Ну нравилось ей строить из себя режиссера, умело манипулируя людьми или выводя их на реакции... Здесь же.

Мне не спится. Спускаясь вниз, внезапно понимаю, что в кои-то веки думал про Алёну без той острой ноющей боли внутри. Лишь какое-то тянущее чувство потери. Но не та оглушающая боль, что будто ударяет под дых, выбивая остатки воздуха из груди

Валерия:

Уныло обвожу взглядом палату. Скучно лежать, но больше делать и нечего. Уже темно. Телевизор на стене что-то тихо говорит по-английски, каналы почти все не российские. Впрочем, это и так было ясно. Выйти даже в коридор нельзя- у дверей дежурят два амбала с каменными лицами, на все просьбы отвечая " не положено". Мне даже позвонить Святославу не дали, попытаться попросить разрешения пройти- ' нет таких инструкций"! Не люди, а роботы, ей-богу!

Свесив ноги, сижу на кровати, глядя на Луну через полуопущенные жалюзи. Грустная улыбка блуждает на моем лице- сколько я себя помню, отношения со Святославом у нас по извращенному сценарию с упрямой периодичностью ' тишина — ругань- больница- тишина- ругань-больница'. Услужливая память тут же подбрасывает сцену, где я, задыхаясь от страсти, выгибаюсь навстречу его сильному телу, что врзается в меня, заполняя до краев. Но мою стыдливость спасает прагматизм, тут же возражающий: " И что? Будто это что-то изменило? Будто для него это означает то же самое, что и для тебя, а не банальный трах на скорую руку? Как поесть, когда голоден или выпить чашку кофе, чтобы взбодриться". Словно и не было этого, просто сон. По крайней мере, для Святослава точно. Слезы солеными дорожками бегут по щекам. Я комкаю дрожащими пальцами больничную рубашку, тихо молясь, чтобы это была лишь гордость. Обычная женская уязвленная гордость. Мне даже страшно думать о том, что это может быть нечто другое. Нечто гораздо более глубокое.

Пытаюсь уснуть, но никак не получается. Встаю, ухватив одной рукой штатив с капельницей, и слабыми шагами измеряю замкнутое пространство палаты вдоль и поперек, гремя шарнирами на ножках штатива. Как бы мне хотелось, чтобы сейчас и предмет моих страданий вот также мучился, не находя себе места. Глупая! Глупая дурочка!

Позади меня раздается скрип двери, я испуганно оборачиваюсь- вроде, уже поздно для любых визитов. Но увидев лишь улыбающуюся медсестру, успокаиваюсь. Та на довольно чистом русском говорит:

— Последние процедуры — и можете спать. — я вижу, как один из охранников пятится на её зад, пока закрывается дверь. Я плетусь обратно к кровати, неуклюже залезая на неё так, чтобы не вырвать капельницы.

Но медсестра и не думает меня осматривать, наоборот, она бегло озирается вокруг, даже в окно выглядывает. А затем делает то, что приводит меня в легкое недоумение- достает из кармана белых брюк смартфон, включая на нем запись, где... она рассказывает о какой-то процедуре, которую, якобы сейчас проведет мне. От меня же потребуется полное молчание и расслабленность.

Подойдя ко мне, она наклоняется ближе:

— У нас есть пару минут. Я помогу тебе. — она придвигается ко мне, склонившись так, что даже мне приходится напрягаться, чтобы услышать то, что она скажет- Меня прислали друзья, что делают тебе добра.

Меня коробит от экранной фальшивости этой фразы, будто в дешевом боевике про шпионов. Неужели она сама не замечает. Но тут мой внутренний голос разума бунтует- надо же, не искренне пожелали помочь ей, смотри, королева выискалась. Это ведь просто ужасно,

гораздо хуже, чем в подвале запирать, в плену держать, использовать как бесплатную покорную секс-куклу?!

Сцепив зубы, я киваю. Медсестра продолжает:

— Так просто от него не уйти, он слишком богат и влиятелен даже здесь- моё сердце делает кульбит, рухнув от надежды к обреченности. Но следующая фраза вновь озаряет- Но и те, кто хочет тебе помочь, далеко не бедны. Только вот и им нужно кое-что взамен.

Естественно, горько качаю я головой, кто и когда помогал бедной сиротке просто так? И тут же замираю- почему я так о себе думаю? Я — сирота? Или это просто разум играет злые шутки? Но медсестра вновь перехватывает моё внимание:

— Ты должна будешь помочь им собрать компромат на Соболева- она пристально смотрит на меня, будто изучает — готова ли я на подобное. А с телефона льётся ее безудержная болтовня о пользе процедуры- Ты готова? Здесь нужна вся твоя воля, вся сила.

Я осторожно киваю, все ещё не понимая, чего от меня хотят, и почему именно я должна это осуществить, как я вообще могу это сделать?

— Хорошо, дальнейшие инструкции тебе скажет другой человек- она наклоняется ближе- Поверь, он- ужасный человек, его не стоит жалеть. Одно то, что он убил свою беременную жену, уже говорит обо всем. Я уже молчу о том, как он ведёт бизнес. Те, кто посмел перечить, таинственным образом исчезают — она поежилась, будто следующая информация была ужасной. И она таковой была- или умирают. Естественно, ничего не доказать, никаких ниточек, но такое просто не может быть чередой совпадений.

Меня начинает трясти мелкой дрожью- что? Как? Не может быть! Я скольжу глазами по ее лицу в поисках подтверждения, но она или не лжет, или верит в то, что сказала. Ну, или же Оскар за лучшую женскую роль должен достаться этой странной девушке.

— Лера, — она участливо накрывает мою руку своей- В его поимке заинтересован Интерпол, ты понимаешь масштаб? — судорожно сглотнул, киваю в ответ, естественно, ничерта не понимая- Ты можешь помочь нам, если будешь сильной. Мы сами свяжемся с тобой через несколько дней. Но до этого ты должна расположить его к себе.

Мои брови влезают вверх- я? Расположить к себе? Она, верно, смеется? Или не такие уж они и могущественные и всезнающие, эти " друзья", раз не удосужились узнать, что я для Соболева- грязь из-под ногтей, пыль, не более. Передо мной вновь как наяву всплывает его перекошенная в отвращении физиономия, когда он бросал мне в лицо те обидные слова по пути к машине.

Ну а версия с компроматом- это они серьезно? Как и где я его найду? Неужто словно в детективах он хранит список своих прегрешений на флешке за двойным дном картины? Или в ящике стола? А, нет, может, на меня наденут такие маленькие микрофоны на скотче, а потом отправят к нему- разговорить?

Начинаю нервно посмеиваться от абсурдности ситуации

Но медсестра легонько встряхивая меня за плечи, сурово смотрит на меня:

— Лера, ты хочешь, чтобы еще девушки вот так мучились после тебя?! Он и до тебя творил подобное, и всё сходило с рук! Ты будешь не первой его женой, что погибла при странном стечении обстоятельств, а третьей!

И я снова вижу- она не лжет.

Меня бьёт в ознобе- Господи, да что происходит. Нечто невероятное- он психопат?! Больной психопат с неограниченными возможностями. Я киваю, шепча как мантру " Да, я все сделаю, всё!".

— Ну вот и хорошо. Поверь, мы спасем тебя. Он не успеет причинить тебе зла. Только расположи его к себе.

Вытирая мои слезы ладонью, она вдруг наклоняется, словно мать целуя меня в лоб. А затем, подождав пару мгновений до того, как завершится очередное предложение на записи, выключает телефон и нарочито громко произносит:

— Ну, вот и всё. Из вас вышла замечательная пациентка- послушная- она выделяет это слово- Послушная и милая. Доброй ночи.

Я заставляю себя пожелать ей того же в ответ.

Когда она уходит, начинаются часы мучительных размышлений. Рассвет уже окрашивает небо в нежно-розовый, а я лежу и думаю- что, если все, сказанное ею, правда? Может, тогда мне действительно следует бежать в полицию, сломя голову? Какая из меня "располагательница к себе"? Я горько улыбаюсь- вот еще с задачей " вызови у него максимальную неприязнь" я бы справилась на отлично. И тут же вспоминаю нашу так и не закончившуюся ночь. Как все было чудесно, какое счастье что чувствовала... А потом на ум приходит, что я будто новая кукла в замке безумного коллекционера- пока не наигрался, но кто его знает, когда приестся и сломает?! Выбросит на помойку?

И тут я замираю, похолодев от ужаса. Еще тогда, когда я была в его доме, там, в Москве, я ведь пыталась найти о нем информацию. И действительно, на одном из сайтов увидела небольшую статейку о том, что он был женат два раза. И обе жены трагически погибли- одна три года брака, другая в браке- беременная разбилась в автокатастрофе. И после гибели первой он, не выждав даже месяца, женился на второй. А что, если... Нет, мне страшно даже думать об этом!

Меня знобит, волосы в прямом смысле встают дыбом, до мурашек пробирает- а если это правда?! Если я действительно в руках психопата с миллиардом возможностей потворствовать своим прихотям, покрывать их?

" Нужно спасаться любой ценой! "- мелькает мысль перед тем, как я погружаюсь в рваный беспокойный сон.

In the middle

Святослав:

Охрана доложила, что Валерия еще спит после процедур. Полночи по палате слонялась, вздыхала. Видит Бог, как я рвался к ней. Вливал в себя алкоголь, чтобы отключиться, не приказав водителю ехать в клинику. Не влетать как обезумевший от чувств идиот в палату, не обнимать ее...

Талова! Черт тебя дери! Ты как моя карма- вернулась ко мне на этом свете, чтобы отомстить за все прегрешения.

Этой ночью мне снилась Алена. Вот только глаза ее были большими и темными. Точь-в-точь как долбаный преследующий меня влажный взгляд Таловой. Ну а потом- потом и сама Валерия беспарданно ворвалась в сон- позорная, готовая на всё, она предлагала мне себя на полу той оранжереи, нисколько не стесняясь, раздвигала ноги, порочно улыбаясь...

Проснулся я с диким стояком и не менее ужасающей головной болью. Во рту пересохло, руки дрожали. Я так накидывался в последний раз, наверно, только когда не стало жены. Блядь! Усмехнулся- и тут же тупой выстрел боли в висок. Да так не я Талову от зависимостей избавлю, а сам сопьюсь к херам собачьим. Помощничек хренов! Спасатель, пля, Малибу!

Прислуга, что шебуршит по дому, косится на меня- видок, видимо, ещё тот, раз даже вышколенный персонал из лучшего агенства не может сдержатъ любопытства.

Пока я под обжигающе горячими струями воды пытаюсь прийти в себя, в голову лезет всякая ерунда- как искренне смеялась Лера этой ночью, как стеснялась, когда случайно перехватывала мой взгляд, с какой шемящей нежностью обнимала меня ночью, поправляя одеяло, точно добрая мамочка. Лера думала, что я спал, и это придало ей смелости. Я едва не кончил, когда нежные тонкие пальчики несмело прошлись по моей груди, поглаживая, исследуя моё тело. Затем, неуверенно замерев на мгновение, скользнули вниз. Как она вскрикнула от неожиданности, когда я перехватил ее ладонь, потянув на себя. Пыталась слезть, но я чувствовал, какой влажной она была, как хотела меня с той же силой, что и я её.

И как после Лера, прикрыв глаза и слегка откинувшись назад, объезжала мой член. Это было охранительно сладко.

Со злостью ударил кулаком в стену, чтобы боль хоть немного отрезвила. Рядом с ней чувствую себя словно с армейки вчера вернулся. И, конечно, ни то каких эскортницах речи быть не может. Этот пожар под силу унять только Таловой. Я вообще как представляю другую рядом с собой, что будет в рот заглядывать, как лучший в мире датчик монитора малейшее изменение моего настроения, чтобы подстроиться- прям до тошноты. Силиконово-гиалуроновые бездушные куклы.

Уже когда, обжигая губы горячим кофе, в спешке одевался, поймал себя на мысли- а что, если мне такая и нужна? Возможно, другая и не вытащила бы меня из той трясины, в которую я все глубже погружался- алкоголь, секс, приносящий лишь разочарование и злость на самого себя, желание сию же минуту собрать дамочку, что лежит рядом, дать денег и приказать водителю отвезти ее куда угодно, хоть на край света, лишь бы подальше от меня?

А Лера, мать ее, стимулирует. Заставляет меня снова и снова испытывать эмоции. Притом, стоит признаться, не всегда отрицательные. Как там говорится, " может, когда хочет"? Да, этого у нее не отнять. Она реально может быть одновременно и ангелом, и самой

хитрой стервой на свете.

Словно влюбленный дурачок сам покупаю по пути букет (раньше я так делал лишь для жены, и то потом, спустя время, этим стал заниматься мой секретарь, уже знающий все ее предпочтения. Нет, не вручал, конечно же, лишь заказывал доставку), трясущимися после вчерашнего руками оплачивая. Потом ломаю себе голову на тему "а вдруг не зайдет, не понравится"? Я ж ее, если подумать, совсем не знаю- что ей нравится, чем увлекается. Помимо наркоты, естественно.

Нет, я знал когда-то девочку Леру Талову- тихую, скромную, наивную. Это она поверяла мне все тайны и желания когда-то, да я был, черт побери, кем-то навроде её личного дневника. А потом- бац, и девочка Лера выросла. Игрушки у неё стали другие, опасные.

Но сейчас мне странным образом не до этого, "похер, разберемся позже", как любит говорить Леха, если видит проблему, требующую долгих и тяжёлых раздумий о ее решении или кучи действий. Леха вообще- солдафон до мозга костей, прямой и...как бы назвать его, чтоб не обидеть. Он мне жизнь спас, вообще-то.

Правда, сейчас мне как раз тот самый "похер"- на Леху, на жизнь, на то, что творила Талова или что сейчас пытается вытворять. Мне главное- очередная доза. Мне было так хорошо вчера, и я руку дам на отсечение, что и ей. И речь не только о сексе, хоть и он у нас крышесносный. Нет, хорошо вместе- это гораздо более глубокое понятие. Серьезнее, чем вместе что-то смотреть и болтать, смеяться и проводить время.

Уже в больнице я понимаю, что почти паникую. Я, что не раз терял офигенно огромные суммы или в разы больше зарабатывал на сделках, волнуюсь о том, как пройдут эти переговоры, от которых зависит. Да я, честно сказать, хз, что зависит. Моя жизнь- будет слишком громко, мое удовольствие- слишком приземленно.

Захожу в палату, отпустив охрану чуток погулять. Те и рады- задолбались сидеть ночь.

— Лера? — в беспокойстве оглядываюсь вокруг. В ванной никого, даже шкаф проверяю небольшой, что тоже есть в палате, VIP же, мать твою. Койка пустая, не заправлена, как если бы Талову срочно вызвали на процедуры или...она сбежала. Не может быть? Чувствую, как теперь уже моё сердце пропускает удары- НЕ! МОЖЕТ! МАТЬ ЕГО! БЫТЬ!

Бросая принесённый цветочный веник на кровать, пулей вылетаю из палаты. Да как так? Просочилась сквозь стены? Тут же везде охрана!. Уже мысленно представляю, что и как сломаю этим идиотам, что не уследили за обычной девчонкой, я вдруг вижу Леру в конце коридора. В больничной ночнушке, в которой почти утонула, семенит она за нагловатого вида молодой медсестрой. Завидев меня настороженно хмурится, но идёт навстречу.

— Ну, вижу, Валерия, за вами пришли- говорит медсестра, поздоровавшись со мной- не буду мешать.

Она уходит, а я вижу как у Леры в глазах проскакивает неприкрытое желание броситься той вслед- с такой тоской она глядит на медсестру. Я что, такой страшный, что Талова готова бежать за любим, кто может спасти? Или она уже наплела этой медсестричке свои любимые истории из серии "спасите, я в плену" или "потеряла память"? Нет, вряд ли. Тогда бы та не вела себя так спокойно.

— Лера, пойдем в палату, — всего лишь произношу, хоть и хочется сразу и всё обдуманное вылить на неё как ушат ледяной воды.

Она вздрагивает, когда я прикасаюсь. Еле заметно старается отодвинуться, но затем кивает, позволяя себя отвести. Да что происходит?!

В палате, замечая огромный букет, делает круглые глаза. Аккуратно присев рядом, не

удерживается от того, чтобы не поднести его к лицу, наслаждаясь ароматом.

— Я не знал, какие тебе нравятся — мне кажется, или мой голос реально дрожит?

— Спасибо, мне очень нравится, — она поднимает глаза, и мне кажется, что она сейчас готова запустить этим букетом мне в лицо и бежать без оглядки, такой страх я вижу в их темной глубине.

— Лера, что случилось? Тебе плохо? — пытаюсь понять причину происходящего.

— Я...нет, хорошо. Просто слабость пока. Врачи говорят, что если не нервничать, то все нормализуется- тут она косится на меня, без слов, но мы оба пониманием значение этого взгляда. Дескать, " но какой покой с таким уродом как ты?".

— Лера, — я присаживаюсь рядом, отчего кровать натужно скрипит, а Талова отстраняется, будто слиться с белой пластиковой спинкой кровати желает- Я хотел поговорить с тобой. Предложить... — она нервно и охранительно сексуально облизывает пересохшие губы- и тут все заготовленные заранее слова вылетают у меня из головы. Взять бы ее прямо сейчас, мне до одури хочется убедиться воочию, что под этим больничным одеянием на ней действительно нет трусиков.

— Перемирие. — вылетает из моего рта раньше, чем я успеваю обдумать. Талова косится на меня как на диковинного зверя, не понимая, то ли бояться, то ли довериться. Сожрёт или позволит себя погладить? На мгновение мелькнула мысль, что она притворяется. Но странно- я не чувствовал. Я, который уже, как говорится, собаку съел на всех этих льстивых ужимках, попытках со мной познакомиться, подольститься, строить из себя невесть кого. Притом, не только от женщин. Тех ещё можно понять, инстинкт, мать его. Каждая самка ищет себе заведомо выгодного в плане обеспечения будущего потомства и ее самой всем необходимым. Для одной это мизер- жильё да нехитрая еда, отпуск на море. Для другой это- лакшери жизнь, личные самолёты, дорогие шмотки, драгоценности и остальное. Разница лишь в сумме.

Но были и мужики, которые пытались стать для меня друзьями. Приглашали на охоту или сафари, в баньку, на отдых. А все- ради будущих бизнес-проектов.

Одинаково фиолетово мне было и на тех, и на других. Но Талова...с ней мне хотелось просто быть рядом, не важно, притворяется или нет. Просто находиться в радиусе гребаного метра, зная, ощущая ее присутствие. И если первое время я считал, что это сердце Алёны так меня притягивает, то сейчас уже не знаю, что и думать.

— Перемирие? — недоуменно выдыхает она, вновь облизнув губы.

— Лера, прекрати так делать- хрипло бросаю я, стараясь отвернуться. Нужно сосредоточиться, а вся кровь прилила к члену, снова стояк нереальный.

— Как? — и краем глаза замечаю, как она в третий раз облизывает уже влажные чуть заметно дрожащие губы.

Я и не успеваю заметить, как она оказывается подо мной. Как я жадным поцелуем сминаю ее такой влекущий рот, а мои руки бесстыдно задирают кверху её рубашку.

— Я хочу тебя- хриплю я, задыхаясь, в перерывах между поцелуями. Лера сперва замирает, а потом отвечает мне тем же. Но, собравшись с силами, я отстраняюсь, помогая ей избавиться от рубашки. Это так эротично- голая, возбуждённая, с блестящими от желания глазами, она сидит на кровати, тяжело дыша.

Лёгкими поцелуями прохожусь по внутренней стороне бедра, Талова, пытаюсь сохранить самообладание, тихо стонет, сжимая руками простынь. Замирая у ее набухших влагой складок, прохожусь по ним двумя пальцами, описывая круги вокруг клитора. Лера

начинает дрожать, выдыхая тяжелые рваные полустоны.

Вхожу в нее пальцами, то двигаясь, то замирая. Она ещё больше раздвигает ноги, предлагая мне всю себя. И я беру- опускаюсь ниже, ласкаю языком, слизывая влагу.

— Что ты... делаешь? — протяжно стонет она, пытаюсь сдвинуть ноги. Но я удерживаю их руками, лишь усмехаясь в ответ:

— Врач сказал, что тебе нужны положительные эмоции- и слегка прикусываю зубами бугорок между складок, отчего она уже не может сопротивляться, откидываясь назад, на подушку.

— Да, о, Боже, да, — то стонет, то шепчет она. Ну, я, конечно, не он, но тоже кое-что умею.

I and Him

Валерия:

Мы едем в машине, моя голова лежит на плече Святослава, а он расслабленно поглаживает рукой мою ногу. Все это неправильно. Безумно. Безумно приятно, порочно. Будто бы какая-то неизвестная мне доселе развратная часть моей натуры вылезла наружу, загнав рассудок в самый темный угол подсознания. И теперь наслаждается происходящим, без страха упреков с его стороны.

Да, я многое должна обдумать, да моя жизнь, наверно, висит на волоске. Да, всё, что я сейчас творю- чистейшее безумие. И все же мне так хорошо, так спокойно. Будто я в бушующем жизненном море нашла свою тихую гавань.

Конечно, я — не сумасшедшая. Я понимаю, чем это вызвано- все вокруг для меня новое, незнакомое. А он, хоть и причинил столько боли, зло, уже известное. Человек ведь боится больше всего лишь одного- неизвестности. Даже когда обречён, можно подготовиться. Тут я вспоминаю Анну Болейн, чью казнь откладывали и откладывали, доведя тем самым экс-королеву до сумасшествия. И едва не рыдаю в голос- ну как же так?! Почему я вспоминаю вот такие, совершенно не нужные мне сейчас, факты, а о себе — белый лист. Никаких вспышек или озарений.

Святослав предложил мне перемирие. Смешно, конечно, будто у нас была война. Нет, я всего лишь несчастная жертва психопата- социопата, что каким-то образом смог расположить меня к себе. А ведь это должна была сделать я. И я уже не понимаю, где та грань, между которой- настоящая я и та, что играет?

Линда, так зовут медсестру, что говорила со мной, рассказала мне многое. То, во что и поверить можно с трудом, но факты говорят сами за себя, как минимум, с женами. Первая скоростно умирает, стоит ему пожелать жениться на второй. Вторая же умирает тогда, когда заходят слухи о том, что она неверна мужу. Когда вездесущие журналисты ловят ее на отдыхе в одном из сверхдорогих отелей с очень влиятельным человеком. Ловят с фото и видео- вот она поправляет платок, призванный, видно, скрыть, кто она такая; вот ее спутник обнимает ее за талию, жарко целуя напоследок в губы; вот усаживает ее в свою машину, придерживая дверь. Конечно, все это называли дипфейком, а представители Святослава ещё пригрозили судом, да вот только в суд не подали. Правда, сделали вернее, — он попросту купил этот медиахолдинг. Естественно, вышвырнув на улицу с худшими рекомендациями и без копейки тех самых журналистов, что делали статью. А немногим после этого и его жена разбилась в аварии.

И, если допустить, что хоть капля из его лжи- правда, то во мне действительно её сердце? Странно, разве я не ощущала бы этого? И тут накрывает осознание- а что, если мое влечение к нему, результат этого? Все путается в мыслях, сплошной абсурд, мелодрама. Будто не жизнь, а дешёвый мыльный сериал.

— Давай сходим куда-нибудь? — вдруг предлагает Святослав, и тут же добавляет- Как тебе станет немного лучше, не сейчас.

Кукловод. Настоящий кукловод. Чуть ослабил ниточку- и снова натянул.

— Хорошо, — вяло киваю я, устраиваясь поудобнее на его плече. Говорить не хочется. Думать тоже.

— Это для твоего же блага- бросает он, а мне хочется добавить "сказал удав кролику", но я молчу, памятуя, что должна держаться. Делаю вид, что мне всё равно, что я почти смирилась:

— Да, конечно.

Когда мы доезжаем до ресторана, где нам отводят огромный кабинет просто для того, чтобы перекусить, я решаюсь начать:

— Скажи, а...все, что ты говорил о сердце твоей жены... моём, вернее, теперь моём, правда? — вижу, как он с силой сжимает вилку так, что та сгибается ровно пополам.

— Да, правда. — отрывисто бросает он, а затем добавляет недовольно- Давай есть.

Что же, я с первой попытки потерпела фиаско. Вот вам и Мата Хари. И я замираю с вилкой, так и не донеся ее до рта- ну вот, опять воспоминания. Похоже на медленную загрузку обновлений в телефоне- еле-еле, по несколько процентов. Вот только там- в час, а у меня? Вдруг, в год? Или вообще никогда?

Опять пытаюсь настроить себя- успокойся, успокойся. Твое волнение и нервы лишь всё испортят. Когда я рыдала от страха перед Линдой, там, уже в процедурном кабинете, умоляя спасти меня сейчас, она сказала мне одну важную вещь: "Ты в безопасности по крайней мере несколько недель, пока не надоела ему. А ещё ты должна сделать это не только ради себя, а ради всех тех несчастных, что будут после тебя".

И я согласилась.

— Скажи, — вновь это дурацкое "вводное слово", но с налаживанием мостов и маломальски нормального диалога у меня пока не очень- А куда ты хотел меня пригласить? Я бы хотела в парк? Или куда-то на природу, я так измучилась в четырех стенах.

Ну, про "четыре стены", я, конечно, загнула- на территории дома и придомовой можно разместить как раз целый парк, но я использую метод "чуток вызова+щепотка правды"- нужно заверить его в том, что я честна с ним. Раз позволяю себе такие высказывания о том, чего затрагивать раньше не решилась бы, боясь разозлить.

Святослав молча оценивающим взглядом проходится по мне, а я играю дурочку, налегая на еду, и будто не замечая этого. Наконец, он отвечает:

— Здесь есть довольно неплохой, большой парк. Если ты захочешь, мы можем там прогуляться. Но я хотел пригласить тебя на пару мероприятий.

И снова я использую свой прием:

— Ты знаешь, мне неловко там. Сперва я думала, что стану центром всеобщего внимания- все будут смотреть, осуждать, обсуждать. А потом увидела, что наоборот- никому особо и не интересна, и я не знаю, что задело меня больше- глупо улыбаясь, размахиваю перед собой вилкой.

Святослав лишь ухмыляется такой моей болтливости и непосредственности, но, кажется, заглатывает удочку:

— Поверь, там большинство — с такими же мыслями. Именно поэтому они щеголяют перед друг другом всем, чем могут, ведут себя как пафосные снобы. Они боятся не меньше твоего, что найдется кто-то, кто скажет- а что вот он здесь делает?

Так, молодец, Лера. Первый шаг сделан и, вроде, довольно успешно.

— А ты? Мне кажется, ты так не думаешь? — осторожно продолжаю я- Я видела, как ты себя ведёшь, для тебя такие мероприятия в порядке вещей, ты там- как рыба в воде, не так ли?

Глупо улыбаясь, я покачиваю вилкой, и тут же морщусь от боли- мою другую руку, что

лежит на столе, смял своей здоровой лапищей Соболев:

— Какую игру ты задумала, Талова? Что происходит, чёрт побери?! — его глаза буравят меня так обжигающе, что, кажется, прожгут дыру насквозь. Вот и " втерлась в доверие", меньше минуты...

Но то ли упрямство, то ли неясная бравада заставляют меня играть дальше. Опустив глаза, тихо бросаю:

— Та сам сказал- перемирие. Я пытаюсь его поддержать. И... мне больно- кошусь я на руку.

Он тут же убирает руку, не сводя с меня взгляда. Затем кивает, сухо бросив " извини".

Я не могу понять, поверил ли он. Да и как может быть, что жертва становится равной похитителю, втирается в доверие- эта мысль свербит на задворках сознания. Но тут же ей возражает другая моя сторона- а Роксолана? Из пленницы и жертвы стала любимой и единственной, женой и правительницей.

Истерический смешок вылетает из моих губ прежде, чем я успеваю заметить- ну надо же, может, я историей увлеклась? Иначе отчего почти все, что вспоминается, связано с нею.

— Лера, прости, я виноват, — удивляет вдруг меня Святослав, и я вспоминаю, что он все ещё наблюдает за мной- Я не должен был себя так вести, просто... — я вижу, как работают желваки на его лице, но он молчит.

— Скажи, а я правда... правда принимала наркотики? — решаюсь я задать вопрос, что скачал меня много дней.

— Да, правда, принимала- его взгляд говорит о том, что либо это правда, либо он и сам верит в этк версию.

— Тогда почему я сейчас ничего не чувствую? — продолжаю добивать его то ли фактами, то ли вопросами — ломка, желание снова принять?

Он делает неопределенный жест рукой, устало откидываясь назад на кожаном диване:

— Я не знаю. Я говорил с врачами, большинство сходятся во мнении, что все зависит от мозга. Некоторые отделы могут быть нарушены или не так функционировать... Поэтому и за память тела они не отвечают.

— Но мне ведь делали МРТ? — уже заинтересованно перебиваю я, подаваясь вперёд- мозг в норме, ты сам это слышал? Или ты допускаешь, что я не лгу и память действительно...

— Лера! — угрожающе обрывает он- Не перегибай, ешь.

Я успокаиваюсь, вспомнив, что вылетела из роли напрочь, едва не сбив его и для самой себя неожиданным напором.

— Да, прости, мне просто было интересно.

Когда нам приносят десерт, довольно необычный, горящее мороженое, я с неожиданным для себя удовольствием наблюдаю, как загораются глаза Святослава. Нарочито медленно опускаю ложку в холодное лакомство, подношу к губам- и медленно, чувственно облизываю. Потом проделываю это ещё пару раз, сама кайфуя от того, как ведёт мужчину от этого зрелища. От ощущения своей хоть крошечной, сиюминутной, но всё же власти над ним.

И вдруг меня накрывает с головой. Конечно, потом я буду твердить ошметкам гордости, что это было лишь " для дела", но сейчас я игриво прохожу рукой по его ноге, с удовлетворением отмечая, как набухает бугорок на его брюках, затем прохожу рукой по ширинке, слегка прихватив пальцами. А после — залезаю на него как те стриптизерши из

кино, надеюсь, со стороны я выгляжу также сексуально. Слегка прогнувшись в спине, я двигаю бедрами, чувствуя как он хочет меня. Я и сама влажная и готовая на все. Опустив руки на его плечи, я ещё раз прохожусь набухшими складками под тонкой тканью спортивных брюк по его члену, что тоже рвется из штанов. И тут мой запал исчезает. Что делать дальше? Такого в кино не было. Слезать и снимать с него штаны? Это будет неуклюже, смешно и не эротично. Торчать вот так дальше, возбуждённой и не знающей, что предпринять, верхом на нем? Глупо. Пока меня заливают краской стыда, я чувствую, как его сильные руки подхватывают меня, в пару движений освободив от штанов, а затем усаживают на себя. Это так развратно- в зеркалах на стенах отражаемся мы. Сверху мы полностью одеты, а снизу обнажены, наши тела сливаются. Его сильные крепкие руки сжимают мои ягодицы, ласкают. Хриплое рваное дыхание вылетает из его рта, когда он раз за разом с силой насаживает меня на себя. Уперевшись руками в его колени, я прогибаюсь назад, нарастив темп. Он откидывается назад, прикрыв глаза от наслаждения, позволяя мне делать с собой все, что захочу. И это маленькое выражение доверия подстёгивает меня так, что я взлетаю на крыльях оргазма, не сдерживая вскриков. А следом и он присоединяется, обхватив меня за талию руками.

Когда мы понемногу приходим в себя, одеваемся, то первое, что я слышу... Возвращает меня обратно. В грубую реальность, где нет места нежности, заботе, любви, романтике:

— Нужно будет заехать в аптеку, купить что-то от беременности, чтобы ты выпила. И пригласим врача, пускай поставят тебе противозачаточные.

Я киваю, с силой прикусив губу, чтобы не заплакать, чуть отвернувшись- почему это так больно? Что за бред? Будто я хочу детей от него? Просто женская гордость, да, именно гордость заставляет меня сейчас сидеть с каменным выражением лица, ожидая, когда соберётся он.

Святослав:

Я сам как долбаный наркоман- не могу ею насытиться. Когда она села на меня сверху, я едва не кончил. А потом... Страшно признаваться в этом самому себе- я получал от процесса меньший кайф, чем от того, как она им наслаждалась. Как откидывалась назад, как неумело ласкала себя, как что-то шептала с придыханием. Это был чистый андреналин, удовольствие, на которое я подсел.

Конечно, я понимал, что она снова что-то " замутила"- ластится как кошка, использует излюбленный женский метод для усиления мужской сговорчивости, секс. Но разве это не то, что нужно сейчас нам обоим? Когда мы рядом, кажется, даже воздух становится наэлектризованным- такие искры проскакивают. Раньше я думал, что это- злость, обида, разочарование. А сейчас? Да хер его знает, я ведь не грёбанный психолог. Я знаю одно- хочу ее рядом с собой. И не только в постели. А дальше? После гибели Алёны я перестал загадывать на это самое " дальше". Жизнь- штука несправедливая, непредсказуемая. Вот сегодня с утра ты радуешься повышению и празднуешь переезд, а вечером узнаешь, что все акции твоей компании сгорели, и ты в барахтаешься в долгах как в выгребной яме. Или же в обед ты заскакиваешь в ювелирный- купить своей второй половинке кольцо с тем самым камнем и тем самым значением, а вечером, придя раньше с работы, чтобы устроить сюрприз, застаешь ее с соседом в кровати.

— Пожалуйста, мы могли бы прогуляться? Всего немного? — врывается в мои мысли голос Таловой. Она смотрит на меня с такой обескураживающей честностью, что я буду последним судаком, если откажу. Она действительно этого хочет.

— Хорошо- киваю я- Но смотри, одна глупая выходка- и ты проведешь остальное время в подвале

Зря я это ляпнул- видя, как страх заполняет ее глаза, гася собой радость от моего согласия, хочется взять и дать в морду самому себе. Я ведь не урод совсем моральный, не стоит упиваться властью, если она есть.

Я отдаю приказ водителю, а Лера отворачивается, глядя в окно почти всю дорогу.

Когда мы выходим, я вижу, как она меняется в лице:

— Где мы? — взгляд ее цепляется за многоэтажки, машины, людей, спешащих по делам или на ланч.

Я провожу ее к большим кованым воротам, краем глаза показывая охране, чтобы следовали от нас немного на расстоянии:

— Центральный парк. Нью-Йорк.

— Мы в США? Но как же... а виза? У меня же нет- растерянно озираясь, приоткрывает рот маленькая обманщица, совершенно забывая свою версию о потере памяти. Про отсутствие визы вдруг вспомнила, ну надо же.

— Теперь есть, — коротко бросаю ей, обнимая за талию и чуть подталкивая вперед. Попутно напоминаю себе о том, что решил. Нужно расценивать её ложь как попытку защититься, не более. Пока что.

— Ого, сколько народа, — замирает она, глядя по сторонам. Мимо нас по специальным дорожкам проносятся велосипедисты, а неподалеку ожидают своего времени роллеры*. Гуляют пары с детьми, на которых я смотрю с почти осязаемой болью, что никогда не

отпустит — возможно, и я сейчас мог бы нести на руках своего ребенка, уставший, но счастливый. Спорить с Алёной по каждому поводу днём- и также бурно мириться ночами. Раздражаться из-за её упрёков в отсутствии внимания — и с волнением выбирать ей подарок, просто, чтобы порадовать. Ведь я и так старался дать ей всё.

Заметив мое состояние, Лера начинает нервничать:

— Что-то не так? — замерев на месте спрашивает она, глядя на то, как охранники словно две статуи замирают рядом.

— Нет, все хорошо. Давай я покажу тебе местные достопримечательности.

И следующие пару часов проходят на удивление неплохо. Мы неспешно прогуливаемся по центральной аллее, под сводом из деревьев, чьи кроны сплелись прямо над нашими головами. Точно огромная живая артерия аллея наполнена людьми, что также как и мы гуляют вдоль неё. Аллея приводит нас к Bethesda Terrace — здесь у фонтана резвятся дети под периодические окрики матерей. Неподалеку уличные музыканты что-то негромко наигрывает, а ещё чуть дальше фокусник умело вытаскивает из-за ушей разомлевшей от жары детворы монеты или сладости.

На Большой лужайке, мимо которой мы следуем дальше, лениво загорают парочки, коричневые от постоянного пребывания на солнце спортсмены шумно играют в волейбол или баскетбол на отведённых под это площадках. Стайка детей, переругиваясь и визжа от восторга, запускает воздушного змея, что постоянно отлетает к ближайшим деревьям, цепляясь за их кроны. Глаза Леры важно поблескивают, когда она видит, как трогательно милая старушка в жёлтом пуловере и темных брюках ухаживает за своим не менее старым спутником, на импровизированном пикнике. Да, женщины ценят это "долго и счастливо". Вот только есть оно буквально у единиц. Но, видя, какой детский восторг на её лице при виде нежности и заботы друг о друге этой пары, я не решаюсь влезть со своим цинизмом. Может, Лера и пытается хитрить и изворачиваться, но иногда в ее натуре проскальзывает нечто совершенно детское.

У большого каменного замка девятнадцатого века под слегка парижским названием, Бельведер, мы останавливаемся. Я даю Таловой вдоволь налюбоваться и навосхищаться им. В большом пруду, говорят, водятся черепахи. И я с усмешкой замечаю, как даже две моих гориллы, что неотступно следуют за нами, вытягивают головы точно те самые черепахи, в попытках рассмотреть в воде хоть малейший признак их присутствия.

Дальше мы следуем по садам Шекспира, здесь Лера вертит головой точно флюгер в ветреную погоду, любуясь цветами. А мне отчего-то вспомнилась оранжерея. Очень некстати вспомнилась, я надеюсь, что никто из мамочек рядом не сообщит офицеру по поводу маньяка, что таскается по парку со стояком.

Мы проходим вдоль театра Делакорт, где сегодня нет постановок. Но обычно здесь проходят целые фестивали с участием всемирно известных актеров, певцов, режиссеров.

У водохранилища имени Жаклин Кеннеди Онассис я чувствую себя как ее престарелый второй муж — измотанным и уставшим. А вот Лере хоть бы что- глаза блестят, что-то восторженно у меня выпытывает о парке, я даже что-то умудряюсь отвечать. А самому хочется просто завалиться на травку и лежать в позе камня. Не двигаясь. Ещё один контраст между нами- Лера ещё молода, а я старше ее на добрых тринадцать лет.

Лера с детским восторгом в глазах хлопает в ладоши, когда я предлагаю прокатиться на одной из длинных лодок, что стоят у причала. Опасливо косясь на воду, она забирается внутрь, усаживаясь на сиденье. И даже мое присутствие не может испортить ей того

удовольствия, которое она испытывает от ситуации.

"Как же легко сделать ей приятное"- мелькает мысль, я люблю её непосредственностью, а она, чуть наклонившись, пропускает между своих тонких пальцев воду.

Я бы уже отправился обратно, естественно, не пешком- благо, здесь можно взять напрокат разные средства передвижения, начиная от электросамокатов (тут я еле сдерживаю смех, представляя, какими будут суровые морды лица охранников, несущихся на таком девайсе) и заканчивая настоящей каретой с лошадьми. Но Лера умоляла зайти в зоопарк. Точно ребенок, епт! На мгновение мелькнула мысль, что я провидение просьбами прогневал — просил ребенка? Получай. Заноза в заднице, ребенок и сексуальная стерва с хитрым умом интриганки в одном флаконе. Получи, Соболев, распишись.

В зоопарке Лера светилась от счастья. То, с каким светящимся от эмоций лицом оборачивалась ко мне, ища то одобрения, то — подтверждения того, что я видел, как долбаный зайчик съел морковку прямо из ее рук, заставляло то усомниться в данной ею мною ранее характеристике (нет, она- великая актриса), то против воли улыбаться, наблюдая, как хитрые обезьяны внаглую воруют у нее целый стакан еды, пока одна из них, самая маленькая, отвлекает Талову, разрешая погладить себя по животу. Как только подельники выхватывают стакан с кормом, то подают сигнал и малышке. Та тут же оскаливает зубы, отодвигая свое тельце с редкими волосенками на молочно- белом пузике, и отпрыгивает от Таловой совсем в другую сторону. Мне даже жалко её становится- такая она растерянная стоит, переводя взгляд с пустых рук на наглых обезьян, что вовсю заняты дележкой добычи.

На обратном пути мы заходим в небольшой ресторан — отдохнуть и выпить чего — то холодного. Я отпускаю охрану- до выхода осталось всего ничего, пусть подождут в машине.

*В Централ парке по специальным дорожкам можно поочередно, по времени, кататься лишь на одном виде спорт инвентаря. Роллеры ждут, пока у велосипедистов закончится время- и наоборот.

Валерия:

Я неспешно наслаждаюсь холодным коктейлем с дольками апельсина и листочками мяты, пока Святослав с кем-то говорит по телефону. Я и не знала, что его английский так хорош.

Кроме нас в зале еще несколько человек, притом, все — простые американцы. Семья с двумя шустрými детьми, что так и норовят что-то свернуть, уронить, разобрать, молодая пара в уголке у окна, не замечающая никого, кроме себя, и серьезного вида мужчина, что-то печатающий в ноутбуке. Даже непривычно, неужели Святослав не будет устраивать " нам все по VIP уровню" или нечто подобное? Искоса бросаю взгляд на него- расслабленный, даже немного, как мне кажется, довольный. Нет, в снобизме я обвиняю его зря, он весьма непринхотлив во многом. Впрочем, в списке его грехов снобизм занимает пару процентов, а остальное- и подумать страшно. Чуть осмелев от уже третьего коктейля, открыто изучаю его. Неужто действительно в такой красивой оболочке скрывается вселенское зло. Мне вдруг становится легко и смешно, словно бы это и не моя жизнь сейчас в опасности. А он, поворачиваясь ко мне, недоуменно вскидывает бровь, а затем...затем едва заметно улыбается, отчего у меня внутри разливается такое тепло, что хочется петь, плясать, обнимать всех присутствующих. А ещё, немного, в туалет- выпитые коктейли дают о себе знать.

Действуя уже смелее, подзываю молоденькую официантку — и на ломанном английском вкупе с жестами пытаюсь объяснить ей " мне нужно в дамскую комнату". Она расплывается в улыбке, показывая рукой вбок, на проход, которого я и не заметила раньше. Я перевожу взгляд на Святослава- ну, сопроводишь меня и будешь как Цербер стоять у двери, будто спрашиваю этим взглядом. Он лишь кивает, показывая пальцем на часы, а потом поднимает кверху два пальца. Ооо, да он- тоже любитель игры в жесты? У меня есть целых две минуты?

Мне так хорошо, что по пути я, пошатываясь, забредаю куда-то не туда- мимо меня снуют работники ресторана с коробками и большими квадратными ящиками с фруктами или овощами в руках. Пара из них, нахмурившись, косится на меня, но не останавливается. Один лишь что-то говорит другому- и парни скрываются за большой железной дверью.

А я шагаю дальше, как замороженная солнечным светом, что исходит из открытой двери заднего входа.

И тут меня словно под дых бьёт осознание — это свобода! Америка, блин, свободная страна! Я и это помню? Но времени на раздумья нет- я буквально по стеночке просачиваюсь между сотрудниками, выбегаю на лужайку позади ресторана, быстрым шагом оббегаю его вокруг, нервно глядя по сторонам — каждую секунду мне кажется, что за мной уже бежит Святослав, или его верные цепные псы материализуются откуда-то сбоку, повалив меня на траву. В ушах стучит так, что я не слышу шума вокруг, сердце колотится как сумасшедшее. Боже, неужели я свободна?! Я понимаю, что, скорее всего, меня настигнут через некоторое время. Что в парке я никуда не денусь, как на ладони, как в западне. А самой найти выход из парка нереально. Но я должна была попытаться. Прости, Линда. Простите все, чьи смерти на его совести. Я тешу себя лишь тем, что обращусь в полицию при любом удобном случае. Не сейчас, конечно. Мне нужно все им рассказать, объяснить. Раз его так проверяют, может, у

них что-то есть, и мне поверят?

Я на секунду останавливаюсь оглядеться- где я? И тут меня отбрасывает на асфальт с огромной силой. И я вижу занесенное надо мной копыто с ослепительно блестящей на солнце подковой. Инстинктивно отпрянув назад, я прикрываю лицо рукой, но удара не следует. Полноватый седоволосый мужчина в костюме средних веков, камзоле и смешных коротких штанишках-шароварах с белыми чулками и массивными туфлями с железными набойками спрыгивает с сиденья, бросаясь ко мне:

— Miss, are you okay? Miss? — он испуганно наклоняется ко мне, осматривая на предмет повреждений. Другой рукой пытается удержать лошадь, чтобы та не задела уже собирающихся зевак. "Боже, это фиаско. Вот и конец, отбегалась!" — я тихо стону от обиды, сейчас Святослав найдет меня. Но мужчина, принимая это за стон боли, хмурит брови и что-то ещё спрашивает, спрашивает.

И тут меня осеняет:

— i need help! Please! I need help! — вспоминаю я фразу из фильмов и для убедительности, поднимаясь, ещё раз ему это говорю. Вижу, как зевачи уже расходятся, расстроенные, что шоу не будет — никого не убили, не зашибли. Кто-то даже уныло прячет в карман смартфон, что, видимо, держал включенным в ожидании "горяченького". Что ни говори, а люди везде- люди.

А я снова использую жесты, пару слов о полиции и помощи, делаю страдальческий вид (вкупе с тем, что мне действительно ещё немного больно, как никак, а этот недосредневековый "водитель кареты" меня сбил) — и вот я уже еду в большой карете к выходу, пригнувшись, и боясь даже выглянуть в окно меж шторками. Самой не верится- неужто, удалось? Мне и страшно- кажется, сейчас карета остановится, дверца откроется- и в проеме покажется суровое лицо Соболева, и почти эйфория захлестывает — мне удалось, удалось! Даже если я доеду до входа, и там меня поймают- это уже успех. Я попыталась.

Когда мужчина высаживает меня у главного входа, задумчиво глядя мне вслед, я сперва быстрым шагом, а затем бегом направляюсь как можно дальше отсюда. Куда? Неважно, это сейчас второстепенно. Я чувствую, что мне просто физически необходимо быть как можно дальше от него. Только в этом- мое спасение.

Святослав:

Я почувствовал, что она сбежала. Можно говорить что угодно — такого не бывает, это бред, я себя накрутил, да просто прошло больше времени- вот я и понял. Нет! Такое ощущение одиночества, тоскливого одиночества охватило, когда я понял- она не вернётся. Наверно, упростила кого-то из персонала. Вот тебе и мое решение побыть хотя бы немного как все- и чем всё обернулось!?

Мы с охраной прочесали все вдоль и поперек, я связался с Соколовым, а тот напрямг все связи не только свои (тут у него их было мало, но и влиятельного нанимателя приплел. Тот, надо сказать, весьма серьезно отнёсся к тому, что моя больная умом жена сбежала. Сказал, что понимает — у самого дочь не раз подобное совершала, да и если бы можно было плохо говорить о тех, кто нас покинул — он мог бы много интересного рассказать о ее матери). Благодаря этому так и оставшемуся для меня неизвестным мужчине мы получили доступ к камерам в парке уже через сорок минут. Но это действительно было как искать иголку в стоге сена. А у ресторана камер было мало и все, как назло, почти не показывали задний двор. Сотрудники охраны парка даже намекнули, что ресторан сам выбрал такое расположение — к успешным объектам бизнеса здесь лояльны, слушают и учитывают их пожелания. Они там что, дурь и оружие толкают, что камеры убрали из зоны разгрузки?

Взбешённый, я вышел на улицу, усевшись в машину. Водитель нервничая, уточнил, куда ехать?

Куда? Мать его, я откуда знаю?! Эта дурочка может быть где угодно. И случиться с ней может что угодно.

— Давай проедемся по близлежащим улицам? — уже произнося вслух, я сообразил, как бессмысленна и бесполезна эта затея, но, все же, лучше чем ничего. Охрану уже вызвал сюда, всю. Парни будут искать её день и ночь.

Homeless

Валерия:

Мои ноги уже отказываются слушаться, ступни просто горят от беготни, а сердце стучит где-то в горле. Нестерпимо хочется пить, но денег нет ни цента. Оглядывая бездомных, которых тут оказалось немало количество, я даже позволяю себе грешную мысль- а не присоединиться ли? Сесть рядом с корявой табличкой, где написано все то же " I need help"? Технически, я ведь теперь тоже- одна из них. Впрочем, и раньше у меня не было дома-тюрьма. Чужой дом, что превращен для меня в личную тюрьму.

Но от этой мысли я лишь отмахиваюсь — и нечем написать, и не на чем, и не смогу физически, не зная языка, а если обратиться к новоиспеченным коллегам- ещё чего доброго побьют, и будут правы.

Уставшая, измученная, я тяжело опускаюсь на асфальт позади мусорных баков в одном из переулков, переводя дыхание. Так, и что же мне делать дальше? Сейчас, когда первый прилив эйфории спал, стало немного страшно- куда идти? Что делать? Одна, в чужой стране, без копейки или цента денег. Без знания языка.

Идти в какое-то подобие ночлежки? Там, думается, ещё опасней, чем на улицах. В полицию? Да, мысль хорошая, но нужно собраться с силами, решить, что говорить. Просить защиты? А мне ее предоставят? По сути, что я знаю? Какими доказательствами располагаю?

Наступает ночь. Ещё немного я слоняюсь по уже почти безлюдным улицам, шарахаясь то от гудков автомобилей, что проезжают мимо, то- от громких криков из-за разборок местных бездомных. Преодолев стыд и брезгливость, в одном кафе быстрого питания я краду со столика большой бумажный стакан с остатками колы внутри, допив их словно манну небесную.

На улице стало холоднее, я зябко кутаюсь в кофту, но согреться не могу. Хочется есть, спать, хотелось в тепло. Слезы стыда и жалости к себе текут по щекам- а каково бездомным переносить это изо дня в день? Когда нам хорошо, мы жалеем лишь себя, по мелочам, даже и не думая об остальных, каково им. Теперь я понимаю, какими подчас надуманными бывают проблемы, когда есть, что есть, где провести ночь.

Мне сигналит мимо проезжающая машина. Остановившись, водитель приспускает окно, окидывая меня мерзким сальным взглядом. И что-то быстро начинает говорить. После, увидев, что я его не понимаю, ещё больше загорается интересом. Вытащив откуда-то сбоку деньги, он начинает помахивать ими в воздухе, кивая на место рядом с собой. И тут до меня, уже измученной и поэтому долго соображающей, доходит, за кого меня приняли. От испуга, смешанного с возмущением, я даже слова сказать не могу (нет, конечно, здесь и отсутствие знания языка первостепенно) — лишь разворачиваюсь, и бегу вперед, петляя на маленьких улицах, а вслед мне несутся его крики.

Найдя более-менее тихую улочку, где изредка слышался лишь звон посуды или звуки телевизора из окон на верхних этажах, я забиваюсь в самый дальний, самый темный угол. Прислонившись к стене, я пытаюсь отдышаться и расслабиться. Тут же вспоминаю, что сердце может не выдержать такой нагрузки, мне нельзя нервничать. И горький смешок срывается с губ — да у меня теперь вся жизнь похожа на безумный полудетектив-полуфильм ужасов. Попробуй тут не волноваться.

Желудок бунтует, скручиваясь в голодных спазмах, тело ноет, требуя удобной мягкой поверхности, а не холодного асфальта и каменной стены. Глаза слипаются, но уснуть попросту страшно. Я вообще очень боюсь Нью — Йорка. Нет, не того яркого, насыщенного неоновыми вывесками, желтыми такси и морем людей, спешащим по своим делам. Того, что предстает передо мной ночью — грязь, мусор на улицах, множество людей в совершенно невменяемом состоянии, бездомных, что катят тележки с нехитрым скарбом или роются в больших мусорных баках, громко переругиваясь. Страх, что они сейчас выберут объектом для исследования баки в начале переулка, в котором сижу я, не отпускает до самого утра. Я то и дело то погружаюсь в короткий тяжёлый сон, то просыпаюсь в ужасе, стараясь понять, откуда доносятся голоса. Вдруг кто-то уже рядом со мной.

Наутро, едва рассвело, я просыпаюсь от невероятного, насыщенного аромата кофе. Все бы отдала хоть за один глоток — скорее всего, это кафе и другие заведения открываются, начиная готовить для ранних гостей этот поистине божественный напиток.

Сглотнув сухую слюну, встаю на ноги. Нужно идти. Куда? Может, в какой-то фонд обратиться? Жертвам насилия или тем, кто хочет спрятаться от него. Конечно, вероятность, что мне помогут, весьма маленькая — не местная, без дополнительного повода для сочувствия и помощи (маленького ребенка, например или тяжёлых увечий), с весьма сомнительной историей, вызывающей кучу вопросов. А в полицию обращаться за ночь я передумала — вдруг по всем отделениям я уже прохожу в сводках как буйнопомешанная жена русского богатея? Невольно смешок вырывается из моей груди — когда мы смотрим фильмы или читаем книги, то не верим, с какой лёгкостью при желании можно разрушить жизнь человека. Думаем: "Да почему вот тут героиня не обратилась в полицию? Да что за бред — я бы на месте героя уже бежал в посольство", не разделяя и сотой доли вероятности правдоподобности таких историй. А теперь я вижу это сама, ощущаю. Действительно, обложили со всех сторон. На работу меня никто не возьмёт — я без единого документа, не пойми кто, не пойми, чего умею. Если я сама не помню о себе практически ничего. Отсутствие знания языка ещё как дополнительный барьер.

Почти добрую половину дня я скитаюсь по городу. Серая, незаметная тень в суете людей и автомобилей, мелькавших мимо. Первое время, едва завидев машину полиции, я тут же бросалась в какой-нибудь спасительный переулок. Но потом, увидев, что они, мазнув по мне весьма равнодушными взглядами, отворачиваются, почти перестала пугаться, прогуливаясь едва ли не рядом с ними. В паре кафе, вызвав неприязненные взгляды официантов, я, осмелев, собираю со столов недоенную еду. В одном из кафе пришлось бросить все, едва увидела, что ко мне направляется грозного вида охранник. А за его широкой спиной маячит невольное лицо официанта, позвавшего его.

Спустя несколько дней я становлюсь настоящей бездомной. Я уже в курсе, что нахожусь на острове Манхэттен. Знаю, куда можно приходиться, чтобы тебя накормили горячей едой. Стою с остальными бездомными в длинной очереди и ожидаю, пока приедет заветный фургончик с питанием и медикаментами. Два раза я уже получала вещи от волонтеров, что объезжали районы, помогая бродягам. К моему удивлению, вещи в большинстве оказались новыми, с бирками. Но на все расспросы или явное желание помочь, я разворачиваюсь и ухожу. Мне страшно. Страшно, что меня найдут. И мой личный кошмар продолжится, окончившись смертью.

Я знаю, что мне нужно что-то делать, понимаю, что каждый день, проводимый мной

вот так, на улице, толкает меня вниз. Заставляет опускаться ниже, и ниже... Но словно какой-то внутренний стопор не позволяет мне сделать хоть что-нибудь, чтобы закончить это унылое существование. Здесь, хоть и ужасно, но известно, что будет дальше. Каждый день-бесцельно слоняться по городу, выискивать пищу и присматривать новое место для ночлега, особенно отмечая, не занято ли оно уже кем-либо из других бездомных. Я даже смогла подружиться (если просто жесты, кивки и улыбки при встрече можно назвать дружбой) с другой бездомной, женщиной лет сорока. Сарой. Она пару раз занимала для меня место в очереди за едой, во все горло крича 'come here! Come here, girl!', едва завидев меня, плетущуюся к фургончику в конце очереди. Мы не спрашивали ничего друг у друга не только в силу отсутствия понимания — здесь это было не принято, скорее всего. Да и истории как тот или иной человек оказался на улице, хоть и были разными, но неизменно печальными. Вряд ли кому-то захочется вспоминать их вновь, мучая себя.

Получив от волонтеров самое ценное, что может быть, темный маркер, я нахожу пару картонок подходящего размера, переписываю у одного из бродяг содержимое его картонки, и в первый же день неплохо зарабатываю. Притом, большинство людей усмеваются, читая написанное. Скорее всего, я ошиблась в роде, написав от имени мужчины, или же он сам написал нечто смешное, а я скопировала. Так или иначе, но иногда выходя на улицу, где не было других попрошаек, на каких-то полчаса, я получала приличные суммы. Смешно, но оказалось, что их не хватает даже на день аренды жилья, отеля. Правда, местные дешевые отели (вернее, их сотрудники) охотно пускали на пару часов помыться и переодеться, оценивая благонадёжность бездомного на вид. Не напьется ли, не уснет пьяным или не разнесет номер. Благо, нас с Сарой пускали без вопросов. Один служащий даже сально предложил мне нечто большее в обмен на комнату, задержав взгляд на моем заду, но Сара что-то быстро сказала ему, и парень едва ли не брезгливо отстранился.

Однажды, увидев, как я задумчиво кручу в руках упаковку краски, купленную в ближайшем супермаркете, Сара кивает с пониманием. В этот день она отводит меня "в гости"- я была удивлена, если не сказать, шокирована, увидев, что мы приходим на заброшенную линию метро. Там живет целая семья! Отец, мать и совсем ещё младенец. Малыш, лёжа, как ни странно, в весьма чистых свежих пеленках, посапывает. Он словно яркое пятно света, чистоты режешь глаз в полутьме подземелья, среди гор старого белья и хлама. Смешно, но мы приходим не с пустыми руками- до этого отстояв очередь у одной из благотворительных организаций, мы принесли продукты и немного теплых вещей. Ночами бывает довольно-таки холодно.

Сара, видя мое шокированное лицо, жестами объясняет мне, что правительство (жест "наверх" и жест "потереть два пальца, будто деньги считаешь") даст им деньги (Сара обводит рукой семью, а затем делает тот же жест про деньги), чтобы они смогли арендовать (тут сомнений не было, не купить ведь) жилье (она рисует в воздухе дом с треугольной крышей, словно на детском рисунке). Я киваю, расплакавшись от облегчения. Так жалко маленького бездомного. А когда его мама, куда-то собравшись отойти с Сарой, почти пихает мне маленькой сопящий свёрток на руки, жестами показывая, что отойдет на пару минут, я замираю в нерешительности. Меня переполняет страх, что сейчас они уйдут навсегда, не вернуться- не знаю, откуда такая глупость только взбрела мне в голову. Несмотря на то, что Кристин (так звали женщину) с мужем были бездомными, но они не производят впечатления совсем опустившихся людей. Опять же, стоит отметить, среди скудного угощения, которым нас потчуют, нет ни капли алкоголя. Оба они также трезвы, а детские вещи Кристин

хранятся в паре небольших аккуратных коробочек, стоящих на самом верху старого шкафа, что откуда-то принес ее муж. Верно, чтобы крысы не добрались. Впрочем, даже думать, что малыш спит там, где снуют эти хвостатые, страшно.

Вскоре Сара и Кристин возвращаются с принадлежностями для стрижки. Кристин оказалась парикмахером, и весьма неплохим парикмахером- обратно я выхожу блондинкой с короткой стрижкой. Все деньги, что у меня были в этот день, я оставила Кристин — за работу и израсходованную на меня такую драгоценную воду.

Этой ночью я сплю в ближайшем парке, там по ночам нет охраны, и почти безопасно, ведь ворота закрываются на ночь. А я ещё днём приглядела местечко, где можно было, придя поздно, спрятаться, оставшись незамеченной, до и после того, как охрана начнет ежевечерний обход перед закрытием. И камер здесь нет, ну, или охрана не особо по ночам смотрит на мониторы, доверяя обходу или попросту делает то же самое, что и я, спит.

Съездившись на скамейке, я обнимаю колени руками, подтянув их к животу. А под голову кладу свёрнутую втрое толстовку. Благо, на мне теплый свитер ручной работы, пожертвованный чьей — то доброй и весьма талантливой рукой.

"Итак, что мы имеем?" — думаю я, подытоживая дни новой жизни, жизни, которую я, хоть и помнила, но предпочла бы забыть. Вероятно, Святослав ищет меня. Как ни странно, но мысль о том, что не ищет и давно живёт своей жизнью, пока я играюсь в Борна* неприятно задела самооценку.

Конечно, мне нужно прекращать это. Рано или поздно со мной случится что-то нехорошее. Улица- не только такие наивные добряки как Сара. Улица это и отпетые преступники, и наркоманы, и всякого рода моральные уроды.

Кажется, оставаясь здесь, я всё больше подкидываю дров в костер страха перед какими-то решительными действиями. Иногда меня пугает мысль- а что если бездомные вот так вот и скатывались по наклонной? Боясь перемен? Боясь важных шагов в жизни? Обещая, что сегодня не сделали, но вот завтра — точно. А потом ежедневно перенося это завтра до тех пор, пока твой окоченевший труп не найдут где-то под мостом

*Джейсон Борн — герой фильма, шпион. Скрывался от правительства, меняя обличие, место проживания, легенду ь

Святослав:

Я сам не свой все эти долбаные три с половиной недели. Напряг свои связи, копов, Соболь помогает мне, искренне озаботившись совсем не своей проблемой. Но Талова будто сквозь землю провалилась. Она не обращалась ни в полицию, ни в посольство, ни в церкви, ни фонды на худой конец. Иногда липкие щупальца страха не дают уснуть, поднимаясь вверх по позвоночнику, заставляя едва ли не выть от ощущения собственного бессилия. Что, если Таловой уже нет на этом свете? Сбежала, воспользовалась той единственной валютой, что у нее осталась, которой привыкла пользоваться. Получила наркоту, и, "на радостях", употребила столько, что сердце не выдержало. Сердце Алёны.

Чёрт! Она ведь ещё который день без таблеток — вряд ли она даже знает названия препаратов, что принимала. Да и где ей их найти?

С силой хлопая дверцей шкафа, выхожу из комнаты, направляясь вниз, к машине. Я сам езжу по улицам каждый день и ночь, выискивая ее. Охрана тоже делает это, но мне нужно осознавать, что что-то хоть отдаленно в моих руках, иначе я свихнусь.

Hookers* лениво бродят по улицам у баров и кафе, поджидая клиентов, бездомные тарахтят тележками или что-то жгут в больших железных бочках, расположившись полукругом у них. Но Леры нигде нет.

Я ненавижу себя за то, что творил. Наверно, если бы я мог повернуть время вспять, я бы не вел себя так? Как больной бесчеловечный ублюдок! И в то же время не отпускает мысль — а что, если бы я не был так добр к ней в тот день в парке? Зачем мне понадобилась ее открытость, радость?! Зачем я хотел почувствовать хоть на миг ничем не замутненные эмоции — ни страхом, ни желанием мне угодить, опять же, продиктованным страхом?

Этого я уже не узнаю.

Проезжая вдоль ворот одного из парков, краем глаза цепляю до боли знакомую фигуру. Неужели?! Талова?! Резко останавливаюсь, вглядываясь. Нет, это кто-то другой. Короткие светлые волосы, торчащие клочками вверх. Наверно, бездомная, что пробралась в парк для ночлега.

Я совсем обезумел, если Талова мерещится мне едва ли не в каждой встречной.

Завожу машину и вновь трогаюсь кружить по улицам.

И эта ночь проходит бесследно с тем же печальным результатом — Таловой нет. Нигде. Будто в воздухе растворилась. Устало выхожу из машины, присаживаясь на капот, щелкаю зажигалкой. Вот и курить снова начал.

Затягиваясь, выпускаю струйку терпкого дыма. Неприятно осознавать собственное бессилие, но так и есть. Впрочем, усмехаюсь я, деньги решают все.

Валерия:

— Да ладно, ты с России? — полноватая низкая девушка, Энн, или просто Аня, набирает в шприц лекарство, постукивая по нему указательным пальцем. Затем, отворачиваясь, вводит препарат старичку, что сидит перед ней на стуле.

— Да, оттуда, — смущаясь, говорю я, стараюсь поскорей выскользнуть из небольшого микроавтобуса волонтерской службы. Но Энн меня останавливает:

— Пожалуйста, не уходи. Я сейчас ещё несколько человек приму- и подойду к тебе. Я хотела бы поговорить.

Я киваю, уже зная, что сбегу сразу же, едва моя нога ступит на горячий от солнца асфальт. Сбегу, а потом буду длинными холодными ночами отчитывать себя за трусость, за то, что не рискнула довериться.

Сейчас я уже согласилась бы и на предложение Линды, и на что угодно. Сейчас, когда за одну прошлую ночь меня дважды пытались изнасиловать. Первый раз я едва отбилась от компании пьяных бездомных, что бежала за мной почти пару кварталов, что-то выкрикивая вслед. А второй раз, уже на рассвете, я проснулась от неприятных ощущений и с ужасом обнаружила, как мою грудь лапает волосатая мужская рука. Заорав так, что в окнах стал зажигаться свет, люди стали выглядывать на улицу, а толстый почти беззубый мужчина, нависавший надо мной, отпрянул, ударившись затылком о стену, я побежала так, как не бегала никогда с тех пор, как сбежала от Святослава.

Я понимаю, что добром мое существование на улице не кончится.

— Эй, Мадама, я не дам тебе уйти! — насмешливый и до неприятия бодрый голос Анны останавливает меня, когда я с парой пакетов одежды, себе и Саре, бреду к мосту, где та сейчас обитает.

Испуганно вздрогнув, я обвожу глазами территорию вокруг в поисках ее микроавтобуса. И припускаю дальше, едва не уронив бумажные пакеты. Анна смеётся:

— Я сегодня не на смене. И приехала за тобой. — своей большой рукой она обхватывает мою руку, заставляя остановиться- Извини, но я вижу, что тебе нужна помощь. Больше, чем другим.

Я нервно сглатываю- она права. Чертовски права. Но я не могу произнести ни слова, чувствуя только как отчаянно стучит сердце.

— Значит так, — берет она ситуацию в свои руки- Сейчас мы пойдем с тобой, выпьем кофе и поговорим. Верно? А там и посмотрим.

И уверенно ведёт меня за собой, к первой ближайшей кафешке.

— Кстати, неплохо вышло- кивает она на мои волосы.

— Спасибо- почти шепчу я, пытаюсь справиться с волнением. Мне кажется, сейчас моя жизнь изменится. Я чувствую это.

— Не может быть... — неверяще прицокивает языком Аня, сканируя меня как рентген. Мы уже поели, причём, я ела так, что даже выдавшая виды Аня с сочувствием смотрела, как жадно я поглощаю яйца, бекон и свежую булочку. Ещё бы, в последнее время я боялась куда-то выбраться, едва наступал вечер. Получается, я питалась лишь пару раз в неделю у

волонтеров, да изредка покупала по утрам дешёвые завтраки или хот-доги в маленьких уличных палатках. Ещё один раз, когда я просила милостыню, меня едва не забрали в полицию- видимо, я зря решила, что здесь можно делать это где угодно, исходя из десятков тех попрошаек, что встречались мне на пути.

— Это правда- тихо киваю я, неспешно наслаждаясь вкусным ароматным кофе с молоком. Мне думается, если я стану жить нормально, найду работу, и, о, Боже, жилье, то каждое утро буду покупать себе целый стакан этого чудесного напитка! Целый большой стакан.

— Но, получается, если то, что ты говоришь, верно, то часть его денег, ну, что он в браке заработал, по крайней мере, твоя? — подслеповато щурится она, вглядываясь в моё лицо.

— Наверно- равнодушно произношу я- Но это — в России. Здесь же... — я разводу руками, и Анна кивает.

— Да, здесь будет и сложно найти его активы, если они вообще имеются. И сколько вы в браке? Несколько месяцев?

— Примерно так. — подтверждаю я, смакуя остатки кофе.

Я не называла Анне имени и фамилии моего мучителя, не желая втягивать и ее в происходящее. Да и из своего назвала лишь имя, Валерия. Не смогла соврать этой милой доброй девушке, что искренне сочувствовала мне. Но и рассказывать правду полностью было попросту опасно.

— Знаешь, я ведь приглядывалась к тебе. Ну, всё это время. — неожиданно начинает она- Ты не употребляешь, верно? — удовлетворившись моим отрицательным кивком, она продолжает- Не занимаешься всякими...кхмм... непристойностями- она немного краснеет, будто школьница, пытаюсь сгладить слова глуповатой шуткой — А то сейчас бы и дом, и машина, и драгоценности у тебя были бы... Извини, я...Так- она бьёт себя по коленям ладонями- Я всегда веду себя глупо, когда нервничаю. Извини.

Я улыбаюсь в ответ, сглаживая ситуацию:

— Нет, не переживай. Я не употребляю- в это момент я знаю, что не лгу. Если бы я употребляла наркотики как пытался меня убедить Соболев, то вряд ли даже отсутствие памяти побороло бы ломку и желание принять ещё. Он лжет. Как и во многом другом. Иногда мне думаются совершенно безумные варианты- а вдруг я — богатая наследница. Он специально женился на мне, чтобы получить мои миллионы. А я тут память потеряла, не могу подписать ничего, не вызывая подозрений. И слухи просочились. Он ведь сам потащил меня на тот вечер. Но здравый смысл тут же обрывает такие мысли- ну-ну, не миллионерша-миллиардерша, может? Как же- меня тогда бы искали, нашли и спасли. А не вот это вот всё.

— Хорошо. Я тут подумала, мы, русские, должны помогать друг другу- Аня машет рукой, чтобы я и не смела возражать- Ну вот, смотри. Поехали ко мне, поживешь у меня немного. Я в фонд обращусь, с документами временными помогут и работой.

Я хочу и обнять ее, расцеловать за то, что поверила в меня, дала шанс. Я ещё помню те презительные взгляды, которыми одаривали меня люди в первое время, когда я ещё не освоилась, ходила грязная, голодная, измученная от недосыпа вызванного страхом, что если я усну, на меня обязательно кто-то нападет. Будто для людей даже находиться рядом со мной было весьма мучительно. Будто я могла в любую секунду обворовать или начать клянчить денег. Но только я открываю рот, чтобы произнести хоть слово, как со мной случается почти истерика. Такая, что люди вокруг начинают коситься, а в глазах Ани я вижу сострадание.

— Прааастии, п-п-п-пжалста, п-прпасти- реву я, выплакивая все, что со мной происходило и происходит. Трудности не заставляли меня рыдать так, как это проявление человечности- Прастии, я простаааа...Столькоооо всего....я усталааа- пытаюсь я объяснить Ане, пока та, пересев ко мне, обнимает и пытается отереть мне слезы салфетками.

— Ну, ну, хватит, успокойся, пожалуйста- точно мама она баюкает меня, слегка покачивая — я понимаю, это трудно. Очень трудно. Я сама приехала сюда по визе таланта, следом за парнем, но было очень тяжело. Очень. Даже вдвоем. Особенно, с ним- она как-то с горечью добавляет, а затем, спохватившись, чуть отстраняется- так, давай слезы вытрем — и вперед. Я ведь договорилась с нашим фондом, чтобы мы через часик были.

Икнув, я удивлённо смотрю на неё — с чего она была так уверена, что я соглашусь? Аня лишь отмахивается:

— Я вижу людей. Чувствую, считай. Вот и то, что ты согласишься, знала- она смешно проигрывает бровями- нет, ну, конечно, и мое умение убеждать вкупе с моим дьявольским очарованием сыграли свое дело- она хлопает меня по коленке- Так, встаём, вытираем сопли- и пошли! — и протягивает мне еще стопку чистых салфеток

После фонда, где мне примерно, конечно, через Аню в качестве переводчика, объясняют, что и как со мной будет дальше, я немного приободряюсь. Меня обещали трудоустроить как волонтера. Конечно, проблемы с документами и официальным трудоустройством никто не отменял. Но мне дадут комнатку, которую я буду делить ещё с одним волонтером, еду, и даже деньги небольшие будут давать. " Зарплату официальную нельзя, а вот пожертвование отдать как бездомной- всегда можно"- подмигнула мне Аня, объясняя.

Когда мы ехали обратно на метро, Аня точно страж шла рядом, ни на сантиметр не отступая, охраняя меня будто птица своего птенчика. Я же была ошарашена. Ещё на пути к фонду на меня раз сто накатывало дикое желание рвануть рычаг стоп-крана в метро, выбежав из вагона, затеряться в толпе. Или уже у дверей развернуться, бросившись обратно. Мне казалось, вдруг мы сейчас войдём, и внутри все разом станут неодобрительно пялиться на меня, как бы молчаливо спрашивая Аню, кого и зачем она к ним притащила. Но наоборот, внутри были дружелюбные, хоть и слегка уставшие от объема работы люди. Поэтому меня с радостью и приняли в волонтеры — как объяснила Аня, для местных это хоть и благородная работа, но отнюдь не работа мечты. И уж точно не самая высокооплачиваемая

Валерия:

Мы были у Ани уже несколько часов. Сначала она как добрая хозяйюшка, не слушая моих возражений о том, что я лишь недавно поела с ней же вместе, накормила меня очень вкусным салатом и жареной картошкой с ветчиной. Потом отправила меня в ванну, выдав чистое полотенце и одежду. В ванне на меня снова накатило, хоть я и пыталась успокоить себя — как она вот так? По-человечески? А вдруг я чем больна? Заразна? А она — в свою ванну, вещи выдает.

— Лера, я сейчас сбегая в магазин, я быстро? — раздался у двери Анин голос. Я поспешила крикнуть " хорошо", а потом бросила " закрой меня только", чтобы было честно. Потому что нельзя быть такой доброй, настолько доверчивой.

Услышав через минут десять наслаждения теплой водой звук ключа в замке, я подумала, что Аня только уходит. Потому что не слышно было раньше, ну, или вернулась, а двери все-таки не закрыла.

Звук шагов по полу, а затем- насмешливый и слегка пьяный мужской голос:

— Энн, солнце мое, ты где?

Я замерла, не зная, что делать. А вдруг он сейчас войдёт в ванну? Двери я не закрывала, ведь считала, что мы с Аней вдвоем. Выскочив из ванны как ошпаренная, я рванула к двери. Но стоило мне протянуть руку, как та резко открылась. Передо мной стоял высокий блондин с длинными спутанными волосами. В темной старой кожанке, черных джинсах и зелёной футболке, с кучей всяких перстней, цепей и тату. Он буквально ощупал меня взглядом, сально улыбаясь:

— Так-так, и что это у нас тут? Подарок на мою днюху?

Я дернула ручку двери на себя, но он без малейших усилий удержал дверь на месте, продолжая сверлить меня недобрым взглядом:

— Do you speak English? — внезапно спросил он, проведя кончиками по моим коротким светлым волосам.

— Пожалуйста... — выдавила я, в душе злясь на себя за эту неуместную стеснительность. Нужно бы отпихнуть его да рвануть дверь на себя. Или развернуться, пускай смотрит, и одеваться.

— Ооо, да ты фром Раша? — он откровенно издевался надо мной. Я начала замерзать, не зная, что делать. Но меня спасло появление Ани.

— Все, я дома — раздался ее голос в прихожей, и парень, толкнув дверь на меня, хитро подмигнул мне, повернувшись в сторону прихожей:

— И я дома, малышка. Я думал, ты в ванной, уже шёл, чтобы присоединиться — казалось, он специально смущает меня, зная, что я все ещё стою за дверью.

— О, нет, Макс. У нас гости- раздался ее голос совсем рядом с ванной, а затем — звуки поцелуев- Она поживет немного с нами, пока фонд не выделит ей жилье. У Леры сложная жизненная ситуация.

— Ты что же, теперь берешь работу на дом? — грубо хохотнул мужской голос.

— Макс, прекрати, — недовольно возразила Аня- можешь хоть немного побыть серьезным? Убери руки. — упрекнув его, она направилась на кухню. И тяжелой поступью Макс направился за ней:

— Ну тогда хоть накорми меня, раз секс в этом доме теперь под запретом! — опять громко бросил он, будто упрекая в этом меня.

Когда я вышла из ванны, замерев в коридоре, не зная, куда идти, то услышала, что Аня с кухни позвала меня:

— Лера, иди к нам, посиди с нами. Хочешь тортик? Я взяла небольшой. Тут, конечно, они как резиновые, не то, что у нас...

Я зашла на небольшую, совмещенную с комнатой, кухню, где Аня что-то размешивала в кастрюльке на стойке, а Макс валялся на диване с тарелкой, переключая каналы.

— Спасибо, Ань, но я наелась уже.

Макс шумно проглотил еду, затем, окинув меня, немного нелепо выглядевшую в больших на несколько размеров вещах Ани, заржал точно конь, хлопая себя ладонью по коленке:

— Ну, ну мать, ты ее до своих размеров раскормить пытаешься? Или чё?

Я вздрогнула, боясь даже оборачиваться к Ане. Неужели мужчины и вправду такие? Грубые, бесчувственные, не понимающие, что и как говорят, как могут задеть всего лишь словом. Мне стало ужасно неловко, что я была хоть косвенной, но причиной такого обращения.

— Макс, заткнись, а? — беззлобно осадил его Аня, видимо, уже привыкшая к подобным выкрутасам- Садись, Лер.

Мы поели под неустанные глупые шутки или бахвальство Макса, на которое Аня снисходительно смотрела, точно мама на несмышленного ребенка. После я помогла Ане загрузить посудомойку, а Макс вновь уселся на диван с банкой холодного пива.

— Слышь, малая? — он повернулся ко мне — хочешь послушать, как я играю?

Аня смешливо закатила глаза, разводя руками — видно, похвастать перед другими Макс любил. Но, оказалось, он действительно неплохо играл на гитаре.

— Это ещё чё, скоро мы нормального вокалиста найдем, сменим трепло это- Аня кивнула, видно, зная, о ком идёт речь- и вот тогда все. Известность, туры, поклонницы — он мечтательно поднял вверх руку, будто махал толпе фанатов.

— Пойдем со мной- поманила меня Аня- пускай этот Курт Кобейн недоделанный помечтает.

— Эээ, honey! — перешёл на полуанглийский Макс- stop talking about me.

— Ладно, ладно. Пойдем, покажу тебе комнату.

— Я не понял, ты чё ее, в моей студии разместить хочешь? — недовольно вскочил с дивана Макс, бросаясь за нами

— На время. — скупой отрезала Аня, выдерживая его суровый взгляд — И потом, ты сам сказал, что пока звуковика с вокалистом не найдете, нет смысла репетировать.

Мне было ужасно некомфортно, что они ругаются, по сути, из-за меня:

— Ань, может, я пойду? — неуверенно начала я- Осталось немного ведь? Ну, как с работой решится? — я готова снова была вернуться на улицу, лишь бы не причинять неудобств этой чудесной девушке, единственной, кто пожалел меня.

— Так, ты мне тут ещё не начинай. — качая головой, пожурив меня Аня — Этот-то ясно, дурак, ребенок большой — Макс соорудил детскую рожицу, кривляясь- Но ты-то умная. Поживешь тут, ничего не будет. Макс сейчас вынесет все инструменты в зал.

Комната, которую отвели мне, была крохотной, но своей. Пускай и на время. Небольшой диванчик, стол, ободранный на спинке компьютерный стул, куча постеров на

стенах- будто в пору моего детства. Только жаль, что в детдоме заставляли при каждой проверке срывать всё со стен.

И тут я замерла- память! Неужели возвращается?

— Лер, ты чего? — озабоченно склонилась надо мной Аня, перестав заправлять одеяло в цветастый пододеяльник.

— Все хорошо, устала просто немного- отделалась Я дежурной фразой.

Аня лишь оглядела меня, кивнув:

— Сейчас застелю, этот дурень последнее вынесет — кивнула она на Макса, что выходил из комнаты с инструментами и монитором.

— Я все слышуууу! — смешно искажая голос отозвался Макс.

Застелив мне диван, Аня отошла к двери:

— Ложись, я же знаю, на улице не выспаться- ласково взглянула она на меня. И я, хоть и пыталась сдержаться, снова расплакалась.

— Не реви, Лер. — покачала головой Аня- на улице плакать нужно было. А сейчас у тебя все только хорошее начинается, так что не расстраивайся. Радуйся наоборот, что плохое кончилось. Ну, отдыхай. — она вышла, бесшумно прикрыв дверь за собой.

На следующий день рано утром Аня отвела меня в фонд к волонтерам. Меня поставили на сортировку лекарств. Хоть я и не знала языка, но разделить все медикаменты по виду и надписи смог бы даже ребенок. Я понимала, что и на это дело у них были сейчас свои сотрудники, что меня поставили попросту из жалости и чтобы хоть чем-то на время занять. Понимала и старалась сделать все как можно лучше, как можно быстрее. Сердце стучало как сумасшедшее- казалось, вот сейчас проверят, как рассортировала, найдут кучу ошибок, и выгонят с позором. Или передумают брать к себе, кому я нужна без знания языка? Не то, что помогать буду- мешаться стану.

Макс:

Анька задолбала своей жалостью. Когда в России жить вместе только начали, то тащила в дом всяких собачек-кошечек. Повернута на волонтерстве была. Сюда переехали, на людей перешла. Ей, блин, визу так аннулируют- нифига же не делает. Она отлично пишет, несколько книг выпустила в России, а здесь как погрязла с этим бомжами, так и всё. Затянуло.

Но, правда, Лерка эта- первая, кого Аня в дом притащила. Несмотря на жалость, адекватность в Аньке есть- тащить кого ни попадя с улиц не стала бы. Помню, даже матери с мальчиком лет 12 она выбила оплачиваемый властями номер в отеле, не рискнув пригласить к нам. Потому что там мать была- полный неадекват. Кстати, потом та, напившись, разнесла номер. Мальчика изъяли, передав в приемную семью, потом его отец, вроде, забрал.

Лера тусуется у нас уже неделю, мозоля мне глаза. Ещё и комнату мою заняла, считай, святая святых. Рецетиционный зал, дворец раздумий, где я один на один с муками творчества. А теперь там эта мелкая внаглую обосновалась. Пускай не думает, что я не замечаю того, как она вертит жалостливое Анькой. Чуть грустное выражение лица сделает или слезу пустит- и Анька растаяла, несётся то шмотки ей брать, то выбивать первую зарплату авансом, чтобы " Лера себе телефон хоть взяла". Мелкая хитровыдуманная сучка!

Лениво прохожусь по комнате- Лера как мышь засела в своей, вернее, моей, комнатенке, даже ни звука не слышно. Анька на работу с утра побежала, а я дома. Сейчас у нас временный творческий кризис, мать его! Ещё и перепугались все.

Такая злость накатывает, нихера не получается. Нихера из того, зачем приехал. Неудачник долбаный.

Мой нос улавливает запах горелого. Мать твою ж! Яичница. Бегу к плите, но там только угольки остались. Выключаю, ухватываясь за ручку сковороды полотенцем, открываю кран и бросаю её туда вместе со всеми содержимым.

Блядь! Ещё и эта курица то ли дрыхнет, то ли просто предпочитает не выходить, пока я дома. Устроилась тут себе на всем готовеньком. Сегодня, вроде как, Анька ее с собой потащит вечером, на ночную смену. А днём, значит, эта мелкая отдыхать будет? Хоть бы пожарть приготовила, чтоль?

Краем глаза отвлекаюсь на выпуск новостей, где говорится о вознаграждении. Эх, никогда не находил никого, а хотелось бы. Бабло тут дают огромное. Здесь, в Штатах, вообще все не как у нас- полиция или родные потерявшихся, либо шерифы и окружные управления за информацию о преступниках дают весьма неплохое бабло.

Я лениво рассматриваю лица потерявшихся с информацией о сумме награды за них, конечно, уже заведомо понимая, что ни в жизнь не найду их в " большом яблоке". Что, конечно, не отменяет огромного желания получить награду. Возясь с пачкой сока, уже собираюсь отвернуться в поисках чистого стакана, как вдруг что-то привлекает мое внимание. На экране появляется девушка- длинные каштановые волосы, темные глаза, испуганно-детское, трогательное выражение лица. И бегущая строка "Valeria Soboleva. The reward is 1,000, 000 dollars. Missing from home, the family is worried. Valeria is mentally ill, we ask those who have any information about her whereabouts to contact us by phone +..." *

Стакан с соком замирает в руке, не успевая добраться до рта. Ёпт твою ж, это лям

баксов за какую-то девку?! Кто её семья? Становится даже немного обидно — пропади я, за меня не дали бы и доллара.

Усмехнувшись, я порачиваюсь к холодильнику, чтобы поискать что-то съестное, но какой-то маленький червячок внутри меня грызет, не успокаиваясь. Будто я упускаю что-то важное, очень важное.

— Опа, проснулась, спящая красавица? — ухмыляясь, специально смущаю мелкую пигалицу пристальным взглядом, пока она, съезжившись, пытается проскользнуть на кухню мимо меня.

— Доброе утро- неловко улыбается она в ответ, зыряя глазами назад, за мою спину. Видно, хочет сбежать, дождавшись, пока я уйду.

— Я сегодня целый день дома, малышка. Ты и я, одни, сечешь, о чем я? — не знаю почему, но мне так нравится её поддевать, видеть, как она краснеет, смущается. Это вам не грубоватая Анька, что тут же осадит или "причешет" в ответ своим языком без костей так, что ты сам засмущаешься. Эта наоборот — вся как-то съезживается, ручки тонкие свои на, надо заметить, весьма аппетитной маленькой груди, сложит, и смотрит затравленно так, как зверёк маленький.

В моих глазах мелькает картина, как я стою вот так же, на кухне, а она смотрит на меня тем же слегка испуганным взглядом. Но смотрит, стоя на коленях, держа в руках мой член...

— Блядь! — злюсь я на самого себя вслух. Лера вздрагивает, отходя и упираясь попкой в столешницу. Нет, я, конечно, мудака, но не настолько, чтобы насиловать. Сама согласится, позже. Анька? А что Анька, она знает, что мы, рокеры, нифига не верные. Ну вот ни разу. Знает и о моих загулах, и о паре-тройке верных фанатов, группиз, как их тут называют. И как они нам на фестивалях иногда настроение поднимают. И не только настроение.

— Давай, готовь, что ты там хотела — резко бросаю ей, уходя на диван — На двоих сделай, я с самого утра жрать хочу.

Она испуганно кивает, не двигаясь с места. Наблюдает, как я уйду, и только тогда начинает стучать дверцами шкафов, звенеть посудой. Умница- девочка, послушная. И на меня снова накатывает волна дикой похоти. А я и не знал, что я — доминант. Оказывается, маленькая послушная рабыня — моя тайная извращённая фантазия?

Пока она готовит, я скроллю ленту в Фейсбуке. Ни одного подписчика за день, это хреново. Популярность падает, да и то, что было, вряд ли популярностью назвать. Местечковые концерты или выступления в прокуренных пабах и барах, где никто нихера нас и не слушал.

Уже собираюсь отложить телефон, как снова мелькают объявления о поиске людей. И снова лицо той девицы, такое же испуганное как и у... Да нет, не может быть?! Мои руки начинают подрагивать- если это так, то я, мать его, самый везучий человек на двух континентах. Сорвать джек-пот просто! Здесь Леру вновь разыскивают, но уже информация более полная — ищет муж, ее привезли на лечение в Штаты, но она сбежала. Блядь, что в ней такого, что мужик готов отвалить миллион, лишь бы вернуть? Может, она сама — богатая? Но вряд ли, зачем ему её возвращение, когда гораздо лучше, если она пропадет без вести? Хотя, хер их, богатах, поймёшь. Может, у них контракт какой, что её деньги- только её? Да и нет у нее нихера, иначе бы она попросту бабосы свои задействовала, а не на улице отиралась, не бомжевала.

— Лера? — я держу телефон в руке, будто пристально изучая в нем что-то.

— Да? — оборачивается она ко мне, напряжённо ожидая. И на лице- то же, мать его, выражение. Испуганно-детское.

— Сделай мне ещё кофе, пожалуйста? С молоком и сахаром, я просто сам не особо как в этом специалист, вечно бурда получается- специально тяну я время, сравнивая ее лицо с фото в телефоне. Сердце сейчас выпрыгнет из груди- это она! Волосы отрезала, покрасила! Но это- она. И даже малая толика сомнений- что делала на улице девушка, чья семья за нее миллион бакинских отваливает, оказывается погребенной под грудой здравого смысла- ну написано же, что кукуха уехала у нее. В такое я поверить готов- у моего отчима от пьянок тоже крыша протекала. До сих пор помню, как мы с мамкой прятались в комнате, закрываясь на ключ, когда она, пьяный, ходил и орал, разговаривая с кем-то, видимым лишь ему. А потом, как трезвел, был вполне нормальным мужиком, адекватным.

— Да, хорошо- вздох облегчения срывается с ее губ. Видно, думала, прям тут домогаться начну? Нет, Валерия Соболева, мои планы на тебя резко изменились. Трахнуть кубышку с золотом? Ни в коем разе, на миллион я потом сто таких отделаю. Правда, мои глаза с сожалением скользят по ее тонкой фигурке, я несомненно пожалею, что не оприходовал эту. Обязательно пожалею. Но плакать, утираясь не рукавом, а зелёными шуршащими бумажками, куда как приятнее.

— Тебе сейчас сделать кофе? Или как приготовлю, вместе дать? — интересуется она, отвернувшись к плите.

— Сейчас- вылетает у меня раньше, чем я успеваю подумать

Пока она готовит кофе, я мозолю пальцы, то увеличивая фото на экране, то уменьшая. Нервная дрожь проходит по всему телу. Фак! Звонить сейчас? Спугну, убежит. Нужно выйти, закрыть ее и набрать. А затем ждать, пока приедут мои денежки вместе с ее взволнованной родней. И? Отчего я так не поступаю? Отчего сижу как дебил, пялясь на ее округлую попку в больших Анькиных штанах.

Лера идёт как на эшафот с этой кружкой кофе и какой-то шоколадкой, ставит её передо мной, а я, ухватываясь пятерней за ее руку, тяну эту бродяжку, не выходящую из головы, на себя:

— Эээ, а "приятного аппетита" пожелать? — несущую чушь, просто чтобы подольше задержать ее около себя.

— Приятного- шипит она, пытаюсь сбросить мою руку, но я лишь удобнее перехватываю ее за руку, и почти усаживаю на себя. Я как долбаный маньяк- мне, оказывается, нравится страх в её глазах, попытки сопротивляться.

— Ну же, Лера, давай... иди сюда- как безумный шепчу, покрывая её шею жадными влажными поцелуями.

— Отпусти, я буду кричать! — пытается она увернуться, на что я лишь усмехаюсь.

— Кричи, я скажу, что поймал тебя на воровстве, хотел звонить в полицию, а ты устроила целое представление в ответ. Моя рука, соскальзывая с ее талии, начинает путешествие к резинке штанов. Она отбивается, но я с силой сжимаю её шею, так, что дышать она начинает с трудом.

Да, мать твою. Как у нее там все узко, как приятно. Ничего, что она сухая- сейчас я доведу ее до такого состояния, что трястись будет, умоляя трахнуть. Стерва! Что-то в ней определенно есть, раз муж обещает такое бабло.

— Отпустиии- затравленно шепчет она, глотая слезы.

— Отпусти её! — Аня, метая взглядом молнии, стоит на пороге комнаты.

Я расцепляю руки, выпуская из своих объятий эту мелкую сучку. Я даже рад, что Анька вмешалась, иначе я бы не только бабла не получил, но и срок мог бы получить. Кто знает, что обо мне рассказала бы эта своему муженьку.

Сбросив сумку с плеча прямо на пол, Аня направляется к нам.

— Я не при чём, она сама на меня полезла, Ань, — начинаю я оправдываться, хоть мне глубоко фиолетово. Будто Анька и так не знала о моих загулах — Я с тобой столько лет, а эту ты неделю знаешь.

— Заткнись! Просто заткнись- бросает мне Аня, уводя Леру в комнату. Ну и похер, на обеих. Я хватаю телефон, выходя из квартиры. Сейчас получу свое бабло- и Аньку тоже брошу, задолбала. Вообще не девушка, а баба какая-то в возрасте, поведение как у мамыши моей. Девушка должна быть...ска, опять эта Лера в голову лезет!

*Валерия Соболева, вознаграждение 1 000 000 долларов. Пропала из дома, семья беспокоится. Валерия психически нездорова. Просим каждого, кто обладает информацией, связаться по телефону...

Hide and seek

Анна:

— Лер, успокойся. Успокойся, пожалуйста. — мое сердце разрывается, видя слезы Леры. Да, я сама виновата- оставила этого урода с ней. Почему я верю не своему парню, с которым живу уже второй год, а Лере? Неизвестной бездомной девушке? Да потому, что знаю Макса как облупленного! Он изменял мне в России, продолжил это и здесь. Когда я находила в его телефоне смски или даже интимные фотки девушек, он лишь усмехался в ответ, бросая что-то очередное из своего тупого юмора. " Детка, это- последствия известности" или же " Ну, Ань, ты наоборот должна радоваться, что у тебя такой парень, все его хотят. А обладаешь — одна ты". Затем обязательно начинал приставать, приговаривая, что я для него — единственная и неповторимая, потом следовал секс, после которого он обязательно требовал " пожрать", считая, что все свои мужские обязанности он уже исполнил.

Почему я не уходила от него? Не знаю, то ли в силу привычки, то ли в силу боязни, что останусь одна в чужом мне городе. Я вообще очень сильно жалела, что, послушавшись Макса, переехала вместе с ним. Оказалось, даже денег для визы он занял у одного из знакомых, мы лишь " светанули", как он говорил, ими на своих счетах для посольства, перекидывая со счета на счёт, чтобы создать видимость их движения, а потом перевели их обратно другу. Причем, часть Макс так и не перевёл, как мне кажется. Потому что мы почти бежали с России. И потому, что первое время он очень дёргался, боясь, что кто-то из кинутых им русских ребят ищет его.

— Лер, я не виню тебя. Успокойся, пожалуйста. Я знаю Макса, он — ещё та козлина — глажу короткий ёжик светлых волос.

— Я...н-н-не... смогу жить у вас- сквозь слезы едва слышно шелестит она. Я хмурюсь:

— Лер, не усугубляй. Ему я вставлю по первое число, бояться будет даже рядом пройти. Плюс на работу ему давно пора, я вечером поговорю, а завтра пускай искать начинает. И смены возьмём вместе с тобой, так я всегда дома буду...

— А с общежитием....что там с ним? — робко начала она, будто боясь услышать ответ, что ей отказали

— Там пока не все решилось. Мест очень мало. — не стала я обманывать- Сама понимаешь, очередь там огромная и среди бездомных, и даже среди наших. В волонтеры очень много идёт тех, кто нуждается в жилье в первую очередь. Потому что оно здесь дорогое. Ты сама ведь видела людей, что даже работу имеют, но все равно на улицах спят.

Лера молча кивнула в ответ, отодвигаясь.

— Я хочу выйти, пройтись, — прячет она глаза, нервно сплетая пальцы рук.

— Хорошо, подожди, я только приму душ- и схожу с тобой, я сегодня ведь тебе аванс...

Но Лера настойчиво обрывает:

— Извини, Ань. Я хочу пройтись одна, не обижайся.

Теперь уже я нервно сцепляю пальцы. В конце концов, она- не ребенок. И жила ведь как-то на улице, до этого времени, справлялась и без меня.

— Хорошо. Я сейчас дам тебе немного денег на проезд и на что-нибудь перекусить, и адрес наш напишу, о'кей? И смотри- шутливо грожу ей пальцем- Не вернёшься через пару часов- буду искать с интерполом!

Лера уходит, выскользнув за дверь почти беззвучно, я наблюдаю за ней из окна, пока ее фигурка не теряется в толпе.

Приняв душ, усаживаюсь на диван, включая больше для фона одну из мелодрам с Фейсбука. Надо бы Максу набрать, пускай приходит, озвучу ему новые правила проживания. Надоел, честное слово! Где-то в глубине души я даже злобно радуюсь, что стала свидетелем его приставаний. Теперь моя дурацкая жалость наконец не сможет дать ему ещё и ещё один шанс, остатки гордости не позволят. Ведь одно дело — понимать, догадываться, видеть мелкие свидетельства, и совсем другое- своими глазами наблюдать такую картину.

Макс не берет трубку, ну и пошёл бы. Не расстроюсь, ведь у нас больше привычка и страх одиночества с моей стороны, и чистое приспособленчество- с его.

Когда я уже почти засыпаю под романтическую мелодию титров, хлопает дверь:

— Лера? — сонно тяну я. Умничка, быстро вернулась, знает ведь, что переживать буду.

Но в дверях показывается недовольная голова Макса, а за ним стоит странный мужчина. Он немного ниже Макса ростом, но от его фигуры исходит такой ореол уверенности и власти, что даже Макс, привыкшему брать соперников одним ростом и массой, неловко.

— Где она?! — злобно рычит на меня Макс, словно я виновата в чем-то ужасном.

— Кто? — спросонья переспрашиваю, хоть уже и понимаю, что речь идёт о Лере.

— Лера где, блядь?! — рычит Макс, шныряя глазами по комнате.

— Испарилась! — зло бросаю ему, разозленная и тем, что не дали поспать, и поведением Макса при постороннем- Не видишь, нет её!

— Она ушла?! — все ещё не веря выдыхает Макс, бросаясь ко мне. Встряхивая меня за плечи, больно дёргает вверх- и тут же едва не отлетает в сторону, с такой силой его отталкивает от меня этот странный мужчина. Неспешным шагом он подходит ко мне, усаживаясь на диван. Затем бросает Макс, не оборачиваясь:

— Выйди!

Я ожидаю, что Макс начнет " бычиться", как он сам это называет, как обычно. Но тот лишь выскальзывает из комнаты, хлопая дверью.

— Она была у тебя? — показывает он мне фото как на документы Леры. Только на нем она с темными длинными волосами, но это — точно Лера.

— Да- тупо пялюсь в экран телефона, краем сознания цепляясь за слово " была"? Подождите?!

— Вы из полиции? С ней что-то случилось, где она?! Она жива?! — я выстреливаю вопросами быстрее, чем УЗИ*, на что кривая улыбка появляется на лице мужчины.

— Я не из полиции, я- ее муж.

— Она замужем? — я будто в лидерской гонке на чемпионате по наитупейшим вопросам

— Да. И может быть беременна — добавляет он, пристально разглядывая меня — Тут ее документы, можешь ознакомиться, она... скажем так, психически нестабильна. И я боюсь не только за нее, но и... — он не продолжает, но я понимаю, к чему ведёт этот мужчина. Трясущимися пальцами перебираю документы, выхватывая скупые формулировки диагнозов, подчас совершенно непонятные.

— Ты знаешь, где она? — буравит меня тяжёлым взглядом мужчина, а я отрицательно мотаю головой.

— Нет, она вышла... пройтись. но она должна скоро вернуться, сегодня ее смена...

— Смена? — хищно приближается ко мне мужчина — она где-то работает?

Я киваю:

— Да, волонтером, вместе со мной.

Вижу, как он немного успокаивается, но глаза горят каким-то совершенно диким огнем. И если Макса в подобном состоянии я не боюсь, то от этого мужчины мурашки по коже. Возможно, Лера сбежала от него, а не из-за помешательства, как пытается он мне "выпарить", как сказал бы Макс.

— Может, чаю или кофе? — я сделаю что угодно, хоть ванильный милкшейк из клуба Микки-Мауса, лишь бы получить возможность быть подальше от него. Слишком уж он подавляет. Неприятный тип.

Но он, увы, отрицательно качает головой:

— Я побуду здесь- он распоряжается будто хозяин квартиры — Как она вернётся, вы получите вознаграждение.

— Какие вознаграждение? — непонимающе хлопаю я ресницами.

— О котором твой дружок раз сто переспросил моего секретаря — хмыкает он, лениво раскинувшись на диване.

Что за бред?

— Макс никакого секретаря ни... — начинаю я и тут же замолкаю. Потому что вижу ответ на свои сомнения на лице мужчины. Он уверен в своей правоте.

— Мааакс! — громко кричу я, вскакивая с дивана- Маакс!

Мужчина лишь усмехается, глядя как я вылетаю за дверь в поисках Макса. Тот валяется на диване в своей студии.

— Макс, что за хрень происходит? Кто он? Почему он говорит, что мы ждём вознаграждение за Леру?

Макс, лениво поигрывая палочкой от барабана, тянет:

— Ну мы и ждали бы, если бы ты не выпустила ее хер знает куда. За нее дают лям баксов- резко принимает он горизонтальное положение- Лям грёбаных баксов, прикинь?! Ее муж ебнулся, если готов столько отвалить. Ну, или миллиардер, которому такое бабломелочь.

— А ты не думал, — делаю я голос потише, с неприязнью наблюдая, каким алчным огнем горят глаза моего парня. Будто заново открывая его для себя. Или словно мои глаза лишь сегодня раскрылись — Что если бы она хотела, то вернулась бы к нему? — понижаю я голос- Может, ей грозит опасность не на улице, а рядом с ним, ты не думал? Что-то нетипичное поведение для любящей жены, тем более, я в документах видела, что лишь недавно поженились.

Макс лишь отмахивается:

— Ань, блядь! Да че ты такая правильная, аж до блевоты?! Нам с тобой не похер на это? Нам миллион долларов маячит, а ты со своим "да что он с ней сделает"? Да пусть хоть распилит надвое, как ебанный Девид Блейн- нам пох?! Разве нет!?

И в этот момент я остро чувствую, какой глупой тряпкой была все это время. Как позволяла вытирать о себя ноги, как каждый раз надеялась, что вот он слетит с пьедестала, что сам себе и возвёл, найдет работу, остепенится. Это не будет никогда! Он- моральный урод! И я не лучше, если все это время нахожусь рядом.

— Я хочу, чтобы ты съехал- уверенно говорю ему, глядя прямо в глаза. Первое время Макс с насмешкой поглядывает на меня, думая, что я шучу. Затем, вскакивая, бросается ко мне, снова больно встряхивая, почти приподнимая над полом:

— Ань, чё за бред? Ты какой-то мелкой пизде наши отношения позволишь разрушить? — пытается он поймать мой взгляд.

— Нет, она здесь не при чем- отрезаю я- Мне давно следовало это сделать.

Да, я права. Мне давно следовало бы расстаться с ним. Даже за квартиру плачу я, не говоря уже о расходах на все остальное. Макс деньги, что получает от выступлений, спускает на игрушки типа новой приставки или ещё одной новомодной но абсолютно ненужной примочки для инструментов

— Ань, если я уйду, то не вернусь? — начинает запугивать Макс.

— Я на это и надеюсь! — вновь поднимает во мне голову гордость, которую он с таким успехом втапывал в грязь последние пару лет.

— Ты охуела?! — он отбрасывает меня от себя с такой силой, что я больно ударяюсь спиной о косяк двери. На секунду зажмурившись от боли вижу, как Макса держит за горло мужчина:

— Если ты, ушлепок, привык с женщинами воевать, то я — нет. Я твои позвонки одной рукой сломать могу- и я вижу, что он не шутит. У Макса закатываются глаза, краснеет лицо, он сучит ногами как кукла.

— Пожалуйста, не нужно- бросаюсь я к мужчине — Пусть уходит!

Он с мгновение глядя на меня, смаргивает странную пелену во взгляде, а затем отпускает Макса:

— Вали нахер!

Макс, с гулким звуком осев на пол, таращится то на меня, то на мужчину. Затем, с трудом поднявшись, плетется по стенке до двери. И все это- без единого звука.

— Твои шмотки будут за дверью через час. А ещё я пришлю сюда охрану, поэтому не советую возвращаться- несётся вслед Максу низкий мужской голос.

Когда дверь за Максом с грохотом захлопывается, мужчина оборачивается ко мне:

— А теперь давай поговорим с тобой Аня, честно и серьезно поговорим

УЗИ*- автомат

Валерия:

Ну вот я и снова бездомная. Я не смогу больше вернуться туда, к Ане. Это будет подло, неправильно. Даже если Макс- настоящий моральный урод, но Аня любит его. А, значит, не мне осуждать. И уж точно не разрушать своим присутствием их пару.

Конечно, я могу вернуться в офис волонтеров, вот только я не знаю, где он. Как и не знаю, в каком районе я ночевала, когда меня нашла Аня. Помню парк рядом, но парков, помимо центрального, здесь много. Горожане любят разбавлять каменные джунгли оазисами с деревьями. Мне было не до запоминания улиц и домов, пару кафе навскидку вспомнить могу, но как спросить у местных, где эти кафе? Опять же, язык...

Уставшая, вспотевшая, с ужасной жаждой брожу по городу. День клонится к вечеру, мне нужно найти безопасное место для ночлега, но в этой части я почти не вижу такого. Везде или людно, или наоборот, слишком пустая улица. На такой могут что угодно сделать — и никто даже не услышит криков. Вот такая я вот, бездомная с претензиями.

Чуть позже, вечером, я сидела на скамейке в одном из парков, доедая из пакета оставленные кем-то чипсы. Ко мне уже подходил сурового вида охранник с сообщением, что парк скоро закрывается. Я кивнула, хоть не понимая слов, но разобрав значение.

Люди мимо меня спешили на выход. Счастливые и не очень, но неизменно вращающиеся в этой жизненной суматохе. А я? Точно выпала из этого ритма жизни — никуда не спешу, ничем не занята, сижу как на обочине жизни, наблюдаю.

Мимо прошла компания молодёжи, у одного парня из динамика в руке звучала такая знакомая музыка! Это же Sam Smith, Diamonds- мелькнула вспышка в подсознании. Я ее очень любила, буквально каждый день бы слушала. "My diamonds leave with you, You're never gonna hear my heart break..."- я и не заметила, как встала, плетясь за этими парнями словно зомби, а губы мои сами выдавали текст песни. Уже у самых ворот меня накрыло- образы, слова, рваные сцены из прошлой жизни накрывали хаотично, мозг просто готов был лопнуть.

Еле ступая, я перебирала ногами, пытаюсь справиться с тем объемом информации, что переполняла меня сейчас. Слезы облегчения градом потекли по щекам- я помню! Я всё помню! Я- Талова Валерия Феликсовна! Я жила в детдоме, но у меня есть родители. Стелла и Эдуард Тумановы. Приемные, но они любят меня! Любят, и верно ищут, переживают. А Соболев кто? Я помню, как мне представили его то ли дальним родственником родителей, но я сразу этому не поверила. Да и вообще в его присутствии они излишне нервничали, словно бы боялись.

Я даже вспомнила Мишку, с которым у меня так и не срослось. Добрый светлый парнишка. Гулю, что вечно пыталась спасти, вытащить из всей той грязи, в которую она с успехом вляпывалась на следующий же день.

Вспомнила и то, как ждала операцию, отмечая ещё один день жизни, прожитой почти в кредит, на старом календаре, что прятала под подушку, стола воспитатели не выкинули. Мне действительно пересадили сердце...Боже мой!

И тут, не в силах справиться с накатившим ужасом, я вспомнила свой день рождения. Вспомнила урывками, видно, подсознание скрывало от меня самое ужасное, да ещё и сколько и чего меня заставили принять эти уроды.... Я принялась тереть кожу руками,

словно спуская время их прикосновения всё ещё пачкали меня. Боже, это был мой первый раз! Первый раз вот так... Волна жалости к себе накрывает с головой. Что со мной не так? Будто все беды мира летят на мою голову?!

И тут же приходит злая мысль — все началось с Соболева! Все это завертелось благодаря ему! Обжигающая ненависть струится по венам, отбрасывая здравый смысл, кричащий о том, что виной всему — Гуля, моя доверчивость и глупость, уроды — насильники, но никак не Святослав. Нет, я ненавижу его! Просто ненавижу! Для меня он стал олицетворением всего плохого, что со мной произошло!

И я принимаю единственно верное решение.

В полиции, которая приехала за мной, едва я упростила пожилую женщину вызвать 911, надо мной сперва смеются, когда я через переводчик в телефоне одного из "копов" выкладываю им такие вещи, что кажется заговор массонов по сравнению с ним — детский лепет. Но видя и мою настойчивость, и более — менее адекватное поведение, все же проводят в кабинет, жестами объясняя, что ко мне сейчас подойдут.

В кабинете всего лишь пару столов, на одном из них ноутбук и кипа бумаг, на втором лишь кружка с пятном от кофе да стаканчик с ручками и карандашами.

По сторонам от меня несколько тумб с архивами, они пронумерованы и подписаны. На окнах — старенькие, пожелтевшие от времени жалюзи.

Ко мне входит женщина. Не в полицейской форме, но я сразу понимаю, что она работает здесь — высокая, темный костюм, юбка до колена и пиджак, светлая блузка. Ее светлые волосы собраны в хвост. Она пристально разглядывает меня, а потом на чистом русском выдает:

— Итак, расскажешь мне, почему ты здесь? С самого начала? Я работаю здесь психологом, но я — единственная, кто знает русский.

Она усаживается за стол, где ноутбук, а я в удивлении раскрываю глаза — неужели повезло? Максимум, на что я надеялась, что будет какая-то программа переводчик на телефоне. Ну, или я все запишу на бумаге, а там они как-нибудь переведут.

— Не удивляйся, — усмехается женщина, видя мое замешательство. Она достает диктофон, как в старых фильмах, пару секунд проверяя его — Мои родители из России, дома мы много говорили на русском. Так что... — она не продолжает, но включает диктофон — Итак, мы можем начинать. Сейчас к нам присоединится ещё сержант Диккенс, но ты уже можешь начинать. Он будет просто для проформы, потому что, по идее, ты должна все рассказывать ему. Ты готова?

Я киваю, начиная:

— Меня зовут Талова Валерия Феликсовна...

Сержант Диккенс оказывается полноватым мужчиной средних лет, он даже не пытается прислушаться к тому, что вполголоса поясняет ему на английском по ходу моего монолога Мери, так зовут женщину. Видно, что он отчаянно скучает и желает поскорее закончить это не особо приятное для себя дело.

Но едва звучат слово "murder", как он весь напрягается, словно гончая, что взяла след. О, теперь он сам задаёт вопросы Мэри, а та переводит их мне, а потом ему — мои ответы. Он достает из нагрудного кармана небольшой блокнот, куда начинает делать пометки. Хмурясь, если не понимает, он задаёт вновь и вновь почти одни и те же уточняющие вопросы.

Наконец, когда меня закончили опрашивать, Диккен, закулив сигарету, долго молчал, пуская мелкие кольца дыма в воздух. Затем он встал, потушив сигарету прямо в кружке, что-то отрывисто сказал Мэри, и вышел из кабинета.

— Тебе ведь некуда идти? — подтвердила Мэри то, что и так знала. Я отрицательно покачала головой- мне некуда идти, я совсем одна здесь, неизвестно, на каком положении, кто я вообще? С Соболева сдастся и брак наш сделать неофициальным, лишь на бумажке. Какая же я глупая, что верила во всё, что он скажет!

— Хорошо, я сейчас отведу тебя в комнату отдыха для сотрудников, побудешь там несколько часов, пока мы решим вопрос с жильем. Ты нам понадобишься ещё много раз, ты ведь готова дать показания? — она засобиралась, отключив диктофон.

— Да, конечно, — решимости во мне было хоть отбавляй. Да, и на Библии поклянусь или как там у них? Может, это только в кино так делают?

— Хорошо, пойдем, провожу тебя.

В комнате, куда меня приводят, сидят двое полицейских, они заметно оживляются, когда я захожу. Но Мэри охлаждает их пыл, что-то быстро говоря на английском. Она усаживает меня на большой диван перед телевизором, а эти парни продолжают играть в приставку, перед другим телевизором, раза в три больше размером, чем мой.

— Сейчас я принесу тебе кофе и немного перекусить- похлопывает она меня по плечу, а парням делает с усмешкой жест в стиле " я слежу за вами"- подносит два вытянутых пальца, указательный и средний, сперва к своим глазам, а затем направляет на них. И выходит из комнаты. Съежившись, сижу, нервно щёлкая каналы. Все равно ничего не понимаю. Выбираю какой-то нейтральный старенький фильм, и тупо пялюсь в экран.

Через минут двадцать возвращается Мэри с кофе и сэндвичем из автомата. Кофе я не люблю, но тут он в таком почете, да и Мэри такая любезная, что отказаться мне неудобно. Поэтому я мелкими глотками пью его, жадно поедая сэндвич.

Мэри с сочувствием в глазах кивает мне:

— Все будет хорошо, не переживай.

Она выходит, вновь оставляя меня с парнями в форме, что теперь и не смотрят на меня, жарко споря из-за чего-то в игре.

Сама того не замечая, я уснула, расслабленная горячим кофе и едой. А проснулась от того, что кто-то неподалёку негромко переговаривался. Оторвавшись от мягкой спинки дивана, на которой полулежала, использовав вместо подушки, я обвела комнату глазами — никого. Даже те полицейские ушли. Встав с дивана, я прошла по полу к двери и остолбенела: за открытой настежь дверью стояла, спиной ко мне, Мэри. А напротив нее — мой ночной кошмар! Соболев! Подождите, что происходит? Я едва не рванула с места, Соболев, подняв взгляд, изменился в лице. Аккуратно отстранив Мэри, он шагнул ко мне. Я спиной двинулась назад, а затем, развернувшись побежала в угол комнаты.

— Валерия, успокойся! Я пришел забрать тебя. — прогремел его голос точно приговор.

— Что происходит? — не ответила я ему, глядя в упор на Мэри, что испуганно маячила позади него- Как вы могли?! Как!? Я поверила вам! Поверила, а вы?! — я глотала соленые слезы обиды, угрожающе выкинув вперед карандаш, что успела схватить со стола по пути.

— Лера, все будет хорошо. Он- твой муж, он не желает тебе зла — мягко, как с неразумным ребенком, начала говорить со мной Мэри, отчего я всплила ещё больше.

— Не нужно со мной так говорить, я не сумасшедшая — краем сознания понимала, что сейчас как раз-таки на нее и похожу, на сумасшедшую, но остановиться уже не могла.

— Валерия, послушай... — снова начал Соболев, протянув ко мне руку. Но я с силой ударила его по руке, почти вжавшись в стену:

— Не подходи ко мне! Не подходи! Я не вернусь обратно! — мой взгляд зацепился за дверь, где уже стояли пару копов, переводивших взгляд с меня на Мэри и Соболева.

— Помогите! Он хочет вновь посадить меня в подвал! Помогите! Мне нужна помощь! Мэри лишь грустно покачала головой:

— Они не понимают тебя, Лера. И мой тебе совет- успокойся. Иначе даже деньги и связи твоего мужа не помогут, тебя госпитализируют принудительно.

— Пускай! — это даже лучше, чем оставаться здесь. Пускай меня госпитализируют, проверят, выяснят, что никакая я не больная, а потом и проверят все, что я говорила!

— Лера, давай ты успокоишься, присядешь, — кивнула Мэри на диван позади себя- И мы обо всем поговорим- поймав мой испуганный взгляд, направленный на Соболева, она заверила- Не бойся, он ничего тебе не сделает, пока я здесь.

Неуверенно кивнув, я попыталась проскользнуть мимо Соболева, но тут же почувствовала, как меня обхватили его сильные руки да так, что я не могла пошевелиться.

— Пусти, пусти, ненавижу! Пусти, будь ты проклят!

Я и не заметила, как в руке Мэри оказался шприц. Быстрым движением она что-то ввела мне в руку немногим пониже локтя.

— Все будет хорошо- вновь бросила она, а я лишь окинула ее презрительным взглядом. Я бы сказала, какая она подлая предательница, но язык будто ватным стал, а в голове сделалось так легко, словно бы все проблемы разом лопнули как мыльный пузырь, не оставив после себя и следа.

Валерия:

В себя я то приходила, то вновь отключалась. Уже не зная, где я, что происходит. Лишь тяжёлая рука Святослава, что гладила меня по волосам, жалея как маленького ребенка, давала мне понять, что я по эту сторону реальности.

Когда я окончательно проснулась, то с удивлением обнаружила себя лежащей в автомобиле головой на коленях Соболева. Он тоже спал, откинувшись назад на сиденье. По крайней мере, глаза его были закрыты. Но стоило мне пошевелиться, поднимаясь, как он тут же открыл их:

— Валерия... — будто помимо воли вырвалось у него. "Надо же, теперь вот такой официоз? После всего, что между нами было?" — хотелось мне ехидно спросить, но в горле пересохло.

— Держи. — он протянул мне бутылку с водой, будто читая мысли. А, увидев, как я с подозрением кошусь на нее, хмыкнул- Там ничего нет, поверь.

Но я не поверила. Только не теперь, когда меня чем-то обкололи, снотворным, наверно. Он улыбнулся, открутил крышку, и не сводя с меня взгляда отпил добрую половину. Я так жадно выхватила у него бутылку, чтобы не допил полностью, что он невольно улыбнулся.

— Куда мы едем? — поинтересовалась я, выпив все до капли.

— Домой. — коротко бросил он, не переставая прожигать меня взглядом.

— У меня нет здесь дома! И к тебе домой я не поеду, я вообще хочу домой, в Россию. И если ты не отпустишь меня, я дойду до посольства, консульства! Это похищение! Я буду...

— Мы в России, Валерия. — оборвал он меня.

— Жаловаться! И пускай тебя посадят! И за жен, что ты убил тоже! И за меня есть, кому заступиться — я все вспомнила... — тут я осекаюсь, потому что только что до меня дошел смысл его слов. Я тихо, едва слышно, пишу — В смысле, "мы в России"?

— В прямом. Ты проспала весь перелет, сейчас мы едем от аэропорта.

Мне хочется спросить, чем же таким убойным меня накачали, но и тут он опережает:

— Тебе вкололи лёгкое снотворное. До перелета и после, а остальное время ты спала сама. Изредка даже просыпалась на борту, обнимала меня так, что я пошевелиться не мог.

Я не могу понять, шутит он, издевается или говорит правду?

Переводя дыхание, пытаюсь успокоиться.

— Я все равно не останусь у тебя. Ясно? Я сбегу или что-то придумаю, но так дальше продолжаться не будет.

Он темнеет лицом, но лишь кивает:

— Ясно, Валерия.

А меня будто когтями по коже скребёт это его "Валерия"! Лучше бы его презрительное "Талова" или почти нежное "Лера", чем вот так вот. Хотя, разве мне есть дело до того, как зовёт меня похититель:

— Скажи, а ты ещё тогда запланировал меня похитить? Ну, когда в гости к нам приходил, знакомиться?

Его глаза загораются недобрым огнем, а руки сжимаются в кулаки. Вижу, как желваки ходят на его лице, но Соболев держится:

— Так, оказывается, ты у нас все помнишь? — издевательски спрашивает он. Я не поддаюсь на провокацию:

— Не нужно строить из себя оскорбленного! Мне все равно, что ты обо мне думаешь, ясно?! Ты- преступник, больной ублюдок! Тебя посадят! Отпусти меня- и я клянусь, я никому ничего не скажу. Обещаю!

Соболев лишь устало потёр переносицу, выдав то, что окончательно выбило меня из колеи:

— Я и не держу тебя. Сейчас приедем домой, подпишешь некоторые документы, тебя осмотрят врачи- и я отпущу тебя.

Я едва не падаю с сиденья от неожиданности, это что, правда? Или очередная издёвка?

— Я не шучу, Валерия. Я отпущу тебя, но- он поднимает кверху палец, обрывая десятки вопросов, готовых сорваться с моих губ- С тобой будет охрана. Куда бы ты ни шла, что бы ни делала. Потому что я не доверяю тебе.

Чтооо?! Он это серьезно?! Он не доверяет мне? Он, что похитил меня, таскал за собой заперал в подвале?! От такой наглости мне хочется рассмеяться ему прямо в лицо. Надменное, красивое какой-то жестокой мужской красотой лицо.

Тут меня чуть мутит, и я откидываюсь на сиденье, отворачиваясь от него, тянусь приоткрыть окно. Святослав опережает меня, будто нечаянно скользнув рукой по моему колену, отчего меня будто жаром обдаёт. Все у нас вообще так странно — разумом я ненавижу его, но предательское тело ещё помнит его ласки...

В доме тишина, Татьяна Филипповна, увидев меня, вытирает передником глаза. Она хочет подойти ближе, поздороваться, но Святослав лишь отрицательно качает головой, бросая ей "потом"- и ту словно ветром сдувает.

— Пойдем наверх, Валерия. Нам предстоит долгий серьезный разговор- протягивает мне руку Соболев, а меня буквально трясет от "Валерия". Почему я так реагирую? Может, от снотворного не отошла ещё.

— Поесть чуть позже принесут в комнату, ты пока можешь принять душ. Вещи на кровати- лениво проходится он по комнате, не обращая на меня никакого внимания. И это злит! Я пытаюсь успокоиться, вновь и вновь твержу себе, что мне не должно быть до него никакого дела! Что я даже радоваться должна и вот такому скупому приему, и тому, что Соболев, по всей видимости, наигрался со мной и отпускает. Живой и почти невредимой. И тому, что я теперь дома, в России. Как там говорится, "звёзды сошлись"? Все чудесно в моей жизни? Так отчего же мне так больно?

Когда я выхожу из ванной, переодевшись в вещи, что захватила с собой из шкафа (моя одежда, купленная им ещё тогда, когда он впервые привез меня в этот дом) висит чистая и выглаженная, будто все это время меня ожидали.

Соболев, закатив рукава темной рубашки, сидит на кресле, вполоборота ко мне, уперев локти в мощные ноги.

Рядом с ним столик, на котором уже чья-то заботливая рука сервировала ужин на двоих.

— Садись, поешь. — кивает он на кровать- Когда закончишь, спустись в мой кабинет.

Я внимательно рассматриваю его лицо, на нем не считать эмоций- холодное жесткое выражение. Неужели я ему настолько надоела, что аж неприятно, противно находиться рядом? Когда-то я читала интервью одного миллионера, что словно сумасшедший заменял жен и любовниц, каждые несколько месяцев. Сродни охоте для него подобное было- с

каждой новой добычей, как признавался он репортёру, он сам будто молодеет, испытывает неопишемую бурю эмоций. Да вот тот же Ди Каприо, у которого пунктик на возрасте — едва его пассии исполняется 25, то он сразу расстаётся с ней, списывает в утиль.

Но я, конечно, чемпион по вылету из жизни Соболева- даже несколько месяцев не продержалась. И это должно бы радовать, должно! Я зря пытаюсь настроить себя, потому что внутри все восстаёт против этой мысли, о том, что мы больше не увидимся. Это безумие. Бред! Это иррационально- пытаться сбежать, скрыться от него всеми возможными способами...и мечтать, чтобы он сейчас не уходил.

— Хорошо- киваю я, принимаясь вяло ковыряться в еде.

— Там твои лекарства- кивает он, уже стоя на пороге, на маленькую тарелочку, где лежит несколько таблеток.

— Хорошо- вновь бесцветно бросаю вслед.

Как же хорошо помнить все, теперь я точно знаю, что эти лекарства мне жизненно необходимы. Как и знаю, увы, что жизнь моя будет короче, чем жизнь обычного человека. Может, поэтому я так хватаюсь за Соболева? С ним я испытываю невероятно яркие эмоции. Отрицательные или положительные- это уже второстепенно. Потому что они — сильные. Я так стремлюсь " впихнуть" в свою короткую жизнь все то, что должна бы испытать, что готова связаться с любым абьюзером, или как там звучит это новомодное слово?

Немного перекусив, я долго брожу по комнате. Пытаясь освободить голову от стайки мыслей, что жужжащим роем кружатся в голове. Что со мной будет? Сейчас я спущусь, Соболев скажет, что я свободна? Или это- очередной его безумный стёб?

Наконец, когда я спускаюсь вниз, робко стучусь в дверь кабинета, та резко открывается передо мной, словно бы Святослав стоял на пороге и ждал моего появления. И точно, он ещё больше нахмурившись, недовольно бросает:

— Ты долго.

Я ничего не отвечаю, проходя к небольшому диванчику у стены. Садиться на кресло напротив него я не решаюсь, здесь, чуть поотдаль, мне кажется, что я в относительной безопасности.

Святослав, кажется, понимает, почему я выбрала это место, насмешливо изгибая бровь, лишь усмехается.

— Валерия- Начинает он. А мне этот вариант моего имени из его уст- как вилкой по сковороде, так неприятно — Нам нужно серьезно поговорить.

— Да, нужно, — подтверждаю я, пытаюсь этой бравадой создать хоть видимость впечатления, что это будет не очередной его обвинительный монолог, а полноценный, равноправный диалог- И позволь, я начну первая? — прую напролом, боясь растерять всю решимость.

Святослав усаживается в кресло, делая мне позволяющий жест рукой, " начинай".

И я начинаю. Я рассказываю ему все- о том, что я действительно потеряла память, о том, что со мной произошло в день рождения, о том, как многие месяцы спасала Гулю, считая, что буквально обязана сделать это. Потому что лишь случай помог мне оказаться быть под опекой, а ей же подобного так и не представилось. Рассказываю, как ко мне приходили какие-то люди, пытаюсь сотрудничать со мной, пытаюсь внушить, что я останусь главной владелицей его состояния. Как я отказалась даже слушать это.

Рассказываю о том, что говорила мне Линда, там, в Америке. Не упускаю случая поведать и о том, что против него едва ли не весь мир- столько людей наняли, чтобы те

находили меня где угодно. Рассказываю о его жёнах, взхлёб, боясь, что вот сейчас он меня остановит недовольным окриком из разряда " что за бред?!", но Святослав молчит, буравя меня тяжёлым взглядом. Его напряжение я вижу лишь по сжатым в кулаки рукам, которые он то и дело разжимает, будто пытаюсь успокоиться.

Наконец, когда я замолкаю, пытаюсь отдышаться от этой тирады, происходит невероятное:

— Прости меня, Валерия. — он в упор смотрит на меня, и в его охрипшем от чувств голосе отчётливо слышится страдание.

— Простить? За что? — смелею я.

— За то, что не поверил тебе...тогда... — он замолкает, морщась как от боли, — Тогда, в день рождения. Это ведь был...

Он не договаривает, но я понимаю, о чем речь. Да, это был мой первый раз. Который я мечтала бы забыть навсегда. Но для этого нужно осознать, принять, переболеть, пережить. Не бежать от этого ужаса, что произошел, а взглянуть ему прямо в глаза, смело сказать: " Да, я прошла через подробное — и не этому не сломить меня!".

— Да — твердо произношу — Это был мой первый раз.

И все же стыд накатывает жаркой волной, я опускаю глаза, а уже через секунду оказываюсь в кольце крепких рук. Святослав, бросившись к дивану, усаживается рядом, обнимая. Он целует мое лицо, поднимая к себе, гладит волосы, обнимает.

— Прости меня, прости! Я почти разрушил твою жизнь... — шепчет он, словно мать обнимая своего ребенка. Я поднимаю глаза, с удивлением наблюдая страдание, плещущееся в его взгляде. Неужели и правда винит себя? Почему тогда сразу не поверил?

— Я никогда ничего не употребляла! — голосом, звенящим от обиды, бросаю ему, чуть отстраняясь.

— Я знаю, теперь знаю, — вновь прижимает меня к себе он, целуя. И я сдаюсь- это как после долгого путешествия оказаться в родном доме. Его объятиях. Нежно, до трогательности, он ласкает меня, чуть поднимая, освобождает от одежды. В пару движений раздевается сам, не переставая дарить мне жаркие ласки, а затем отпускает меня на себя, удерживая за талию. Наши хриплые стоны сливаются воедино, темп ускоряется...

Валерия:

Этой ночью между нами нет преград. Мы занимаемся любовью, в перерыве болтая обо всем на свете. Святослав рассказывает мне о первой жене — она была фиктивной. Нужной лишь для постоянной регистрации в городе ему, на тот момент лишь начинающему путь в бизнесе. Женщина была глубоко пьющая, но деньги любила. И выпала она из окна балкона при множестве свидетелей — сожитель закрыл ее дома, а та решила, что вот прямо сейчас и любой ценой желает попасть в магазин. И пыталась вылезти с балкона на старых простынях, связанных между собой. Те, естественно, порвались. Святослав даже показал мне эту трагедию в скупой новострой сводке того времени, по ключевым словам и дате найдя в поисковике. Он похоронил ее очень достойно, а единственному сыну женщины, на тот момент, выпускнику, оплатил учебу в престижном ВУЗе, а затем устроил в одну из своих фирм.

И с Алёной ничего не было (я пыталась не злиться, не ревновать к той, что умерла. И той благодаря которой я живу. Но слушать, с каким восторгом он отзывается о ней, каким блеском загораются его глаза, едва он говорит о той семье, что так и не случилась-невероятно больно. Почти физически!) из того, что приписывает молва. На него самого в тот момент была мощная атака конкурентов, что не побоялись всех методов устранения его как игрока- очернить жену, "несчастный случай", покушение на него самого.

Я же рассказываю, что не просто отчислилась из универа ' в никуда ', а перевелась в другой, даже с сохранением курса. Я люблю рисовать, и поступила в художественную академию. И про то, в чем он меня подозревал- я до мелочей ясно вспомнила тот день, когда меня позвали якобы на встречу с преуспевающим галеристом, который желал бы выставить несколько моих картин у себя. Я тогда едва ли не летала на крыльях, то и дело перечитывая приглашение на e-мейл. И каково же было мое удивление, когда в ресторане он, вместо обсуждения планов экспозиции, начал выпрашивать ерунду о том, как давно я знаю Святослава Соболева, как хорошо знаю. А потом и вовсе предложил такое...Я послала его, довольно вежливо, оборвав и разговор, и ужин. Сказала, что если он или кто-то ещё обратится ко мне с подобными предложениями, то я все расскажу и Святославу, и полиции. В ответ мне пригрозили тем, что теперь я должна " очень внимательно смотреть по сторонам", но я лишь окинула мужчину, что угрожает беззащитной девушке, презрительным взглядом и вышла из ресторана.

Почему не сказала Святославу? Не то, чтобы не посчитала нужным, но на тот момент у нас сложилось устойчивое взаимодействие в плане того, что с ним я делилась лишь хорошими новостями. Он злился, стоило мне заговорить о чем-то, выходящим за рамки моего образа (им же и придуманного) хорошей девочки — как например, я очень неудачно намекнула, что хотела бы сменить универ. Он битый час вдалбливал мне, зачем и для чего я учусь именно на этом факультете, что я — уже не ребенок, что скоро я буду работать у него. На мне будет большая ответственность.

Святослав, хмурясь, рассказывает мне, что действительно верит. И в потерю памяти — пришли результаты МРТ определенных зон мозга, доктора полностью уверены, что как минимум частичная потеря была. И в то, что я не употребляю- это вообще даже не обсуждается. Каждый раз, когда у меня появляется для этого возможность — я не

употребляю. Ни капли. Это ни разу не поведение зависимой. Да и ломки нет, а ведь ему об этом говорили несколько врачей!

Каждую минуту, что мы проводим вместе, мне так хочется спросить его, а что же будет дальше, с нами? Но это ужасно стыдно- все же, годами внушаемое обществом " женщина не должна делать первый шаг" срабатывает, да и страх, что услышу в ответ нечто вроде " о каких " нас" ты говоришь?". Так что я просто наслаждаюсь временем вместе.

Святослав вскользь упоминает, что мне сделали какие-то анализы, когда забирали из отделения. Мне немного неприятно, я ведь была в отключке. Но и тут решаю не обращать внимания, наслаждаюсь каждой минутой близости. Мне уже нечего терять, я полностью растворяюсь в нем, осмелившись признаться самой себе- я люблю его. Люблю. Вот такая вот странная, больная любовь, что маскировалась под ненависть, неприятие, страх, лишь бы не признаваться самой себе в том, что влюблена.

И даже, в момент наивысшей страсти, я равно выдыхаю в его губы " люблю". Но он, кажется, и не замечает. Обхватывая меня поудобнее, приподнимает, насаживая на себя, и с силой вбивается, будто в последний раз, стараясь взять всё...

Почти под утро мы засыпаем, уставшие, довольные, обессиленные. Я даю себе обещание, что как проснётся — признаюсь в своих чувствах. И пускай он скажет, что не испытывает похожих, и пускай лишь усмехнется в ответ на признание- не важно. Пора быть сильной. Я ведь не делаю ничего постыдного, я лишь произнесу вслух то, что испытываю.

Валерия:

А наутро мои надежды рушатся карточным домиком. Святослава нет рядом, лишь лёгкий след от головы на подушке рядом свидетельствует о том, что мне всё не пригрезилось, не показалось.

Я ищу его по дому, но натыкаюсь лишь на Татьяну Филлиповну, что, отводя глаза, пытается уточнить, когда я буду завтракать. На вопрос же о том, где Святослав, она выдает, что он уехал, и не знает, когда он будет. И тут же спешит скрыться в недрах большого дома, словно я- прокаженная. Не забыв крикнуть о завтраке.

Ещё немного слоняюсь по дому, затем, пробравшись на кухню, сооружаю себе простенький бутерброд из хлеба и колбасной нарезки, хихикая при этом как ребенок- такая колбаса явно не предназначена для того, чтобы её вот так ели, с простым батоном, видно, вообще не из этой оперы — кто-то из слуг принес для своих. И тут же шустро, поднимаясь наверх, пока меня не перехватила Татьяна Филипповна, заставив поесть нормально.

Уже в комнате я замечаю на тумбочке рядом с кроватью то, что не заметила раньше. Конверт, пакет из магазина связи. Доев бутерброд, вытираю руки о себя — ну да, жизнь на улице сделала свое дело.

Беру в руки сперва пакет- там новенький айфон последней модели, а также тонкая упаковка с логотипом известного банка. Внутри- именная карта на Валерию Соболеву. Надо же, теперь я действительно, Соболева, он не солгал?

Сердце радостно замирает — значит, он тоже считает, что у нас все серьезно? Вот уже и карту мне как жене на расходы завел, телефон взял, чтобы всегда была на связи. Хотелось вскочить с кровати и петь, плясать от счастья. Возможно, моё " люблю " будет взаимным! Значит, зря я утром расстроилась.

О, конверт. Я и забыла о нем. Открываю, уже догадываясь, что там будет- указания, как и что делать (ну, властность в Соболеве никуда не делась), что-то про " тратить, сколько посчитаю нужным "(я закатываю глаза, предвкушая банальность этой фразы. Нашелся " плейбой, миллионер, филантроп ". Нужно взять и потратить разом такую сумму, чтобы он обалдел. Вот будет ему уроком). Ну и всякие там " скоро буду, я по делам ".

Но содержимое конверта разом выбивает из меня воздух вместе с желанием жить. Дмитрий пишет, что он все понял — как ломал меня, как был неправ, какой непоправимый вред нанес мне, как он готов все это компенсировать... Боже, что это? Переписка двух бизнесменов, один из которых слегка подпортил другому дела, но извиняется и готов компенсировать!? Что происходит?!

Мои глаза сухие, слез, кажется, не осталось совсем. Трясущимися руками держу письмо, буквы в котором сплываются перед глазами.

Он меня отпускает! Отпускает! Сволочь! В лицо сказать не мог?! Такой весь из себя сильный, крутой, жёсткий, а побоялся сказать женщине, с которой были отношения, что он их обрывает?! И тут же догоняет осознание- а их не было. Отношений. Был лишь секс. Для него как для мужчины. Доступная женщина рядом, всегда готовая поиграть в своей кровати. Да и кровать, с горькой усмешкой констатирую, его, не моя. Или же вообще, он тянулся не ко мне, а к той единственной крохотной частичке Алёны, что осталась на этом свете. Я так зла, что если бы могла, вырвала бы это проклятое сердце из своей груди. Оно болит,

кровоточит, чувствует. Ненавижу! Я его ненавижу!

Дальше следуют фразы об огромной сумме на моем счету, о том, что квартиру он мне выкупил, ту, что я снимала. Машина тоже ждёт. А также сухая фраза, что я должна собраться до вечера. Водитель ждёт, охрана предупреждена. А он сам...улетел обратно в Штаты, так всем будет проще.

Единственное, о чем он просит — пока повременить с разводом. Как я найду того, в кого влюблюсь (он что, издевается?!), он с удовольствием даст его мне.

Вскакивая с кровати, я рву письмо на тысячи мелких кусочков. Урод! Ненавижу! Он убил меня! Не в прямом смысле, но он буквально сломал всю мою жизнь, лишил ее смысла. "Зачем?! Зачееееем?!" — реву я раненым зверем, круша комнату. Я бросаю телефон в окно, он падает вниз, звенит разбитое стекло. Слышны шаги на лестнице, минута- и в комнате появляется испуганное лицо Татьяна Филлиповны. Теперь она точно уверилась во всей той дряни, что обо мне наговорил Святослав. Но лишь бегло оглядев масштабы бедствия, она убегает обратно. Не решившись, видно, подходить ко мне в таком состоянии. Да и плевать! Плевать на всех! Почему я всегда думаю о людях? Переживаю за их чувства, боюсь обидеть ненароком. А им на меня глубоко наплевать? Вот и Соболев пользовался, пока не прискучила, и отправил восвояси, как эскортницу какую — заплатив по высшему разряду.

И тут будто на меня находит некое умиротворение свыше. Родителей потеряла? Пережила ведь, жива, здорова? Да. В детдоме не сдалась, первое время особенно, когда проверяли на прочность издевками или жестокими шутками? Не сдалась, и друзей нашла, и многих ребят ещё защищала новеньких от нападок старших. Тут ещё вспомнилось про Стеллу и Эдуарда, они меня действительно искренне любили. По крайней мере, это чувствовалось. Налажу общение и с ними.

А подарки Соболева? О, это было самым простым. Насчёт них я уже все решила- нет, я не буду с пафосом бросать их ему обратно. Да и некому бросать- улетел ведь. Я- простая девчонка из детского дома, мне не сродни разбрасываться таким богатством, в нас с самого детства закладывалась рациональность и прагматизм. Помню, мы тряслись буквально над новенькими вещами, что подарили спонсоры, потому что понимали — других ещё долго не будет. Но и оставить себе я все это не могла — ощущение, что продалась, не отпустило бы ещё долго.

Я их в тот фонд передам, что помогал детскому дому. Деньги. Квартиру я подумала- перепишу на другой фонд, тот, благодаря которому я живу. Чьи волонтеры бились за шанс на операцию для детдомовской девчонки. Там будут размещать приезжих. Кто с детками на операцию в центр приехал, чтобы не снимали спешно, не тратились на гостиницы, чтобы не нужно было отдельный сбор делать на размещение. Да и своя, считай, квартира — залог безопасности для таких деток. Многие из них — онкобольные. Которым идеальная чистота нужна после операции. Разве посуточная квартира или отель такую гарантируют? А тут фонд будет клининг брать после каждого, да ещё ведь и сами постояльцы будут понимать, что чистота — все для них.

Настроение даже слегка поднялось. Так я и в далай-ламы подамся- уже начала думать, что, может, наша встреча и все остальное были вот ровно для этого? Неплохая же помощь фондам?

Я спустилась, ни взяв ни единой вещи, кроме карты, с которой переведу все деньги в фонд. По пути меня встретила Татьяна Филлиповна, выглядывая из кухни:

— Лерочка, а ты... всё, уезжаешь? Не поешь...И вещи не собрала?

Мне снова стало так обидно, так больно — по всей видимости, даже она была в курсе!/? Кто ещё? Садовник? Охранник? Горничная? Все вокруг знали, что Соболев меня бросает, кроме, собственно, меня самой!

Но я сумела "удержать лицо":

— Нет, спасибо, Татьяна Филлиповна. Мне ещё нужно срочно в институт заехать, звонили.

Она, нервно сглотнув, кивнула, с некоторым замешательством. Может, видела валяющийся под окном телефон, так и не раскрытый? Да и ладно, я больше не увижу ни ее, ни этот дом, ни Соболева.

— Всего доброго, я спешу немного- извинилась я, продолжив путь.

— Всего доброго, Лерочка, — донеслось в спину растерянное прощание.

Я прошу водителя довезти до ближайшей остановки, но он начинает гнуть свое " положено доставить по адресу". Хорошо, пускай. Сдаюсь, не желая больше спорить. Я хочу просто чтобы все это поскорее закончилось

Loneliness. Part two

Святослав:

Мое сердце все ещё сжимается, стоит вспомнить ее там, в полицейском отделении. Маленькую, испуганную, с коротким ёжиком волос. Уже тогда мне хотелось броситься перед ней на колени, умоляя простить за все, что произошло с ней по моей, блядь, вине! Не нужно было вести себя как ублюдок! Больной эгоистичный ублюдок. От Таловой у меня сносило крышу так, что я не слушал никого вокруг- врачей, психологов, того же Сокола, что офигевал от моего к ней отношения. Ей нужна была доброта, поддержка, помощь специалистов. А я возомнил себя чертовым, мать его, лекарем- мозгоправом.

И, как оказалось, единственным, кому нужно было вправить мозги, оказался я. Когда Лера рассказала мне правду, я едва мог выдавить из себя хоть слово в ответ. Осознание того, какой я жалкий урод, испортивший ей жизнь, захлестнуло. Я уже знал, что она мне скажет — Соболь выяснил, что в клиниках лечилась именно ее подруга, та самая Гуля, а эта мягкосердечная дурочка Талова лишь привозила ту на очередную реабилитацию от зависимости. В последних два раза уходя Гуля назвалась именем Леры, это и ввело нас в заблуждение изначально. У меня вообще складывается впечатление, что эту самую " Гулю" не только не радовала помощь Леры, а наоборот, злила, заставляла завидовать, невольно сравнивать себе с более успешной девочкой из детского дома, чем она сама. Тогда хоть немного понятны и все ее поступки, и отчаянно желание хоть как-то подгадать Лере. Возможно, не открытое, а подсознательное. Будто тонула сама — и изо всех сил тянула за собой Леру, что сдуру протянула ей руку помощи.

Вчера, когда увидел в глазах Таловой влюбленность, когда услышал, но сделал вид, что нет, её признание, я ещё раз убедился в правильности своего решения. Нужно отпустить её, пускай живёт, налаживает жизнь, учится, влюбляется. Пусть это все будет искренним и добровольным порывом для неё, а не мучительным отсутствием выбора, принуждением, как в случае со мной. Гребаным Стокгольмским синдромом.

Когда я забирал ее из участка, и весь мучительный день после, я не мог избавиться от глупой, бессмысленной надежды — а вдруг она беременна? Тогда можно наплевать на голос совести, бесновавшейся внутри. Тогда все и дальше будет идти своим чередом- она- моя жена, ждёт ребёнка. Любовь? Она уже влюблена в меня, не любит, а именно, влюблена. Конечно, я понимаю, что это- нездоровая больная влюблённость. Что после тех уродов, которых ее психика, чтобы не ранить себя ещё больше, не желает вспоминать, я- ее первый мужчина. Да ещё и в таких тяжёлых морально условиях. Естественно, она привязалась ко мне. Ебаный Стокгольмский синдром, а не любовь!

Но ребенка не было, когда я забрал ее из участка, то ей провели полное обследование. Она, конечно, не помнит этого, потому что спала под действием снотворного. Но факт есть факт- Талова не беременна. И мне хочется выть от этого, лезть на стену.

Я не улетел в Штаты, остался в своей городской квартире, глушить боль расставания алкоголем. Даже баб вызывать не хочется, после Леры всё не то, все не те.

В последние наши минуты я видел, как она потянулась ко мне сердцем. Это было даже и без признания понятно- раньше, когда она не доверяла мне, в ее взгляде был вечный огонек опасения, испуг. А теперь, поверив в то, что я — не монстр, каким меня ей рисовали, а просто властный и узколобый идиот, что я никого не убивал и уж, тем более, никаких

измен не было ни с моей стороны, ни со стороны Алёны, она успокоилась, расслабилась.

Возможно, я ошибся. Нужно было и дальше дать ей право меня ненавидеть. Бояться. Так проще и легче- она бы думала, что ещё легко отделалась. Силилась бы забыть все то, что произошло. Возможно, ходила бы к психологу пару вечеров в неделю....

X@p его знает...

X@p его знает, как оно всё пойдёт. Потом, впоследствии. Конечно, она выучится, найдет себе парня своего возраста, семью создадут. Я стану гребаным дядей или кем я там себя видел всего пару лет назад? Удивительно, как все резко изменилось так, что теперь одна мысль о том, что раньше было едва ли не мечтой, приносит боль.

Пить не хочется. Я почти насильно вливаю в себя то ли виски, то ли какую-то другую бурду, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Вливаю, чтобы не сорваться, не броситься к Таловой, не утащить ее к себе и уже никогда не отпускать

Спустя два года:

Валерия:

— Стелла, я немного не успеваю, у вас получится задержаться ещё на часик? — получив от новоиспеченной бабушки Артемки заверения, что она полностью свободна и готова сидеть с ним хоть до утра, расслабленно выдыхаю. Так, значит, могу снова вернуться к расчетам. Я ведь и за себя, и за того дядю работаю. Галерея пока что окупает лишь саму себя. Чтобы быть на плаву, нужно работать.

— Лер, ты тут? — раздаётся из коридора голос Артема, нет, не моего сына. Молодого художника и главной звёзды моей галереи, Артема Лайно, — его работы не раз уходили за большие суммы в коллекции любителей искусства по всему миру. Пару раз Артем даже выручал нашу скромную галерею деньгами. Иногда я думаю, отчего он не уедет? Ему приходили приглашения из множества зарубежных галерей, а ещё даже пригласили в какой-то Лондонский институт искусства как преподавателя. Но Артем с маниакальным упорством остаётся здесь.

Нет, я не совсем дурочка, что не догадываюсь — у него ко мне довольно теплые чувства. Вот только я ответить на них не могу. Не именно Артему- вообще, никому. После всего, что со мной произошло, после того, как я узнала о беременности, я пыталась связаться со Святославом. Даже, наплевав на гордость, приезжала к его дому, потратив несколько бессонных ночей на поиск адреса в интернете. Но смогла найти лишь примерные координаты и пару фото забора. Благо, Стелла, нахмурившись, с битый час вспоминала название улицы- и вспомнила.

Но приезжала я зря- механической голос охранника по домофону сообщил, что Соболева нет, и когда он вернётся — никто не знает. Телефон, который он оставлял Стелле, молчал. Я попыталась даже через банк передать сообщение ему, как открывателю моего счета, но на меня лишь с недоумением покосилась сотрудница, сообщив, что таких опций у них нет.

Я попыталась связаться через все возможные номера и почтовые ящики его известных интернету фирм, но и там — тишина или же скупое " с вами свяжутся при необходимости"- я даже через трубку слышала, как с насмешкой закатывает глаза секретарь, услышав неизвестно от кого " я- хорошая знакомая Соболева, потеряла его контакты, нужно срочно связаться....". Да и, потом поняла, что таких знакомых, скорее всего, у него было превеликое множество.

Вот и все. Соболев не увидел, как родился Артёмка, не держал его на руках после. Как там? Не увидел первые шаги, первый зубик? Да, и это тоже. Та жгучая волна ненависти, в которой я купалась с головой в первое время после того, как все это произошло, постепенно стихала, оставляя вместо себя лишь грусть и непонимание — отчего он так? За что? Взял и вышвырнул, вычеркнул из своей жизни, бросив следом хорошие отступные, чтобы остатки совести не грызли?

— Лер, ау? — высокий стройный, Артем больше похож на модель, нежели на художника- Спустись со своих небес к нам, простым земным жителям — с усмешкой протягивает он, глядя на то, как смаргиваю, пытаюсь избавиться от образов перед глазами, грустных воспоминаний, что не желают уходить.

— Извини, Тём, устала просто. Тут ещё — киваю на стол- столько разбираться. А Аня в декрете, у Юли дочка заболела

— И я всё сама, сама, пока не упаду как загнанная лошадь? — иронизирует Артем, приподняв бровь.

— Ну, не так, но примерно — с лёгкой улыбкой вторую ему я.

Артем, усаживаясь на стул напротив меня, улыбается во все тридцать два:

— Я ведь знал, что ты так скажешь. Поэтому и приехал помочь. Кстати, через пять минут еду доставят- видя, как я недоуменно хмурю брови, он поясняет- Ну тебя скоро ветром сдувать начнет. А я не хочу потерять такого офигенного владельца галереи- смешно разводит руками он.

Я не могу сдержать ответной улыбки- конечно, он мне безбожно льстит. Наоборот, это я должна мечтать удержать его всеми силами.

— Так, что у нас там? Давай-ка сюда — он придвигает к себе ноутбук и кипу бумаг, погружаясь в ненавистные мне сметы, цифры, столбики. А я откидываюсь на стуле, расслабленно наблюдая за тем, как кто-то делает мою работу. Оказывается, это чертовски приятно.

Через несколько минут он отправляет меня встретить доставку, естественно, как мужчина он уже все оплатил, мне нужно лишь открыть дверь и забрать пакеты у курьера.

Чуть позже мы едим, перешучиваемся, а затем Антон вызывается подбросить меня до дома. Сегодня я уже не поеду за Артемкой к Стелле, чтобы не будить. Заберу завтра. Да и машина все равно в сервисе. У подъезда я начинаю себя чувствовать неловко, точно школьница, не зная, пригласить ли на чай Артема. И, если да, то не сочтёт ли он приглашение чем-то большим, чем банальная благодарность.

— Эй, Лер, не загоняйся, — смеётся он, увидев как я хмурюсь, не решаясь, как поступить- Я к тебе в гости напрашиваться не буду. Наоборот — тебе ещё меня поуламывать придется, чтобы пришел — превращает он неловкий момент в шутку.

— Спасибо, Артем, — благодарю я. И за то, что довез, и за понимание. Отличный он парень. Жаль, мне такие, видно, не по судьбе. Иначе почему ничего не откликается на его ухаживания? Ничего.

— Пожалуйста, Лер, — в тон мне отвечает он, направляясь размашистым шагом к своей Ауди.

Устало сбросив в прихожей пальто и сапоги, плетусь к ванне, по пути отмечая, что в комнате горит свет. Забыла выключить перед уходом? Вроде, никогда такая забывчивость за мной не водилась. Захожу в комнату — и так и замираю с рукой, поднесенной к выключателю. Соболев! Как настоящий, сидит, развалившись в кресле в углу, и лениво смотрит на меня.

В ужасе я отступила назад, больно ударившись спиной о дверь. Все, крыша поехала или как там говорят. Он мерещится! Забыв про покрашенные ресницы, я с силой потерла руками глаза, но открыв их, увидела, что видение никуда не делась. Наоборот, сидело и с кривой усмешкой наюлюдало за мной.

— Правильно, Валерия, я бы тоже на твоём месте боялся-вставая с кресла, видение хищно приближается ко мне, пока, наконец, не нависает надо мной всей своей мощью- Скажи, ты ведь и не собиралась говорить мне об этом, так?

О чем оно? Он...Он осязаем, от него исходит тот же одуряющий аромат мужественности, лёгкий, свежий, с какой-то терпкой ноткой. Не может быть! Как он

оказался здесь!?

— Лера, мать твою! — не сдерживается он, протягивая ко мне руку — и тут же убирая- Я спросил- ты не собиралась говорить мне о ребенке, ведь так?

Ах, вот оно что?! Явился... У меня даже нет мыслей, не то, что слов, чтобы высказать ему все! Да и ситуация выглядит до безумия неправильной, комичной. Поэтому я, не сдерживая истеричный хохот, опускаюсь по стене на пол, обхватывая колени, и хохочу как сумасшедшая. По моим щекам текут слезы, а я все смеюсь. Соболев молча наблюдает за мной, не произнося ни слова. А я, лишь немного успокаиваюсь, снова поднимаю на него взгляд — и хохочу, вытирая слезы рукавом.

Вы посмотрите, граф Монте-Кристо вернулся! Оскорбленная невинность. Возможно, это той девочке, Лере Таловой, что его любила, он мог бы внушить, что искренне не знал- от незащищённого секса могут быть дети. Но не мне, не Валерии Соболевой! Слегка успокоившись, я беру себя в руки, окидывая его тяжёлым взглядом- и не понимаю, как я раньше могла любить такого? Эгоист до мозга костей!

Не вставая, киваю ему в сторону выхода:

— Дверь там, у тебя две минуты. Не уйдешь сам — вызову полицию.

Соболев ходит желваками, но сдерживается, ничего не говоря в ответ.

— И если попробуешь все эти " да я у тебя сына заберу"- он вообще не на тебя записан, и не от тебя даже! — с обидой бросаю ему, и вижу как его самодовольное лицо, в которое я с удовольствием ударила бы кулаком, расплывается в ухмылке. Внезапно он садится на пол рядом со мной, тихо бросая:

— Лер, а если мы начнем все сначала?

Соболев ушел, как долбаный Карлсон — пообещав вернуться. Конечно, мы не то, что не пришли к консенсусу, но даже раз сто умудрились поссориться, поугрожать друг другу, пообвинять взаимно.

Меня до сих пор потряхивает. Хоть я и позвонила Стелле, уточнила, что у них с Артемкой все хорошо, он уже спит, а нервы все равно на пределе. А что если Соболев сейчас припрется к ним, сына забирать?! Мне обидно, что он мне не доверял, выставлял кем угодно, только не хорошим человеком, чьему слову можно безоговорочно доверять, а в этой ситуации не то, что не сомневается, но даже без доказательств поверил. Папочкой себя почувствовал?! Или у него они есть, доказательства? Начинаю нервно прикидывать, как и где он мог бы взять материалы для ДНК теста? В клинике, куда ходим с Артемкой? Ну а где ещё?

Нет, все это- уже паранойя. Загоняться не стоит, вспоминается мудрое наставление Артема. И все же я ощущаю, что грядет нечто явно нехорошее. Разбитая плетусь по комнате, собирая мысли воедино- надо сменить замки. Хотя, лучше квартиру? Или страну, пока он быстро документы не оформил на ребенка и запрет не сделал? Мне сразу вспомнились передачи с нтв и подобных каналов, где рыдающая мать с группой репортёров умоляет у высокого забора бывшего мужа, чтобы дал с ребенком увидеться. Нет, со мной этот номер не пройдет!

Husband

Святослав:

Сказать, что я обалдел, когда мне пришло гневное письмо Эдуарда с фото ребенка, так похожего на меня, что не нужно было и экспертизы проводить. Эдуард в своем пафосно-витиеватом стиле вещал о том, что не знает, что у нас там с Таловой произошло, денег никаких моих не желает боле (ну, к чести его отметить стоит, что и сам он неплохо в бизнесе поднялся за это время), но неужели я такой "чёрствый сухарь" (это я дословно), что мне совершенно наплевать на родного ребенка, видеть его не желаю.

Как я летел до России — не представляю. И не представляю, как вообще жил до времени, пока его не увидел. Эдуард, хоть и под неодобрительным взглядом Стеллы, что, сухо поздоровавшись, ушла наверх, в свою комнату, протянул мне сына, и я прижал к себе его маленькое тепленькое тельце, вдохнул этот запах детства, молока. И едва дышал, боясь потревожить Артема. Так она назвала его. Соболев Артем...Феликсович. Мда, с фантазией слабенько у Леры, это в ее маму- мне вспомнилось, как впервые взял в руки личное дело "Таловой Валерии Феликсовны".

Чтобы ребенка не записали на меня, так как мы были в браке, Лера "потеряла" паспорт. А получив новый, естественно, не просила проставить штамп о браке (это уже дотошно выяснял Сокол). Ну а когда родила, то записала его на себя. Прочерк в графе "отец" поставила. Отлично у нас ведь система работает? ЗАГСы и остальное? Поэтому и всплывают трагикомедии то тут, то там, как наши очередного афериста брачного, что также "терял" паспорта, получал новые, и женился на новых женщинах, не разводясь с кучей предыдущих жён.

Да и ладно, честно. За то, что родила мне такое чудо, я готов луну с неба ей достать, все простить. Да и прощать-то нечего. За это время самокопания, самобичевания я понял, что если кто из нас и был виноват во всем, так только я. А ещё понял, что люблю её. Не сердце Алёны, воспоминания о которой превратились в тихую лёгкую грусть, не просто женщину рядом с собой, и даже не мать моего ребенка, а именно Леру.

Распровавшись с Тумановыми, я отправился к своим юристам, нужно было решать с документами. Благо, в этом случае ничего особого было не нужно, наоборот, ЗАГС очень переживал, чтобы их ошибка нигде не всплыла, да ещё плюсом совесть или (нежелание менять кучу документов) Валерии, что оставила себе и ребенку хотя бы мою фамилию, сыграли на руку. Пару часов- и у меня на руках новое свидетельство о рождении, а прежнее недействительным считается. Мое — первое и единственное, даже не дубликат. На нем гордо красуется дата выдачи, идентичная дате рождения Артемки. Соболев Артем Святославович. Звучит, е-мое, я аж светился от гордости, новоиспеченный папаша, блин.

Ну а затем по мелочи — снова Сокол через старые связи ищет Леру, Тумановых я не стал напрягать, так как понял, что она и для них стала закрытой книгой. Стелла — так ни разу не была в новом жильё Леры, а жить у них Талова-Соболева напрочь отказалась с момента прилета обратно. Только в гости приезжала наездами, да и то, редко. Сблизились снова лишь после рождения Артемки.

Я выглядывал в окно Талову, успев пройтись по всей маленькой однушке, которую она снимала. Во двор заехала черная Ауди, сверкнув фарами. Откуда вылез какой-то долговязый

хлыщ и Лера. Волосы были у нее короткие, длиной чуть повыше плеч, все ещё светлые. Но по одной ее фигурке, по повороту плеч, по тому, как она вскинула лицо, чтобы лучше видеть этого типа, я понял- это не может быть никто иной, как она.

— Спасибо, Артем, — доносится откуда — то из-под козырька подъезда ее благодарность. А я готов выйти и разорвать этого Артема голыми руками.

Захлопываю окно, усаживаясь в кресло. Что же, теперь посмотрим, Лера, как ты жила все это время. Ревность кипит, грозясь вылиться взрывом — да, я сам хотел, чтобы она встречалась с кем-то, сравнивала. Мечтал, что однажды она вернётся, осознав, что все это время любила лишь меня. Да я, блядь, жил почти как девственник — такой ментальный пояс верности нацепила на меня эта мелкая. Пару раз было приглашал к себе дамочек типа Аны, но понял, что теперь мы с ними лишь раздражаем друг друга- они бесили меня всем. Тупостью, однотипностью, тем, что ни одна из них- не Лера. Я раздражал их тем, что вместо секса плакался как старый алкаш, от которого ушла жена, измученная жизнью с таким неудачником. Я стал пить. Как не в себя, или как там говорится. Но при моем характере спиться нереально. Чертов стержень, что не даёт запуститься процессу саморазрушения.

Я с головой ушел в дела. Благо, их было много. Пару раз я даже пересекался с той девушкой, Аней. Именно ей, а не ее уроду-экс-бойфренду Я отдал миллион, как и обещал. И она направила его на помощь бездомным, как и обещала мне в ответ. Она даже какой-то свой личный фонд создала, " что-то там свет". То ли " теплый свет", то ли " Добрый свет", не суть. Но я пригласил ее пару раз на наши с партнёрами мероприятия, чтобы Анна могла рассказать о своем фонде, привлечь потенциальных инвесторов. И надо сказать, у нее это получалось весьма неплохо. Фандрайзинг был ее стезей, эта девочка с ловкостью Робин Гуда освобождала толстосумов от энных сумм денег. Правда, совершенно безнасильственным методом. И также передавала деньги бедным.

После Анна очень благодарила меня, спрашивала про Леру. Я не стал ее расстраивать до конца, ведь стоило мне сказать, что мы не разводимся, но пока взяли тайм-аут, да и Лера с учебой улетела разбираться, как у Ани вытянулось лицо- так сопереживала. Эта милая пухленькая девушка с озорной смешинкой в глазах поистине родилась с огромной душой, мне было приятно с ней встретиться, поговорить. И вдвойне приятнее узнать, что она-таки бросила того типа, что был недостоин даже не мизинца.

Кстати, надо отдать должное и ее хватке, умению быть собранной и серьезной, когда дело того требовало. Такая, маленькая золотая рыбка с зубками акулы.

То и дело открываю телефон с фото Артема. Как похож. Меня немного выбило из колеи то, что типа у подъезда тоже зовут Артем, но тут я вспомнил всё своё недоверие к Лере в прошлом, и понял, что если сейчас начну опять идиота врубать, она меня в жизни не простит. А этого я не планировал.

Теплое чувство затопило изнутри- у меня снова есть семья. И я не я буду, если потеряю ее второй раз. Я и так должен Леру на руках носить за то, что она решилась оставить беременность — в ее случае риск был очень высоким.

Валерия:

— Лер, ты не руби сгоряча. Он ведь — отец. — заискивающе смотрит на меня Эдуард.

Но тут Стелла обрывает его:

— Хорош отец, что и знать не знал о сыне.

— Ну он не виноват. — защищает Соболева Эдуард.

— А кто виноват? — взрывается Стелла — Господь Бог?! Инопланетяне?! Рептилоиды?!

Увидев, как испуганно суксился на моих руках Артёмка, Стелла тут же замолкает. А потом шипит на мужа:

— Ну вот, только Артёмку напугали. Темушка, иди ко мне — она встаёт, протягивая руки к внуку- иди к бабушке. Дай мамочке спокойно покушать.

Я отдаю Артема Стелле, а сама задумчиво передвигаю вилкой ломтик яичницы. Снова в моей жизни крутой поворот на 180 градусов. И что делать, я не знаю.

— Лера, он ведь ничего не хочет. Ты же понимаешь, что с его деньгами, связями он мог бы запросто и отобрать Темушку? — вкрадчиво продолжает заделавшийся в адвокаты дьявола Туманов.

Стелла тут же фыркает:

— Ты посмотри. Не отнял ребенка у матери? Надо же, ну герой прямо, куда ему в ножки кланяться?

Унося Темика из столовой, она оставляет нас наедине с Эдуардом. И тот не упускает шанс, снова напирая на меня:

— Лера, ты ведь знаешь, мы тебя любим как родную дочь, хоть и поздно обрели тебя. Но вспомни себя, вспомни каждого ребенка в детском доме. Вспомни, как мечтали они о семье. И им было все равно, какие у мамы с папой отношения. Любят ли они друг друга или нет. Главное для ребенка всегда- родители. Сколько было деток, у которых остались одна мама или один папа, а потом с ними что-то случилось. И некому было их забрать.

— Так, — хмыкаю я- это ты на что намекаешь, что долго не протяну- пытаюсь юмором закрыть ту брешь, что разбередил своими, по сути, верными словами, Эдуард.

— Нет, ты что! — испуганно округляет он глаза- тебе ещё жить и жить. Я просто говорю, что тебе за двоих думать теперь нужно. Тема отца родного любить будет, счастлив будет, что такой отец у него.

И тут же добавляет, накрывая мою руку своей:

— Я не прошу ничего сверхъестественного. Просто не запрещай ему Тему видеть, да не руби с плеча?

— Хорошо, — вяло киваю я, не зная, буду ли следовать этим советам.

Уже на работе меня застигает звонок с неизвестного номера:

— Да?

— Валерия? — этот голос я узнаю из тысячи. Соболев. Я уже не удивляюсь тому, где и как он нашел мой номер. Человек, что приехал ко мне домой и забрался в квартиру, по определению способен на многое- Я хотел бы поговорить с тобой. Скажи, когда ты будешь свободна — и я подъеду.

Ну вот, ничего нового. Вроде бы, пару лет прошло, а он ни капли не изменился. Все

такой же самоуверенный любитель раздавать приказы. Он не спрашивает моего согласия. Просто говорит о том, чтобы я сообщила ему удобное время.

— Извини, я буду занята всю неделю, у меня нет времени. Позвони на следующей — с садистским удовольствием отключаю звонок, уже предвкушая, как на следующей неделе тоже скажу нечто подобное.

— Лер, у нас тут от Арт пространства приглашение в Гостином дворе, мы как? — Юля аккуратно доедает пирожное, подставив под руку с ним ладонь другой, согнутую в форме лодочки, чтобы не раскрошилось ненароком на документы. Впрочем, это не помогает, и рабочий стол у Юли всегда в крошках, капельках от чая или кофе, мелких конфетках или листовках с доставки еды, которые она бережно хранит. Артем даже в шутку предлагал ей курировать новое направление, фуд арт.

— Я подумаю, Юль, — у нас сейчас довольно напряжённо с финансами, а там затраты на экспозицию, транспортировку и кучу остального. Да и мастера больше привыкли в последнее время к электронным торгам.

— Пошли кофе выпьем, а? А то ты вялая сегодня как у Давида под листиком* — юмор Артема иногда бывает совсем специфическим, но Юля едва не давится пирожным, прикрывая рот ладошкой.

— Нет, Тем. Вон, Юля хотела- зная о симпатии Юли к Артёму, решаю выступить в роли Купидона. Да и ему пора давно дать четкий ответ, не тешить ненужными ожиданиями. Вот только почему этот четкий ответ я решила дать как раз в то время, как вернулся Соболев? Об этом я даже думать не хочу. Как и о нем вообще. Вернулся на мою голову. Ни тебе "прости", ни "я был неправ". Нет ведь. Пафосное "ну, может начнем все сначала?" или приказное "нам надо поговорить, когда ты свободна? Я приеду"- нет уж, извините.

Да и вообще, дел по горло. Нужно выкинуть его из головы. Плюс вторую половину дня я решила провести с Темой.

Когда я приезжаю к Тумановым за сыном, то сразу понимаю — что-то не так. Стелла красная как рак, а Эдуард белый как мел. Кажется, каждого из них сейчас хватит удар.

— Что случилось, где Тема?! — рычу я, пролетая мимо них, в детскую. Уже заранее зная, что Темика там не будет.

— Где он?!! — у меня начинается истерика, я знаю, где мой сын!

— Лера, пойми, мы не могли. Он отец по документам... Он показал... — начинает мямлить Эдуард, а Стелла больно пихает его локтем:

— Да замолчи ты! От тебя одно расстройство! Это ведь ты говорил, что он — отец, что нужно дать шанс. Дал?! — надвигается она на него- А если он сейчас ребенка из страны увезет?! Сейчас же по новому закону можно, если запрета нет.

Мое сердце стучит как бешеное, когда я вылетаю из дверей, спотыкаясь, бегу к машине...и замираю, видя как по садовой дорожке ко мне направляется Святослав, держа на руках моего...нашего сына и несколько пакетов. Тема счастливый, чуть измазанный в чем-то блестящем на щечках, в руках у него игрушечный мягкий трактор.

— Па-Па-Па- лопочет он, а в глазах Святослава я читаю такую безграничную любовь, что это бьёт под дых. Как я смогу отнять ребенка у отца, что так его любит, что с таким восхищением в глазах наблюдает за каждым малейшим движением. Боже, я и не думала, что это будет так трудно. Мои глаза стали подозрительно влажными, когда я увидела их сходство. Как большая темная голова склонилась к своей маленькой копии. Как счастлив

сын.

— Куда вы ездили? — вырвалось взволнованное. Святослав лишь улыбнулся мне. Таким счастливым, наверно, я вижу его впервые. Даже немного зависть кольнула — со мной он таким не был. Но тут же я осадила себя — ревновать к родному ребенку? Да и ревность означает, что он мне не безразличен, а это не так! Ведь не так?

— Пойдем в дом? Я ведь сказал, что скоро приеду. Просто хотел компенсировать сыну хоть немного из того, что не мог дать за это время — он кивком указал на пакеты.

— Нет, я... я приехала, чтобы забрать Тему и отвезти к себе.

— Хорошо, давай тогда я вас довезу.

Тема вдруг начал хныкать и тянуть ручки ко мне. Умничка мой.

Почти выхватив ребенка из рук Соболева, я поспешила к машине. Усадив сына в детское кресло, я с открытым ртом наблюдала, как огромная фигура Соболева влезает на сиденье рядом с ним вместе с кучей пакетов.

— А что происходит? — возмутилась я, а он лишь ухмыльнулся в ответ.

— Мы едем к тебе, поговорить. Вот ведь и время нашлось, да?

И я, точно робот, села за руль, изредка кидая взгляды в зеркало заднего вида. Тема с отцом уже освоились, играя то в сороку-воровку, то в ладушки.

Что задумал Соболев? Ни на минуту не поверю, что он исправился, что стал таким добрым и чудесным.

Когда мы дома в четыре руки раздели Тему, отправив его в манеж с новыми игрушками, я засмушалась, не зная, что делать дальше:

— Чай будешь? Или кофе? Я сделаю — не дожидаясь ответа, я попыталась прошмыгнуть мимо его большой фигуры на кухню. Там уже крикну, уточню, что именно.

Его большие руки обвилились вокруг моей талии, а носом он уткнулся в мою макушку, некоторое время просто обнимая, прижимая к себе. Затем, чуть отодвинувшись, прохрипел:

— Спасибо тебе, Талова, (о, а это — нехороший знак, раз больше не "Валерия", и девичью фамилию вспомнил) за сына.

— Всегда пожалуйста, — попыталась отшутиться я, изворачиваясь в его руках, чтобы выбраться из захвата. Но сделала только хуже — повернулась к нему так, что наши тела встретились. Его, большое и твердое, и мое, маленькое и с плавными женственными изгибами. Я словно со стороны наблюдала, как же это безумно сексуально смотрелось. А, может, просто у меня давно ничего не с кем не было? Вернее, ни с кем, кроме Соболева. А он, гад, увидев, как мои щеки залились румянцем, а дыхание участилось, придвинулся ещё ближе:

— Ты ведь тоже помнишь, как нам было хорошо? — вкрадчиво начал он, овеивая теплым дыханием мою шею. Ой, а я и не заметила, как невольно потянулась к нему, привстав на цыпочки.

— Отпусти! — зашипела я, ударяя по его рукам. И Святослав беспрекословно разжал руки, приподнимая их вверх.

— Еще раз так сделаешь, и будешь ребенка забирать только у няни! Ясно? — разозлившись то ли на себя, то ли на него, то ли на свою реакцию на него, я ляпнула невесть что. Няни у нас не было, с этим неплохо справлялась Стелла, обожавшая внука.

— У Темы есть няня? — тут же проявил свою осведомленность Соболев, а я громко крикнула с кухни:

— Доведешь — найму! Тебе чай или кофе?

— Чай.

Когда я вошла в комнату с подносом, на котором дымился небольшой чайничек, рядом стояли две маленьких кружки и вазочка с конфетами, то увидела, как дружно мои мальчишки играют.

Я едва не расплескала чай, наклонившись над маленьким столиком. " Мои мальчишки"? Что за бред?

— Лера, — не поворачиваясь начал Святослав, по очереди выдавая невероятно довольному Теме маленьких зверей из мягкой корзины — Я не просто так приехал, я хочу семью. Я, ты, Артем.

Меня как оглушили- семью? Очередная манипуляция? Пока Тема маленький, поездить мне по ушам?

Но когда он повернулся, в его взгляде я прочла любовь. Не только к сыну- ко мне. Я отставила чайник в сторону- все равно руки дрожат, пролью.

— Я люблю тебя, Лера, — хрипло продолжил он, а затем добавил- и любил все это время. Я знаю, ты считаешь, что я бросил тебя. А я считал, что не нужен тебе. Что ты... — он буквально поедал меня взглядом — Ты найдешь себе парня своего возраста, у вас будет семья.

— Не начинай — вдруг разозлилась я- И про ребенка ты поэтому ничего не хотел слышать? — мои глаза метали молнии. Зачем он лжёт?! Зачем?

— Лера, я просто приказал, чтобы тебя некоторое время никак не связывали со мной. Хотел дать тебе шанс устроить свою жизнь. Нормально устроить. Без моего давления, с выбором.

— А когда я приезжала к тебе?! Рыдала там у ворот, беременная?! Сидел, наверно, в доме, по камерам смотрел и смеялся? — я уже осознаю, что это не так, что Соболева действительно не было в этот момент дома и в стане, но обида не отпускает.

— Лера, — бросается он ко мне, обнимая мои колени. Стаскивая, усаживает меня на себя, жадно целуя лицо, сжисая голову руками- Я виноват во всем. Только я! Если бы я сразу поверил тебе! Если бы сразу признался в своих чувствах, если бы не вел себя как больной урод! Ты ненавидишь меня сейчас, я это понимаю. И не прошу тебя ни о чем. Просто пожалуйста, дай нам шанс? — он пытается заглянуть в мои глаза, а я плачу, не скрываясь. Сколько я готова была отдать за эти слова пару лет назад?! Да всё на свете. Когда я любила его.

А теперь внутри меня словно выжженная земля. Он мне родной, да, я не спорю. Совместный ребенок навеки объединяет двух людей. Но больше? Я не знаю. Огромная обида на него как снежный ком нарастала все это время.

Сколько раз я представлялась себе вот такую же ситуацию в мечтах- приходит Святослав, раскачивающийся и умоляющий о прощении. А лишь громко смеюсь ему в лицо, разворачиваюсь и ухожу. А сейчас? Растаяла, будто мы лишь вчера виделись.

Я пытаюсь соскользнуть с его колен, но он держит крепко:

— Пусти.

— Лера, я не смогу тебя отпустить, никогда больше. Это просто выше моих сил. Я люблю тебя. Я готов на что угодно- хоть встань сейчас и от души дай мне в морду, за все эти годы, что был не рядом. Хоть как, но я буду добиваться тебя. Не из-за сына, не из-за того, что должна быть семья. Я люблю тебя, понимаешь?

И тут я совсем расплакалась, уткнувшись в его плечо.

За что он так со мной? Почему жизнь так несправедлива- недавно за эти слова я готова была отдать все на свете. А сейчас? Сейчас они же испортят наш с Тёмой устоявшийся жизненный уклад

*Имеется в виду Давид Микеланджело

Валерия:

Святослав действительно ушел, проигравшись с сыном, выпив немного чаю. А я как послушная собачка едва не побежала следом — так пусто стало вдруг в доме без него. И это- в квартире, что даже нам двоим с Темой маловата была.

Машинально взяла кружку, из которой пил Святослав, прижавшись губами к тому месту, где лишь недавно были его губы. И тут же, с глухим звоном, отставила, испуганно глянув на кровать Темы- не разбудила ли? Но Тема спал как ангелочек, сжимая в руках зайчика — сказочника.

"Так, если я не хочу сойти с ума, набросившись на Соболева, мне нужно сходить на свидание. Возможно, с продолжением "- не совсем здраво рассудила я. Вот только с кем, как? Может, в каком приложении зарегистрироваться?

Мне и смешно, и хочется плакать- во время беременности и после родов мне и дела не было до любых взаимоотношений между полами. Мужчина вообще не умещался в нашу с Темиком насыщенную жизнь. Ну, разве что чтобы мужчина помог дверь открыть в подъезде или коляску поднять, когда лифт ломался. А это было частенько. Стелла вообще до ужаса обижалась, что я не живу с ними, в доме, а снимаю " халупу", как она называла мое жилье, даже ни разу не увидев. Впрочем, и от истины она недалеко ушла. Квартира была весьма печальной. Я даже удивилась, что Соболев, явно у такому не привыкший, ни слова не сказал мне по этому поводу. Не взбрыкнул, что сын должен жить в других условиях. Не стал бравировать своими возможностями и ресурсами, чего я больше всего боялась. Первое время после родов мне вообще казалось, что вот сейчас, в это самое мгновение, дверь в квартиру распахнётся- и Соболев с перекошенным от злости лицом, кучей охраны, полицией, опекой силой заберёт у меня Тему.

Уже засыпая, подумала, что если бы можно было отмотать время вспять, я бы призналась ему в любви в тот последний день. И руками и ногами вцепилась бы, не отпуская, пока не признается тоже. Впрочем, будь у меня такая возможность, решимости бы не было снова. Да и зачем я забиваю себе голову этой ерундой? У меня ведь к нему не любовь, даже не привязанность. Просто тело вспомнило то, что давал мне, молодой женщине, этот мужчина. Такое может дать любой. Тот же Артем.

Я уснула, но ночью мне снились " всякие непотребства" как выжался о некоторых наших произведениях из галереи Эдуард. Проснулась я невыспавшаяся и разбитая. Все ещё не понимая, почему ни вчера, ни позавчера я не то, что не указала Соболеву на дверь, но даже и вела себя с ним вполне себе вежливо. Может, потому что он перестал включать режим " я здесь власть"? Возможно. Но отчего так щемит на сердце? Словно только его и не хватало для полной картины мира, счастливой картины? Может, нужно к психологу походить? Закрывать гештальт из детства, что, мол, счастливая семья- это лишь полная семья.

На работе весь день хозяйствует Юля, сегодня она встречается с нашими мастерами. Скульпторами, художниками, дизайнерами, мастерами по мебели, аэрографии и ещё куче новых направлений. Я нужна буду лишь вечером- выбрать из тех, кого отберёт она, заключить с ними договоры (вернее, подписать часть, что уже будет готова, а завтра Юля впишет туда данные тех, кто участвует).

Значит, у нас с Темой снова время для себя. Я решила выйти во двор, прогуляться. Так, как дети обожают улицу, прогулки, не любит этого никто. Первый снег, сочная зелёная травинка, яркие цветочки, весенний ручеек или прозрачная тонкая льдинка зимой — все это вызывает у них просто дикий восторг. Они открывают для себя мир со всеми его красками.

— Тем, нельзя снег в рот брать. Он холодный и грязный — пеняю я сыну, что уже начинает смешно морщить носик. Собирается расплакаться, но тут его внимание привлекает большая мужская фигура, что направляется к нам. В его руках пакеты с логотипом дорожущего магазина игрушек. Зарабатывая в основном картинками я только мимо него могла ходить, мечтая, что вот устрою свою выставку века- и накуплю в нем Теме всего, что душа пожелает.

— Привет, сын, — раскинул руки в стороны Соболев, поставив пакеты на скамейку рядом со мной- Я скучал по тебе.

Я невольно замерла, глядя как шустро Темик, переваливаясь с ножки на ножку, семенит к Соболеву. И на то, какой Соболев красивый — время ему даже идёт на пользу. Внешность стала чуть суровее, но ещё мужественнее вместе с тем.

— Здравствуй, Лера, там и тебе есть подарочки- подмигнул мне Святослав, слегка подкидывая сына в воздух.

Поймав себя на мысли, что я едва не растаяла той самой снежинкой на ладони, забыв всю боль, что он мне причинил. Забыв, как он вышвырнул меня из своей жизни? Это помогло собраться, придав необходимой для защиты злости:

— Здравствуй. Мы уже говорили об этом- от тебя мне ничего не нужно. Сыну можешь брать все, что считаешь нужным, это справедливо. Но между нами никаких даже приятельских отношений- выдав эту тираду на одном дыхании, покраснела и отвернулась, жадно глотая воздух.

Святослав, выглядевший странно спокойным, согласился:

— Хорошо. Я погуляю с ним? Ты можешь пока отдохнуть, на лавочке посиди или домой зайди, я его подниму позже.

— Нет, я не устала. Я просто рядом побуду. — меня даже сама мысль о том, чтобы его наедине с сыном оставить, пугала. А вдруг только того и ждёт — заберёт и всё, поминай, как звали.

Конечно, здравый смысл говорил о том, что Соболев мог это сделать в любой момент. Деньги, связи, положение. Вон, как известный футболист, то ли Кержаков, то ли ещё кто- по одной схеме со всеми женами шёл, первым подавая на определение места жительства ребенка с ним и на алименты на мать. Попутно обвиняя бедняжек во всех грехах — от измены до употребления черт пойми чего. А все зачем? Зарплата ведь у футболистов белая и огромная, естественно, терять ее, раздавая на алименты даже родным детям, не хотелось. А так даже три няни вместе в месяц ему обойдутся дешевле, чем алименты платить жене.

Я нахмурилась, вспомнив, как однажды Стелла в лоб спросила меня, почему я не подаю в суд на Соболева. У него ведь, помимо обязанности ребенка своего содержать, обязанность и всем, нажитым в браке, делиться. Стелла тогда даже ещё пошутила- пускай даже вместе не жили долго, суд сочтет, что хозяйство не вели, но и за ре несколько месяцев брака он явно большие деньги получал от сделок. Плюс ребенку положено. Наследство. Конечно, я лишь посмеялась над такой вольной трактовкой законодательства Стеллой, но сейчас, глядя на крутую представительскую иномарку, что стояла чуть поотдаль площадки на вышедшего покурить водителя, я с ужасом понимала, что даже вот с этим у меня уже нет ресурсов

бороться. Ни связей. Ни друзей. Ни денег. Реши Соболев прямо сейчас схватить ребенка — он увезет его в считанные секунды, да и тест ДНК для него не будет преградой.

Пока отец катал Тема на качелях или карусели, я следовала за ними, безмолвная и незаметная, как тень отца Гамлета. То ли я накрутила себя, то ли меня выбила из коллеи эта внезапная чисто мужская идиллия между ними, но мне становилось все хуже и хуже на душе.

— Эй, Талова, что с тобой? — Святослав нахмуренно вглядывался в мое лицо, а Темик сидел у него на шее. Отец держал сына руками за спинку, слегка наклонив вперед, чтобы тот не упал. Тема был дико счастлив от такого небрежного с собой обращения. А мне стало по-настоящему страшно. От мыслей, что роились в голове. Но вслух я лишь прошипела:

— Не нужно так делать! Он сейчас может упасть и сильно удариться! И вообще, нам пора. Уже холодно- я подошла к Соболеву, вытянув руки. Он не стал спорить, снимая сына с плечей:

— Мама у нас сегодня не в духе, да, Тема? — затем, кинув на меня какой-то странный задумчивый взгляд, быстро предложил, пока я не убежала с Темой- Давай пакеты до двери донесу?

Пришлось согласиться. Чувствовалось, что я как канатоходец с закрытыми глазами- должна делать каждый шаг выверенно, аккуратно. Чтобы, не приведи Господи, не задеть Соболева. Но и не дать ему надежду на нечто большее.

Я миллиард раз повторяла себе в этот день, перебирая с Темиком игрушки позже, что я- не Святослав. Это он позволял себе грубость, жестокость, злость. А я должна быть выше всего этого, действовать лишь в интересах ребенка. И не позволять себе никаких эмоций, ни, положительных, ни отрицательных, в отношении того, кто когда-то превратил мою жизнь сперва в ад, потом — в рай, а после отшвырнул как использованную вещь.

Сейчас, спустя годы, это уже не важно. Пережила, перегорела- иду дальше. Я должна быть в отношении Соболева точно биоробот- никаких эмоций, никаких чувств. Только сведённое до минимума общение по Теме. И всё

Святослав:

Даже запах Таловой — все тот же. Я схожу с ума по нему. Когда она как маленькая нахохлившаяся птичка грозно встала передо мной, уткнувшись почти в грудь лицом, чтобы снять Темку с моей шеи, к стыду своему нужно признать, что стояк у меня был каменный. Как же не сорваться? Действовать медленно, верно, постепенно, как советует долбаный мозгоправ, которого я начал посещать? Да, вот такой вот позор. Никогда не думал, что скачусь до подобного. А ради этой мелкой пошел вперед, сдаваться, с вытянутыми лапками.

Мозгоправ, конечно, самый крутой в наших кругах. Говорят, одного олигарха выгнали из депрессии, когда активы под санкции попали. Ну и так много хороших рекомендаций от серьезных людей. Так вот, этот чудила на полном серьезе сказал, что я должен Лере свой выбор предоставить. Мол, не дал я его ей тогда, и сейчас за это она обиду таит. Поэтому если даже с кем встречаться начнет — молчать я должен в тряпочку и терпеть. Но в то же время страшно для женщины то, что бросили ее, ненужной почувствовать себя заставили. Поэтому не просто наблюдать как дятел безвольный я должен как обхаживает хахаль Леру, но и все время говорить и показывать, как мне она самому нужна. Как я даю ей выбор, но в то же время жду, в любое время, любую секунду.

Когда вот половину из этого д. рьма мне докторишка этот прогнал, то, видно, заметив, как мои глаза кровью наливаются, а руки так и сжимаются в кулаки, то тут же свернул сеанс, сославшись на то, что и так достаточно для первого раза. Ну а потом подинамил меня как баба пару недель, дескать, то не может, на конференции, то ещё что. Я теперь понял- он мне хоть немного подостыть дал, свыкнуться, пообжиться с мыслями о таком моем поведении. Отдавать, а не жадно хватать то, что так желаемо, но недостижимо. И ждать. Как тот самурай из поговорки.

Это, конечно, не было невероятно сложно. За эти годы я привык к тому, что вообще ничего не знал о Валерии. Множество одиноких вечеров подрывался, собираясь пробить всю информацию о ней, но всякий раз осаживал себя- я обещал. Я должен. Я прекрасно понимал, что после того кошмара, что она пережила по моей вине, после контроля, издевательств, обвинений, пускай Лера начнет жить. Вдохнет полной грудью.

Часто я думал, что смогу вернуть её, если она даст мне хоть какой-то малейший знак. Хоть крохотный стимул к действию. Чтобы я понял- не просто так она тогда в любви призналась. Но, судя по тому, что изредка доносил мне Сокол через своих ребят, ей было прекрасно как раз-таки без меня. А потом и вовсе я запретил ему любое наблюдение за Лерой. Сам-то давно снял, сперва убедившись, что те, кто так настойчиво искал ее расположения, сбросили теперь со счетов Талову, думая, что я поиграл- и надоела девочка. А раз так, то через нее ко мне не подобраться.

— Свят, тут снова под тебя копают- начальник службы безопасности, подполковник в отставке, хмурил брови, перелистывая документы в небольшой синей папке.

— Иваныч, скажи мне то, чего я не знаю- лениво отодвинул от себя стопку бумаг, очередной контракт.

— Нельзя так беспечно к этому относиться, — пожурил меня старый вояка, захлопывая папку и пододвигая её ко мне — На, считаешь на досуге. Мне кажется, будут пытаться

найти хоть что-то, чтобы в неуплате обвинить. А дальше- дело техники, накинута на тебя столько, что самим на погоны хватит, а тебе- лет на семь.

— Этот номер мог бы пройти при одном условии- если бы я действительно не платил налоги, как там говорится, уклонялся от уплаты?

Иваныч кивнул. Я понимал, что он действительно привык исполнять свою работу на "отлично", но в то же время кто лучше знал меня, чем я сам? После жизни в детдоме, что ни разу сахаром не показалась, я знал, что мои налоги — это нынешняя хорошая жизнь таких вот детей, как я когда-то. Да, естественно, и негласно несколько детских учреждений спонсировалось нашим холдингом, но забирать у них самое важное, деньги на жизнь, чтобы купить себе очередной дом или яхту- нет уж, увольте, я ведь вам не олигарх или депутат. Не патриарх какой-нибудь.

— Слушай, а что там говорят, ты отцом стал? — забежал вдруг глазами по моему лицу Иваныч, демонстрируя совершенно нетипичное для себя поведение. Конечно, взрослый мужик понимал, что раз я это не афиширую особо, то и говорить об этом вряд ли пожелаю.

— Не поверишь, счастливый отец уже как год. — вяло отшутился я, с удовольствием отмечая, как привычная невозмутимость главного безопасника даёт трещину.

— Ну ты... Конспиратор! Поздравляю, пускай растёт здоровым и счастливым... — глаза Михалыча подернуло дымкой нежности- У самого трое внучат бегают "мал мала меньше", как говорится- он хмыкнул, осекшись, — Но ладно, от лирики к насущному- ты бы, Свят, с учётом всего, что случилось, охрану усилил. Да проверкой нужно заняться сотрудников.

— Михалыч, ты ведь не хуже меня число сотрудников знаешь. И что сам каждого не проверишь, а в таком случае всё ради галочки будет, условно. Сизифов труд

Насупившись как ребенок, Михалыч постукивал носком туфли по полу. Я невольно улыбнулся — человек в возрасте, вояка, безопасник, а нервный и обидчивый какой. Ну чисто девица красная.

— Ладно, Михалыч, поручаю тебе этим заняться, — подарил я "конфетку" этому великовозрастному ребенку.

— Спасибо, Свят! Ты не пожалеешь, я найду этих крыс- с жаром заверил меня ободрившийся Михалыч.

И с чего он уверен, что крыс несколько?

В этот день я решил не ездить к Лере, дать ей передышку. Пускай пообвыкнет к моему непосредственному присутствию в их жизни.

Слонялся как идиот по дому с ноутбуком, раз за разом проверяя контракт с китайцами, сам не знаю, зачем, ведь это за меня сделали и юристы, и директора ведомств. Когда пришло время ехать на переговоры, едва ли не подпрыгивая от радости ломанулся вниз, к машине. Без Леры и Артемки теперь жизнь казалась настолько пустой- я хрен знает, как жил так раньше. Даже мороз по коже пробирал, когда вспоминал свое унылое одинокое существование все эти два года. Или когда думал- а вдруг бы Эдуарда "не пробило" на честность? Что тогда? Это приводило меня, взрослого мужика, в состояние реально жуткого страха.

Уже в машине зазвонил телефон, Даша, секретарь:

— Да- коротко бросил, ожидая от нее скупой информации о том, что курьер передал доставку. Я сам не приехал, но подарки Теме и немного- Лере, передал. Сердце замирало как у мальчишки — нашла мой? Наверно, уже примеряет. Хотя, может, гневно отложила в

сторону и при встрече выскажет мне нечто в стиле " все, конечно, чудесно, но мне от тебя ничего не нужно".

— Я звоню по поводу доставки — начала Дарья.

Я подарил ей серьги и колье, с россыпью бриллиантов. Подарил не просто так- перед моими глазами стояла она в свадебном платье, облегающем тонкую фигурку. Плечи открыты, а на шее- колье. И длинные серьги в ушах, с этой прической, что у нее сейчас, будет смотреться просто охренительно. Хмыкнув от того, каким разбирающимся в стиле вдруг стал, потеплевшим от эмоций голосом, добавил:

— Да, что там с ней? Доставили всё?

— Тут такое дело... — начала нервно она, и я живо представил, как сейчас съежилась моя секретарь. Отчего — то Дарья боялась меня как огня. Но работала хорошо, ответственно, остальное мне было побоку. Ровно до этой вот минуты.

— Что случилось?! — рявкнул я в трубку, вызвав недоуменный быстрый взгляд водителя в зеркале.

— Доставить не смогли, ее не было дома. А потом курьер поехал по тому адресу, ну, который работа. Куда цветы передавали- там сказали, что Валерия Феликсовна с сыном в отпуск поехали.

В отпуск?! Талова! Епт твою ж...

— Хорошо! — отключился, наклоняясь к водителю, отрывисто бросил — Планы изменились, сейчас нужно пулей лететь к...

Валерия:

— Юль, спасибо тебе огромное! — слезы наворачивались сами собой, ведь я до сих пор так и не привыкла к тому, что люди могут проявлять ко мне искреннюю доброту, заботу. Как, например, сейчас — Юля, взявшая на себя всю организацию будущего мероприятия, пока мы с Темой будем отдыхать, пила уже третью кружку кофе, чтобы разобраться со всеми делами, навалившимися на нее, но упорно выгоняла меня с сыном за дверь.

Эта мысль пришла сама собой бессонной прошлой ночью. Я ведь два года, считай, без отдыха. Устала. А тут ещё и шанс подвернулся- картину, что так долго не могли сторговаться, купили. Вышла довольно неплохая для отдыха сумма.

"Нет, я не сбегаю позорно!" — твердила я себе, сидя в турагенстве, нервничая, пока до приторного слащавый менеджер подбирал тур. Мне просто нужно немного успокоиться, подумать, расслабиться. Соболев как снег на голову свалился, и пусть даже сейчас, зачем-то, пытается быть милым и нетребовательным, но я вижу, как тяжело это ему даётся. Какой огонь в глазах загорается, когда он буквально переламывает себя, заставляя пойти наперекор желаниям.

Да и обида так захлёстывает, что мне самой страшно. Я думала, переболела, пережила, ан нет. Такая жгучая ненависть охватывает порой, така, обида. Притом, не только за себя — за сына. Явился- не запылится! Столько пыталась связаться, столько унижалась- и ничего. А тут, видите ли, он вдруг захотел. И все должно быть так, как он хочет. А завтра опять передумает? Как было со мной? Не дай Бог, Тему из жизни вычеркнет. Ну уж нет, я за своего ребенка...

Вещи полночи и утром собирала в спешке. Тумановым уже оттуда наберу, да и все равно Стелла садом своим небольшим занялась, как раз не до нас будет, хоть и обожает она нянчиться с Темиком.

Артур, вот кто расстроился. Он, оказывается, собрался меня на свидание приглашать. Ну, как свидание, звучало это как очередное приглашение поужинать. И если раньше я с удовольствием их принимала, просто развеяться, да и что скрывать, у Артура прекрасное образование, чувство юмора, то теперь это тяготило меня- он все больше и больше проявлял ко мне симпатию. А я не знала, как можно тактично это оборвать.

— Не за что, — отозвалась Юля, тут же ахнув- Тема, а ну-ка брось!

Я метнулась к сыну — тот уже почти до конца запихнул в рот стебелёк от цветка из букета на моем столе. Да, букет тоже принес Артем. Естественно, бросив нечто в своем стиле "я просто для поднятия настроения". Но ведь остальным так настроение он ни разу не поднимал.

— Тема! — заворчала я, забирая у недовольно насупившегося сына остаток цветка.

— Я тут, и жду вас, — появился в дверях тезка сына. Артем поднял ключи от машины вверх, поигрывая ими — вещи загружены, автомобиль подан.

Я ещё раз оглядела офис, попрощалась с Юлей, взяла Темика на руки, натянув его теплую вязаную шапочку в виде дракончика (ещё один из внезапно открывшихся талантов Стеллы, помимо увлечения садоводством), и пошла за Артёмом.

— Лер, мы так и не поговорили, — начал Артем, косясь в зеркало заднего вида- Я бы

хотел...

— Тем, давай как прилечу, а? — испугалась я, что сейчас начнется нечто серьезное. Нечто, к чему я совершенно сейчас не готова. Даже больше- бегу от подобного.

Артем нахмурился, но лишь кивнул, продолжая смотреть на дорогу. Несколько минут я возилась с Темиком, предлагая ему то пауч с пюре, то погремушку, то — прядь своих волос в качестве игрушки. А затем, когда маленький энержайзр выдохся, стал устало зевать и закрывать глазки, принялась будить его — если выспится в дороге, то за несколько часов перелета устроит мне и окружающим концерт. Никак нельзя давать ему уснуть сейчас.

— Давай песенки детские включу? — Артем стал нажимать на руле поиск радиостанций, пока, наконец, не остановился на чем-то близком к детскому.

— Лер, слушай... — начал было он. Я повернулась, смахнув челку со лба. Темик захныкал, желая, чтобы от него отстали и дали поспать.

— Что? — сама не заметила, как это прозвучало недовольно. Артем лишь пристально взглянул в зеркало заднего вида, куда-то позади меня, а затем отрицательно качнул головой:

— Нет, показалось.

— Ага, — буркнула я, сердясь на себя за такое поведение. Артем все же вызвался довезти в аэропорт, да и просто всегда помогает. Притом, вне зависимости от того, принимаю ли я его ухаживания или нет

— В смысле не действителен? — я тупо пялилась то на загранпаспорт Темика, то на девушку за стойкой регистрации, пытаюсь понять, о чём идёт речь. Как может быть недействительным загранпаспорт почти младенца? Ну как?!

— Тут ещё и запрет на выезд от отца — огорошила она меня, с неприязнью поглядывая. Будто я похитила своего собственного ребенка, а теперь пытаюсь вывезти неизвестно куда!

— Ясно, спасибо. — бросила я, разворачиваясь обратно, одной рукой толкая вперёд ставший вдруг нереально тяжёлым чемодан, а другой удерживая Тему на боку. Соболев! Будь он неладен! В отца решил поиграться?! И это мне- вместо благодарности за то, что не стала врать о том, что Тема- его сын. Не стала препятствовать общению. Ни словом, ни делом не заикнулась о том, как тяжело мне было одной все это время. Вот вам наше "спасибо", значит?! Получите- распишитесь?! За моей спиной и документы оформил, и отцовство, и запрет?!

Злые слезы застилали лицо, пока я размашисто шагала вперёд. Тема, будто почувствовав мое состояние, притих.

Внезапно гулкий звук оповестил меня, что чемодан, который я с яростью упорно толкала вперёд, в кого-то врезался. Подняв глаза чтобы извиниться, я увидела того, кого сейчас видеть желала бы меньше всего на свете. Соболев!

Зато Тема оживился, потянув ручки к отцу. И снова мое предательское сердце защемило- виной всему собственное детдомовское детство.

— Лера, давай поговорим? — вопросительно глядя на меня, гладил пальчики Темы.

— О чем? — ядовито бросила я- О том как ты снова начинаешь рушить мою жизнь? О том, как считаешь, будто весь мир вокруг тебя вертится?! Или о том, что то тебе не нужен был ребенок, а то вдруг понадобился?! — краем глаза я замечала, как с интересом подглядывают в нашу сторону пассажиры с кресел в зале ожидания, но остановиться уже не могла- Темой сейчас играешь как мной тогда, а надоест — тоже бросишь?!

— Лера, ты неправа. Я не знал о ребенке — заходил желваками Соболев, но меня уже

несло.

— Не знал как дети делаются?! — попытавшись оттолкнуть его, больно ударила ребром ладони о грудку мышц груди, зашипев от боли. Темик испугался, скривившись так, будто сейчас расплачется- Не догадывался даже, что если спать без предохранения, то могут быть дети?! — перехватив Тему поудобнее, чуть не выпустила ручку чемодана.

— Давай подержу? — хриплым голосом проговорил Соболев, протягивая руки к сыну. А на меня вдруг потеряете накатил дикий иррациональный страх. Стоит лишь отдать Тему — и всё, больше не увижу своего ребенка. Он ведь столько может- я несколько минут назад убедилась в его возможностях.

— Нет! И вообще- не лезь к нам! Иначе подам в суд! Пойду на телевидение, куда угодно! Расскажу, что домогался ещё в детстве, поэтому все и устроил! Я опозорю тебя так, что сядешь! Ты слышишь, сядешь! — уже почти в истерике рыдала я, всё больше пугая Тему. К нам направился один из охранников зала, но Соболев властным жестом остановил его. Мол, сами разберемся. А затем случилось то, чего я никак не ожидала — ухватив меня на руки, Соболев шепнул мне " Темку крепче держи" и понес к выходу под шепотки вроде " а это что, кино снимают?".

— Чемодан... — глупо икнула я, с удивлением отмечая, как легко Соболеву нести нас двоих, и как счастлив Тема, восседая на мне словно царь.

— Давид заберёт. — небрежно бросил Святослав, имея в виду, конечно, кого-то из своей охраны. Вот ещё одно отличие в миллиарде их между нами — с ним часто ездила машина охраны. Бизнесмен, блин.

Когда мы подошли к его Ауди, до меня дошло, куда так косился "Артем- взрослый", пока вез нас сюда- эта же машина следовала за нами, то почти обгоняя, то сбавляя скорость.

К моему удивлению, в машине стояло детское кресло. А на подлокотнике уютно расположились книжки и игрушки, а также печенье, сок и водичка. Подготовился.

После сцены в аэропорту я была морально опустошена. Хоть злость ещё и не остыла — слетали, называется, отдохнуть. Я ведь почти все деньги вбухала в эту поездку. Думала- ну, летают же люди, чем мы хуже. Девять часов дороги, зато кусочек лета среди зимы. А теперь...

— Лер, ты чего? — перегнувшись с сиденья напротив, взял меня за руку Святослав. Я попыталась выдернуть руку, но он не дал- это из-за отдыха?

А меня разобрала обида- ну надо же, когда хотим, оказывается, мы прекрасно все понимаем?! Вспомнились все наши недомолвки, обоюдная почти осязаемая ненависть, особенно в первое время. Все то, что я прятала долгие месяцы, прорвалось наружу:

— Отпусти. — ледяным взглядом пронзила его лицо- Отпусти!

И он послушался.

— Куда мы едем? — злобно бросила я, соображая, как же напугать этого мистера " я все могу" так, чтобы он понял- я тоже что-то из себя представляю. С моим мнением тоже следует считаться.

— На отдых. — отрывисто бросил Святослав, с умилением во взгляде подавая игрушку Теме.

— В смысле " на отдых"? — не сообразила я.

— Ну, ты же хотела отдохнуть? Я не против, но я не хочу упускать сына, тебя. Я буду рядом, но не навязываться. Да и втроём веселее. — подмигнул он.

Что, простите?! Снова началось?! Откажусь- в подвал посадит? Так некстати

вспомнилось то, как плачу там, прижимаясь к холодной стене. Ну уж нет!

— Вообще-то мы и так должны были лететь втроём! С моим молодым человеком! — заявила я, злорадно наблюдая как вытягивается лицо Собоева. Боже, оказывается, он тоже из плоти и костей?! Его тоже можно принять?

— С каким это " молодым человеком"? — угрожающе приблизился он ко мне, едва не касаясь губами. Я по максимуму отодвинувшись назад, почти вжалась в кожаное сиденье.

— С Артёмом! Не прикидывайся, что не знаешь? — я была наугад, но попала точно в цель. Раз Соболев вернулся, то с ним- и его маниакальная жажда всё контролировать. А, значит, и про мое окружение он уже едва ли не досье собрал. Значит, знает и про ужины с Артёмом, и про цветы, и про его помощь- Мы с тобой общаемся только ради Темы, если помнишь. — проворачивал я нож в ране, с садистским удовольствием отмечая, как кипит внутри Соболев- Как его родители.

— Почему он не поехал с вами? — нетерпяще поинтересовался Соболев, пристально разглядывая меня, будто пытаюсь понять, лгу я или говорю правду.

— Он должен был присоединиться к нам через два дня, как закончит с делами. Ты ведь знаешь, наверно, что он мне с галереей помогает.

Соболев аж зубами скрипнул, сжав руки в кулаки.

— Поэтому, если уж ты собрался с нами на отдых, мне нужно его известить, — с милой улыбкой играла свою роль- Пускай прилетит к нам. Кстати, я совершенно не против, если ты тоже возьмёшь кого-то...ну... Девушку, например. Это так современно. Я видела одну передачу, кстати, из США семьи там. Так вот, у них... — но закончить я не успела. Соболев, ухватив меня за талию, рванул на себя. Терзая мои губы в поцелуе, он обнимал меня, блуждая жадными руками по телу.

— Ты моя...моя, — рычал он прямо в мои губы. И это, надо признать, невероятно возбуждало. Хорошо, перегородка между нами и водителем закрыта. Но Тёма...

— Ой... — приглушённо вскрикнула я, пытаюсь слазить с колен Соболева- Тема смотрит!

— Он ещё ничего не понимает, — хмыкнул Святослав в ответ, но отпустил.

— Зря ты так. Я читала, что вредно при ребенке излишнюю нежность проявлять...Ну, взрослым. А ещё в одной передаче видела... — и тут он тихо засмеялся. Не понимая, отчего, я нахмурилась- это ещё что такое?

Соболев лишь хрипло бросил в перерывах между нарастающими приступами смеха:

— Я уже понял, что на книги и просмотр телевизора у тебя было очень много времени. Нереально много...для той...у кого ребенок, семья и " есть молодой человек"- издевательски выделил он мною же брошенную фразу.

Я покраснела, мысленно ругая себя, что так глупо " спалилась". Конечно, какой там телевизор, если бы был мужчина. А так действительно — мои серые будни, особенно в первые месяцы, когда я словно зомби путала день и ночь, засыпая едва ли не на ходу, скрашивал лишь телевизор. Порой даже фоном, просто, чтобы не чувствовать одиночества. Нет, Стелла и Эдуард навещали, помогали финансово тогда, но я была на таком взводе, подъёме, что никому не позволяла надолго забирать Темушку. Меня Стелла, едва успевающая поиграть с Темой, в шутку даже " мамой-медведицей" прозвала — за то, что даже наспех поглощая еду или занимаясь в кои-то веки работой, пока она помогала с внуком, я все же краем глаза следила за ними.

— Я ну...не так, чтобы постоянный, но у нас с ним уже отношения намечаются, мы на

свидания ходили- совершенно не ясно зачем, стала неловко оправдываться, понимая, как нелепо звучат подобные оправдания.

Соболев, отсмеявшись, вдруг подмигнул мне, криво улыбаясь:

— Я просто тебя " на понт взял", а ты и раскололась. Эх, Талова...

Не выдержав, я тоже тихонько засмеялась, понимая, что проиграла:

— Ну ладно, но ведь даже теоретически у меня мог бы быть мужчина. — продолжала стоять на своем. А Святослав вдруг прекратил смеяться, окинув меня каким-то странным взглядом, значения которого я так и не смогла понять, и кивнул:

— Мог бы.

Little family

Святослав:

На удивление легко оказалось улететь с Лерой и сыном на отдых. Я ожидал больше злости, сопротивления, угроз. Но она сдалась почти сразу, только взяв с меня обещание о раздельном проживании и о том, что раз уж мы оба- родители, и оба будем отдыхать, то по вечерам можем сидеть с Темой попеременно. Один развлекается- другой сидит с ребенком. Естественно, я понимал, что она завела этот разговор больше для того, чтобы позлить меня, но решил не нагнетать. Хочет повыделываться? Что же, ее право. После того, что творил я, эти её "закидоны"- детский лепет.

Глядя на то, как Лера даже во сне насторожено обнимает сопящего Артема, а тот старается повернуться так, чтобы её дыхание оведало его затылок, я сам едва дышал. Сердце мое едва не разрывалось на части от щемящей нежности. Чувства такой силы, какой никогда раньше не испытывал. Вот оно, счастье. Не деньги, не бизнес, не успех или известность — семья. Место, где тебя любят за то что ты- это ты. За то, какой ты есть, не важно, богатый или бедный, глупый или гений мирового уровня, последний урод или модель с обложки глянца. И вот этого я по собственной воле едва лишился? Уверенность в том, что поступаю верно, только усилилась. У Леры нет иного пути, кроме как жить со мной. Любить меня- одно то, как она бойко пыталась лгать мне о мужчине в своей жизни, выдало ее с головой- у нее не только никого нет, она все ещё испытывает ко мне чувства. Да, пускай в настоящий момент это- чистая квинтэссенция обиды и злости, но это уже означает, что я ей не безразличен. А дальше моя задача сделать так, чтобы она смогла простить меня. Загладить вину, хоть это и почти нереально даже в представлении, мыслях — я такое творил. Долбаный мудака!

До отеля доехали быстро, Тема успел перекусить в дороге фиговинной со странным названием "пауч с пюре", которую Лера милостиво разрешила мне открыть и предложить ему. Уже в отеле она затравленно стала озираться вокруг, и я даже без слов сообразил, почему — начинается это её 'уровень, я здесь себя чувствую лишней'.

Естественно, тот отель, что она выбрала для себя с Артёмом, был даже без единой звезды.

— Здравствуйте, господин Соболев и... — девушка на ресепшн замялась, не зная, как обратиться к Лере. Вот тебе и пять звёзд — обычно там сотрудники не туповатые, что зависнут в состоянии "error 404" из-за любой мелочи.

— Госпожа Соболева, моя супруга, — просветил я эту дамочку, что тотчас же пустились в умиления по поводу Темы, сверкая белоснежной улыбкой.

— Вот ключи от вашего номера, — она протянула мне две скретч-карты- Надеюсь, пребывание в нашем отеле...

Не дослушав её тираду, чуть приобняв Леру за талию, повел к лифту. Почувствовав какое-то внутреннее напряжение- будто струна натянута было её тело под подушечками моих пальцев, приподнял бровь в молчаливом вопросе. Как и ожидал, Талову-Соболеву прорвало:

— Ты обманул! Ты сказал, что будут разные номера! Я только поэтому согласилась! Ты обещал!

Усмехнувшись, только поудобнее перехватил сына, пропуская Леру вперёд, в лифт.

— Я не солгал. Номера будут действительно разные. Между ними общая дверь, но она будет закрываться на ключ.

Талова фыркнула, осмелев, признала меня локтем. Скривившись, она стрельнула глазами на карты в моих руках:

— Не вот этот ли? — поддела она, намекая на то, что я смогу заходить в ее номер без предупреждения когда вздыхается. Я было собрался ответить нечто в стиле, что буду предельно сдержан и вежлив, уважительно относясь к ее личному пространству, но тут дыхание перехватило от мыслей о том, как я ночью смогу открыть дверь, как долбаный вуайерист подглядывать за тем, как спит Валерия. Разгоряченная кожа, длинные стройные ножки, грудь самой охренительной в мире формы призывно поднимается вверх...

— Приехали. — нахмурившись, бросила мне Лера, не понимая, видно, в каких облаках я летаю. Она протянула руки, требуя сына обратно. Я опустил сонного Артема в ее объятия, севшим от избытка эмоций голосом бросив напоследок:

— Вот ключ, это твой. Чемоданы поднимут через десять минут. Мы можем переодеться и сразу спуститься вниз, к океану?

— Я...пока не знаю, мы ведь договорились... — попыталась уйти от ответа Лера, но тут завозился Артем, недовольный тем, что стоит на месте вместо того, чтобы куда-то плыть в невесомых объятиях взрослого. И это дало Лере шанс сбежать — я пойду, Тема...

Я кивнул, понимая, что после таких мыслей, что посещали меня всего лишь несколько минут назад, мне тоже не помешает холодный душ. Почти ледяной душ.

— Лера, можно? — я постучал в дверь, подождав пару секунд приличия ради. А затем сделал то, что планировал изначально — открыл ее своим ключом. В номере было пусто. Большая кровать была покрыта вещами, рядом с ней валялся открытый чемодан. В другой комнате слышался звук мультфильма, но никого не было. О том, что здесь кто-то живёт можно было понять лишь по маленьким баночкам детского питания, что Лера привезла с собой, на низком столике у телевизора. Нехорошее предчувствие въедливо засверлило в мозгу — а что, если Талова решила умотать одна на море? Из вредности просто? Красная пелена повисла перед глазами- да мне похер, что она- взрослая. Что как-то все это время справлялась и без меня. Сейчас она со мной.

Я попытался успокоиться, отдышаться, подумать о чем-то хорошем как то велел мой мозгоправ. И краем уха уловил тихий детский смех и шум воды. Они в ванной!

Дверь была приоткрыта. Лера в одних трусиках и бюстгальтере, открываем, надо сказать, весьма аппетитную грудь- ставшую больше, округлее с того раза, как я ее помнил, купала в ванной Артема. Тот залиvisto смеялся глядя на то, как она берет одной рукой пену, а затем резко дует, отчего пена разлетается по всей ванной.

И тут веселье оборвалось- Талова, будто что-то почувствовав, замерла, нервно оглядываясь назад.

— Ты как здесь... — недовольно процедила она, прожигая меня взглядом из разряда " я же говорила".

Я поднял ладони кверху:

— Виноват, прости, — заметил, как её лицо тут же потеряло весь воинственный настрой. Надо взять на заметку — почаще извиняться- Я хотел пойти на пляж. Вместе. — тут я заметил, как она нервно отвела взгляд от моих брюк. Ага, Талова, вот ты и попалась. Видно, давно мужика не было. Телевизор и книги, говоришь?

— Я сейчас его испугаю, он измазался в еде, и можно будет сходиться, — неожиданно смилостивилась Лера, и тут же вскрикнула- Ай, Тёма, больно?

Сын, увидев, что взрослые отвлеклись, тут же ухватил рукой прядь волос Леры, радостно потянув на себя. Естественно, я не мог остаться в стороне, точно доблестный рыцарь промчавшись по скользкой плитке ванной комнаты- спасти свою принцессу от цепких ручек маленького дракончика. Понятно, что просто повод был немного заземлиться здесь, полюбоваться Лерой ещё немного. Но это и сыграло со мной злую шутку — когда я наклонился, почти касаясь ее, такой волной желаний обдало, что едва не разложил ее там, на полу. Благо, сын и обстоятельства...

— Я...эээ...пойду. жду вас тогда, постучишь- отцепив последний светлый волосок от маленького пухлого пальца, я точно идиот попятился назад. Лера недоумевающе захлопала глазами вслед- вроде, только что сам напирал, а теперь исчез как грёбаный Коперфильд

По дороге на пляж с моей унылой физиономией можно было подумать, что шествует траурная процессия. Талова нацепила на себя полностью слитный черный купальник, и, будто желая от моего взгляда укрыться, ещё и обернулась какой-то тонкой материей будто звезда пустыни. Эх, только в моих влажных фантазиях остался тот ее вид, в простых трусиках из хлопка и светлом бюстгальтере. Впрочем, и на этот у меня стояк — только представить, как я ее разворачиваю от всех этих слоев одежды, точно конфетку.

— А это что, все нам? — Лера, увидев отдельное бунгало с накрытым столиком, три лежака рядом и отдельный вход в воду, удивленно обернулась, будто ожидая подтверждения, что все это можно трогать, есть, ложиться. Такая милая и трогательная была в этот момент, что я не мог сдержать улыбки:

— Да. Но в этом — я указал пальцем на почти физически бесившую меня ткань- Туда не пускают.

— Не пускают? — переспросила она, ставя Артема на песок- в смысле? А кто там проверит? — нахмурилась, оглядывая себя со всех сторон.

— Да шучу я, Лер. Шучу. — мне бы себя по башке долбануть кулаком хорошенько. Бедная девочка и не видела со мной другую сторону моей натуры. Обычного человека. Естественно, теперь буквально всё воспринимает.

И снова я любовался тем, как моя женщина (и пускай пока в этом уверен лишь я) и мой сын резвятся в прозрачно-голубой воде. Лениво поднося ко рту виноградины, слушал их смех как самую лучшую в мире музыку. " Вода такая прозрачная" или " Ого, здесь рыбок видно, как плавают"- то и дело до меня доносилось удивление Леры, резавшее по-живому. Бедная девочка, как ей тяжело приходилось все это время. Одной, без денег, помощи, без меня! Ничего, я буду её радовать все отпущенные нам судьбой годы.

Валерия:

Все плохие мысли, обиды оказались погребены под шквалом эмоций. Я, конечно, понимала, что это- временно. Что сильная обида на Соболева выплеснется при первой возможности. Но пока предпочла зарыть даже малейшие проблески этих чувств глубоко внутри себя, наслаждаясь отдыхом с сыном. Он действительно был прекрасен.

После того, как искупались, мы пообедали в бунгало, где были все удобства — и телевизор, и небольшая кухня с микроволновой печью и холодильником, а затем лениво лежали на пляже, под зонтиками, ожидая, пока проснется Артёмка. Я лежала, обнимая сына, на боку, лицом к Соболеву, но старалась не смотреть на его мощную фигуру, на капли воды, стекающие по рельефному телу. Казалось, что все пару лет без нас (вот, уже начинаю мыслить, точно мы воссоединились!) он только и делал, что не вылезал из спортзала. Попыталась, отвернуться, но чуть не разбудила Тему. Отвела глаза, но они предательски вновь и вновь возвращались к его телу:

— Нравлюсь? — хмыкнул он, а я подняла взгляд — и едва со стыда не сгорела. Оказывается, все это время и он следил за мной. Какой позор!

— Нет...я просто...форма хорошая у тебя...Ну, спортивная, — ой, лучше бы молчала. Соболев лишь довольно ухмыльнулся, обернувшись ко мне полностью. Я со злорадством подумала о заскрипевшем от натуги лежаке под ним- вот бы рухнул сейчас, и в таблице позора было бы 1:1.

— Лера, скажи, каким ты видишь наше будущее? — вдруг выстрелил он вопросом, буравя потемневшим взглядом.

Будущее? Наше?

Расслабленность не дала ответить грубо. Впрочем, я редко это делала с кем-либо, кроме него, вообще. Не считаю себя вправе портить настроение чужим людям. Или выдавать хамство, отсутствие воспитания (да-да, вот такие мы, детдомовские, бываем. Зря принято считать, что в детдоме многие дети сами себе предоставлены. У меня например были лучшие воспитатели на свете, книги).

— Мы общаемся ради сына, не ограничиваем друг друга ни в чем- я стрельнула глазами, будто упрекая его- Ну а в остальном, все как и было. Единственное, — не могла не добавить- Возможно, какой-нибудь контракт или что-то в этом роде. Договор...

Соболев удивлённо вскинул брови:

— Договор?

— Да. Чтобы мы прописали на бумаге то, что запрещено делать каждому. В отношении другого. Допустим, как ты сделал с нашим отпуском — хоть мне и понравился этот отдых, но допускать самоуправства в отношении своей жизни впредь я не собиралась. Соболев из тех, кому дай палец- он и руку откусит.

— Но согласишься, тебе ведь сейчас хорошо? — его обволакивающий голос с нотками хрипотцы, до безумия сексуальное тело, придали двойного смысла этому вопросу. Но, обрубив все фантазии на корню, я решила поговорить начистоту. В любом случае это когда-то пришлось бы сделать.

— Сейчас-да. Зато все эти годы, особенно, в самом начале, было ужасно плохо. Это сейчас я успокоилась, эмоции подутихли. Но поверь- приехал бы ты в самом начале, спустя

хоть несколько месяцев, я не то, что не говорила бы с тобой — я бы с кулаками на тебя набросилась.

Повисла тишина. Затем Соболев кивнул:

— Я понимаю тебя. Во всем виноват я и только я.

— Зачем ты поступил так со мной? — помимо воли вырвалось у меня. Хоть я и знала его примерную версию, но хотелось услышать снова. Может, он солгал? А сейчас скажет правду?

— Лера, я думал дать тебе свободу- только и проговорил он, усаживаясь на шезлонге. Скрестив руки на коленях, он напрягся всем телом- Пойми, что я мог тебе дать? Любовь? На тот момент, я не понимал этого. Не знал, что со мной происходит. Внимание? Я был весь поглощён своим горем, да ещё всей этой хренью, что происходила. Ты сама не раз бросала мне, что ненавидишь, что боишься. Потом....

Я вздернула подбородок — ну же, продолжай? Почему он остановился?

— Потом я понял, что ты, по сути, ещё совсем наивный ребенок. Вчерашний ребенок, что видел во мне первого мужчину в своей жизни (сейчас я была благодарна ему, что не стал упоминать деталей. Того, что, фактически, он стал даже не вторым...). Как я мог верить в то, что действительно нужен тебе?

— А сейчас? Что изменилось? — какой-то маленький бесёнок во мне отчаянно желал узнать это, хоть я и уговаривала себя- нам с Соболевым не по пути. От того, что он скажет, ничего не изменится. Никогда.

— Сейчас я понял, что люблю тебя, люблю- его глаза сверкнули неизбывной печалью- своего сына.

— А если бы Артема не было? Ты бы приехал? — попыталась я заглянуть в его глаза. И он честно признался:

— Я не знаю.

— Хороша же твоя " любовь"- поддела я его, чтобы не показать, как мне больно слышать такую правду.

— Лера, пойми. Я думал, что ты счастливо живёшь, встречаясь со сверстником. Что забыла как страшный сон и меня, и всё....

— И ты готов был отпустить свою любовь? Отдать ее другому? — раздирала я свою душу вопросами.

— Тогда-да- многозначительно посмотрел он на меня, наклонившись вперёд.

— А сейчас? — еле слышно выдохнула, стараясь смотреть вниз, на песок.

— А сейчас у меня есть семья. Мы- семья, даже если ты этого пока не осознала.

— Ты сейчас серьезно!? — меня так и подбросило на лежаке. Я едва не разбудила Тему, но успела уложить его поудобнее, подоткнув вместо своего плеча полотенце- Я же говорила тебе, договор, правила! Ты снова не слушаешь меня, решаешь все сам.

— Лера, этого не будет. Никаких договоров, правил. Ты- моя. Просто смиришься. Я мог бы солгать, сказать, что дам тебе кучу времени, выбор. Но я понял, что не смогу- он жадно облизнул губы, окинув меня быстрым взглядом — И то, как ты реагируешь на меня.... Не лги сама себе.

Я остолбенела от его наглости и самоуверенности. Ухватив парео, принялась трясующимися руками оборачивать вокруг себя.

— Ты...ты просто...у меня слов нет. Ты думаешь, вот так пришел, спустя годы, и тебе все простили? И жить начали с тобой?! Семейй? — шипела я- А ничего, что даже если

допустить невероятную мысль, что мы будем жить вместе, то я тебя простить-то все равно не смогу. Это все будет внутри меня сидеть. Начну ненавидеть!

Я и моргнуть не успела, как Соболев подошёл, обхватив меня своими здоровенными ручищами.

— Ле-ра- рвано выдохнул он в мои губы, и нежно, лёгкими поцелуями стал опускаться от губ к подбородку, шее, ключицам. Я нереальным усилием воли запретила себе трогать его, вытянув руки как оловянный солдатик, по швам. Но ласки, такие нежные и не грубые, плавил меня жарче, чем южное солнце. Одна рука его скользнула в мои волосы, пропуская светлые пряди. Он прижал меня ближе, его возбужденный член упирался мне прямо в низ живота, отчего жар растекался по всему телу.

— Я хочу тебя, — прошептал он мне на ухо, отчего мурашки пошли по всему телу. Попытавшись освободиться, я прохрипела:

— Отпусти! Если тебе нужен секс...

И тут Соболев тихо рассмеялся, ласково глядя на меня, он наматывал прядь моих волос на палец:

— Лера, ты искренне считаешь, что в моей жизни мало секса? Или им можно завлечь мужчину? Я люблю тебя. Именно тебя.

Мне отчего-то стало и до невозможности приятно, и жутко обидно- значит, вот оно как. У него достаточно секса? Конечно, куда там мне, что так упыхивалась на работе и с Темой, что даже на свидания времени не было.

— Ну вот, снова накручиваешь- ухмыльнулся он, а затем вдруг подхватил меня на руки и понес в сторону океана. Я взвизгнула:

— Пусти, Тёма проснется или упадет!

— Не упадет, а если проснется, мы увидим- уверенно бросил Соболев, продолжая нести меня в воду.

— Да пусти же ты! — отбивалась я, но это было заведомо бесполезно. Точно со скалой сражаться- Если ты меня сейчас не поставишь, я закричу!

— И тогда Тёма точно проснется или упадет. — поддел меня Соболев. Аккуратно, словно с драгоценной ношей, он вошёл со мной в воду по пояс. Поставив меня на ноги, он позволил мне скользнуть по нему всем телом. Вода в этом месте оказалась мне по грудь. Решив обойти наглеца, я быстро, насколько это возможно в воде, скользнула в сторону, но он лишь засмеялся и шагнул ко мне, приподнимая и усаживая на себя так, что мне пришлось обхватить ногами его поясницу, а руками ухватиться за плечи.

Он качнул бедрами, так, что я не выдержала, тихо застонав. Затем принялся жадно целовать меня, выпивая тихие стоны с губ. Я вся горела. Все стало второстепенно — мир вокруг, люди, что могли прийти на пляж в любую минуту, даже Темушка, что мирно сопел в нескольких метрах. Боже...

Я забила кулаками по его плечам:

— Отпусти! — зло сверкнула глазами, пытаюсь неуклюже слезть с него. Наверно, это выглядело довольно комично, но Соболев был распален не меньше моего. Разжав руки так, что я, не ожидавшая подобного, бултыхнулась в воду почти с головой, да ещё и треклятое парео едва не утопило, вздувшись на поверхности над головой.

Сильные мужские руки подхватили, бережно поддерживая.

— Иди к Артему- хрипло бросил Соболев, отпуская меня и отворачиваясь. И я бросилась бежать словно газель от льва. А он ещё несколько минут плавал, разрезая воду

мощными бросками рук.

До отеля мы дошли под аккомпанемент Темного голодного плача. Я сильно устала, да ещё и перелет с акклиматизацией "выстрелили" сейчас- вдруг жутко захотелось спать. До одури ватная голова и руки-ноги, глаза слипались сами собой. Соболев предложил покормить и поиграть с Темой у себя, пока я сплю. Видя, что я все ещё не решаюсь, сомневаясь, он добавил, усмехаясь:

— Все как ты хотела. строго по договору. Помогаем друг другу. И не бойся, я его не заберу и не улечу, пока ты спишь.

Вот если бы он этого не сказал вслух, возможно я бы и решилась отдать ему Тему. Но теперь упрямо покачала головой:

— Нет. Я сама, я же как-то без тебя справлялась раньше- попыталась задеть, но отчего-то самой стало больно, едва увидела, как поблекла его веселая усмешка.

— Я могу в спальне лечь, а вы в комнате будете? — предложила я компромисс- если уснет, принесешь ко мне?

Соболев кивнул, прижимая к себе Тему как самое дорогое сокровище на свете.

Святослав:

Когда я принес спящего сына к Лере, аккуратно уложив рядом, то как побитая собака долго стоял в изножье кровати, не решаясь ни лечь рядом, ни уйти. Такое счастье окружало этих двоих, такое родство душ, что сердце учащенно забилося, грозясь в любую минуту выпрыгнуть из груди. Тема сразу нашел мамино лицо по дыханию, подстроившись своим крошечным тельцем под ее изгибы, а Лера также машинально и аккуратно даже во сне обвила его рукой. Идиллия, мать твою! Вот как бывает у нормальных людей, семей! Казалось, будто не здоровый мужик Святослав Соболев сейчас стоит перед кроватью, а маленький мальчишка- детдомовец Свят. Любуется чужой семейной идиллией, в которой ему снова не нашлось места.

Сцепив зубы, я развернулся к выходу. Нет, второй раз я их не потеряю!

Ещё несколько дней Лера то тушевалась, то показывала зубки как загнанный в угол маленький зверёк. Но уже лучше относилась ко мне, а как-то даже неловко клонула в щеку перед сном. И пускай сразу застеснялась, и пускай захлопнула дверь между нашими комнатами так, что я едва без носа не остался, но это было безумно приятно.

Артем сразу воспринял меня как своего- и не боялся, и узнавал среди всех, и даже требовал " а уки"- " на руки".

Мы все вместе ездили на рыбалку, кормили животных в большом контактном зоопарке при отеле, пару раз посетили аквапарк, где Артем даже сам лично съехал с двух крошечных детских горок в " лягушатнике". Там нас встретила довольно общительная русскоязычная пара — пожилые мужчина и женщина. Они умилялись Артёму, а нас превозносили до небес, что и пара такая чудесная, и малыш прекрасный, копия отец. Желали нам всех благ и ещё много деток. Я усмехался, глядя на то, как Лера на глазах становилась пунцовой.

Этим вечером рядом с отелем планировалась вечеринка. Естественно, Лера посчитала это поводом взбрыкнуть и показать зубы. " Я иду, а ты сидишь с Артёмом"- с вызовом уставилась она на меня, ожидая, что я или приду в состояние крайнего возмущения и не отпущу её, или же потребую пойти вместе, а Артему найти няню. На что Талова, конечно, горячо возразит- в первом случае упрекнув меня в тирании, а во втором- в желании бросить родного ребенка совершенно посторонним людям.

— Пожалуйста, иди. — улыбнулся я, собирая с пола игрушки Артема.

— И вообще, мы договорились... — распаленная, Талова даже не услышала, как я согласился- Иди... — как робот повторила она, лицо ее смешно вытянулось в удивлении.

— Конечно, или. Ты, в конце концов, заслуживаешь отдых как никто другой. Я посижу с Темой, если что, я лягу спать с ним, так что не волнуйся.

И с этого момента начался спектакль одного актера. Талова, видно, не рассчитывала ни сверкать прелестями на отдыхе в-целом, ибо гардероб ее оказался весьма скудным, и на мое согласие в частности. Перебирая вещи в шкафу, она вздыхала, откладывая их одну за одной.

— Если что, моя карта на столе. Ты ещё успеешь проехаться по магазинам, тут они в полчаса езды- бросил я с удовольствием, видя, как она ещё больше злится.

— Не нужно мне ничего от тебя — швырнула она последнюю вещь в шкаф, а затем вышла из спальни.

Ещё некоторое время она крутилась около нас с Темой, то накладывая макияж, то будто бы что-то выискивая, то- прося меня застегнуть платье. Конечно, рассчитывала, что вот тут уж я не выдержу, и она смело сможет и не пойти туда, куда и идти-то совсем не желает, и меня же в этом обвинить.

— Ладно, я... пойду — она затравленно посмотрела на меня, нервно сжимая небольшую сумочку побелевшими от напряжения пальцами.

— Иди, хорошо погулять тебе.

Я был уверен, что услышал злобное " козёл", когда Талова вылетала из дверей.

— Ну, Темка, одни мы с тобой остались- протянул я сыну руки, и он косолапой походкой поковылял ко мне. Артем тоже красавец, не подвёл — так бы заплакал, и Талова осталась бы здесь, гордо заявив, что, мол, сын плачет, как брошу.

Валерия:

И снова я чувствовала себя не в своей тарелке — вокруг шумно, звучит музыка, люди танцуют, веселятся, болтают друг с другом, причем, преимущественно на треклятом английском, что никак не давался мне ни раньше, ни теперь.

Я выпила несколько шотов — благо, с груди на общий стол Тема перешёл пару месяцев назад. Потанцевала, даже успела увильнуть от нескольких особенно наглых ухажёров, вызвав недоумение на их лицах. На большом танцполе у бассейна я заметила, как некоторые девушки особо навязчивым кавалерам говорят "marruied" и указывают на кольцо на пальце. Неплохой прием, судя по моей неожиданной популярности здесь, стоит взять на вооружение.

А теперь вот грустила, стоя на небольшой веранде и глядя на веселье внизу. Идти обратно? Ну уж нет. Я только представлю насмешливый взгляд Соболева- и сразу режим "назло" включается. Он два года гулял? Я чем хуже!

Услышав рядом с собой щелчок зажигалки, я вздрогнула. Высокий светловолосый мужчина в белой кофте и тонких льняных брюках извинился:

— Простите, не хотел вас напугать. Тут так темно, я думал, что один.

Ого. Русский! Мне плакать захотелось, ведь все эти дни кроме Соболева я и пообщаться ни с кем не могла. Не будешь ведь за стойку ресепшена лезть, требуя "поговорить за жизнь". А больше русскоязычных, кроме одного раза в аквапарке, я не встречала. Вернее, мы не встречали. Ведь Соболев как банный лист прилип.

— Ничего страшного- мило улыбнулась в ответ.

— Вы не против? — он чуть приподнял руку с сигаретой вверх.

— О, нет, курите, пожалуйста.

Мужчина затянулся, выпуская дым. Оперевшись рукой на балконную решетку, он повернулся ко мне:

— Вы из России, надолго тут?

— О, ну, ещё несколько дней, наверно, — не солгала я, понимая, что скоро придет пора возвращаться, работа ждать не будет.

— Вы тут одна? — в его голосе послышался неподдельный интерес, а я нервно окинула себя взглядом. Простенькое чёрное платье до колен, без всяких украшений. Сумочка на тонкой цепочке через плечо, чуть завитые светлые волосы с большой заколкой, украшенной тёмными камнями. Вот и все. Неужели я могла заинтересовать кого-то? Или наоборот, мне нужно работать над самооценкой?

— Извините, если что-то лишнее спрашиваю, — неверно понял причину задержки с ответом незнакомец.

— Одна. Вернее, с сыном.

Я даже в полутьме видела, как в удивлении приподнялась его бровь:

— Простите мою бестактность, но выглядите очень молодой, я бы не сказал, что у вас есть ребенок...

— А ещё у нее есть муж! — раздался бас позади. В дверях стоял Соболев, буквально метая молнии.

— Вообще-то, не муж. Знаете, мы с ним заключили договор! — взыграло во мне то ли

выпитое, то ли любимое с недавних пор "назло"- Подожди, а где Тема? — окинула я хмурым взглядом мощную фигуру "мужа".

— Он с няней от отеля в номере! — бросил Соболев, надвигаясь на меня- Всего доброго! — рывкнул он незнакомцу, и того будто ветром сдуло.

— И зачем ты это сделал? — кивнула я на то место, где ещё какую-нибудь пару секунд назад стоял другой мужчина- И вообще, по-моему, я не разрешала оставлять МОЕГО (от злости я специально выделила это слово) сына неизвестно с кем! А если...

Соболев, не отвечая, обхватил мою талию рукой, притягивая к себе. Его губы обрушились на мои в собственническом поцелуе. Руки ласкали мое тело, поигрывая с набухшими бусинками сосков. Скользнув в вырез платья, Соболев рванул его вниз, открывая своему жадному взгляду мою грудь. Опустив голову, он стал ласкать грудь своим горячим ртом, то легонько прикусывая соски, то облизывая. Лёгкий ветерок обдувал грудь, влажную от его ласки. Откинувшись назад, на решётку, я ухватилась за нее двумя руками, подставляя свое тело для его поклонения.

Одной рукой скользнув под платье, он погладил мои возбужденные складочки через лёгкую ткань трусиков.

— Ты хочешь меня- с ухмылкой констатировал факт. Да, черт побери! Хочу! Я уже даже мыслить связно не могла- так хотела. "Пожалуйста" — прошептала еле слышно, одними губами. Но он услышал — рука его лишь на мгновение покинула мои трусики, чтобы в ту же секунду сдвинуть их. Погрузившись в меня пальцами, он одновременно начал ласкать бусинку клитора. Я застонала, подавшись вперёд, уткнулась лицом ему в плечо. "Ещё, ещё"- хрипло просила, отдаваясь на волю крепких мужских рук. Его аромат забивал ноздри- терпкий, свежий, мужской. Я бесстыдно таяла в его объятиях, тихо постанывая. А он продолжал эту сладкую пытку, другой рукой крепко удерживая меня за талию.

Когда меня стала бить дрожь приближающегося оргазма, он лишь крепче обнял меня, задышав тяжело, почти в унисон со мной. А затем...я словно взлетела и потеряла связь с землей — такой силы оргазм накрыл, заставив извиваться от наслаждения.

Когда я замерла, пытаюсь перевести дух, хоть немного прийти в себя, Соболев вытащил из меня пальцы, а затем провел ими по моим губам, заставляя приоткрыть их. Мне стало неловко, но он приблизил свои губы к моим, облизывая пальцы так, будто это — самый вкусный в мире десерт. А затем поцеловал меня- жадно, слизывая с губ мой собственный вкус.

— Ты такая сладкая- хрипло прошептал мне на ухо- Ты просто не представляешь, какая ты сладкая.

А затем...резко повернулся, закрывая меня собой. Я услышала, как мимо веранды проходят люди, болтая и пересмеиваясь.

"А если кто-то из них все видел?" — мелькнуло в голове.

— Не бойся, никто сюда не поднимался до этого. — будто услышал мои сомнения Святослав. Повернувшись, он поправил на мне платье, натянув на плечи бретельки, и предложил мне руку. Ухватившись за его локоть, на все ещё ватных ногах, я послушно поплелась за ним, уже зная, что сегодня я не смогу ему отказать. Не в этот раз.

И каково же было мое удивление, когда в номере он расплатился с няней, весьма милой женщиной средних лет, быстро поцеловал меня в щеку, сообщил, что Тема спит у него, пожелал спокойной ночи, и...удалился к себе в номер. Мне захотелось ворваться следом и...

Всю эту ночь я ерзала на кровати, не в силах уснуть. Благо, Тема не со мной, иначе бы

будила его каждую минуту. Чертов Соболев! Чертов, чертов Соболев!

Меня то знобило, то трясло будто в лихорадке. Пытаясь собрать кусочки пазла воедино, я размышляла над тем, кто мы друг другу? Зачем я ему нужна, да и нужна ли? Эти несколько дней сблизили нас до странного больше, чем когда-либо. Возможно, потому что ради ребенка каждый держал своего внутреннего монстра на привязи.

Воспоминания обрывками всплывали в затуманенном сознании, заставляя сожалеть о том, насколько взрослые всё усложняют. Как просто и легко все в детстве. И как мы, взрослые, можем делать все наоборот, извращая естественный ход вещей до безумия- спать, а лишь потом начинать узнавать друг друга. Горько усмехнувшись, похвалила себя- я-то хотя бы знала имя и фамилию, а многие и этого не знают. Это ведь просто ужас, если вдуматься. Сколько в стране "случайных" деток с прочерком в графе "отец"- потому что мама и не знала, как того зовут, а папа и не собирался нести какую-либо ответственность за ребёнка. Оттого стало вдруг страшнее, что не смогу наладить нормальные отношения с Соболевым, а пострадает по итогу Артем. Что ни говори, а отец из Соболева хороший. Да, звучит это довольно смешно, особенно с учётом того, что Святослава не было весь год с небольшим Темкиной жизни, но по той любви, что плещется в глазах Соболева, когда он смотрит на сына, нежности, с которой он обнимает его, укладывая спать или играя, все видно. Ну и, стоит признаться, для меня было важным, что Соболев не стал проводить никаких экспертиз, тестов ДНК. Если не брать во внимание их нереальное сходство, ведь мог бы? Да, этим он навсегда оттолкнул бы меня от себя, такого простить я бы не смогла. Но ведь был вправде.

Почему-то из всех людей на земле, жизнь столкнула именно нас, сделав родителями такого маленького чуда. Таких разных, не похожих ни по мировоззрению, ни по темпераменту, ни по натуре. Соболев подавлял меня, рядом с ним я вновь становилась той неуверенной в себе, дико напуганной девочкой. А он как долбаный дементор питался моим страхом, становясь ещё властнее.

А потом меня захлестнула гремучая смесь страха и сомнений — а что, если я не справлюсь? Не смогу вырастить Тему так, чтобы у него было всё необходимое? Предательская мысль о том, что, может, лучший вариант для всех- отдать сына отцу, у которого точно есть всё, мелькнула в мозгу, заставив помучиться угрызениями совести долгое время.

Нет! Я выдержу всё, все смогу! Это не Соболев в ужасе лежал на сохранении под кучей мерзко пищащих аппаратов, это не Соболев писал почти завещание перед кесаревым- на случай, если бы сердце не перенесло операции, я написала с добрых три листа послание Стелле и Эдуарду.

К утру та небольшая доза алкоголя, которой я хоть на каплю могла оправдать свое постыдное поведение, выветрились. Я погрузилась в тяжёлый сон, накрывшись огромным, но почти невесомым одеялом.

— Ма-Ма-Ма! — я проснулась от того, что чьи-то маленькие шаловливые пальчики играли с моими волосами. Тема. Он пританцовывал на ножках, опираясь на кровать. А позади него, прямо на ковре, сидел довольный Соболев. Слишком довольный.

— Тема, ты голодный? — сонно зевнула, пытаюсь встать так, чтобы Соболев не увидел ничего из того, куда он так жадно уставился. На мою грудь под тонкой ночной рубашкой.

— Ма-Ма-Ма! — вновь радостно повторил Тема, шлепнувшись на попу, а затем снова стал лезть вверх, перебирая ручками по мягкому боку кровати.

— Ты кормил его? — натянула на себя одеяло, решив, что сейчас Соболев ответит — и отошлю его к себе. А то слишком в семью заигрался, хватит.

— И кормил, и погулять сходили, и даже искупаться успели, — расплылась его физиономия в ехидной улыбке. Что за?! Ночью? Он повёл ребенка купаться ночью? Нет, даже для него это — уже слишком. Но тогда.... Подождите, а сколько времени?

— Да, спящая красавица, сейчас шесть вечера, — все ещё улыбаясь сообщил мужчина, а мне захотелось запустить чем-нибудь тяжелым в эту самодовольную физиономию.

— Боожее, — простонала я, пододвигаясь на попе к краю кровати. Надо же, я помню как вчера даже переодеться умудрилась, косметику смыть хотела...И отключилась. Видимо, всё, что недосыпала это время, по ночам баюкая Тему, а утром отвозя его к Стелле, либо выезжая от нее в почти пять утра, навалилось разом. И я проспала почти целые сутки.

Ой, косметика! Так ведь и не смыла, и выгляжу, наверно, ужасно сейчас. Потребность "выгнать Соболева" разрослась до космических масштабов.

— Эмм... спасибо тебе, — хрипло поблагодарила я Святослава — А теперь не мог бы ты выйти? Мне нужно привести себя в порядок.

К моему удивлению, он кивнул, поднимаясь с пола. А Тема вдруг стал кривиться, словно плакать собирался, увидев, что папа уходит. Я замерла я раздираемая противоречивыми чувствами- с одной стороны, обида и ревность. Прошло всего ничего времени, а он уже относится к отцу, которой несколько дней видит, как ко мне, маме. А с другой- восхищение от того, насколько сильны узы крови. На каком-то подсознательном уровне ребенок потянулся к отцу.

Отбросив одеяло, взяла Тему на руки, намереваясь вместе с ним пойти в ванну.

— Тебе идёт розовый, — бросил уже у двери Соболев, выходя из спальни.

Что? О чем он? И уже спустя минут пять, в ванной, к стыду своему поняла, что ночнушка почти полностью просвечивала, сквозь нее призывно светились розовые трусики.

Валерия:

— Давай поговорим начистоту? — выпалила я, боясь, что решимость снова оставит меня. Полторы недели почти райской идиллии не только не принесли ощущениями счастья, но даже наоборот — заставили паранойть едва ли не до помешательства. Что нужно Соболеву? Что за игру он ведёт? На какой-то момент мне даже глупая мысль приходила о том, что у него больше не может быть детей, а Темка нужен как наследник. Отнимет его у меня — и поминай, как звали. Правда, потом я корила себя тем, что уж слишком много сериалов по вечерам шло фоном, пока Тему скачивала. Но от этого спокойнее не становилось- я будто чувствовала, что-то не так.

— О чем бы ты хотела поговорить? — выгнул бровь Соболев, прикрывая лёгким пледом ножки Темы в супердорогой коляске, которую, несмотря на мои возражения, купил здесь. Вернее, заказал с доставкой. Я такие коляски даже в России не видела- только на страницах модных западных журналов или в новости из интернета о том, как та или звезда была замечена на отдыхе с ребенком.

— О том, что ты затеял? — не дала ему строить из себя дурачка — Что тебе нужно? Чего ты добиваешься?

— Я уже говорил тебе, — лениво ответил он, толкая вперёд коляску.

— Ты говорил неправду! — я осеклась, заметив, как пару официантов замерли, вытягивая шеи и косясь на нас- Я не верю, что ты решил жить семьёй, что ты любишь меня- уже тише произнесла.

— Тебе, конечно, виднее, — хмыкнул он, переходя в такое раздражающее меня состояние дзена, когда все его ответы были лаконичны и с обязательными подколами.

— Я не шучу. Давай так- либо ты говоришь правду, либо я буду всеми силами бороться за то, чтобы быть как можно дальше от тебя. С Темой! — увидев, как сверкнули его глаза, остановила движением руки- Пожалуйста, дай мне договорить. Потом у меня вряд ли хватит решимости.

Он кивнул, лишь крепче сжав руки на ручке коляски.

— Я не люблю тебя. Вернее, когда-то любила, — мне стало так легко, что я смогла без страха и стыда признаться в этом, что дальнейшие слова сами собой потекли — Но потом я чувствовала к тебе только огромную ненависть, что разрослась из обиды. Ты понимаешь, что с моим сердцем шансы выносить ребенка, родить даже путем кесарева очень и очень малы? И ведь ты понимал это, когда спал со мной?

Соболев кивнул, заходяв желваками. Точно нашкодивший школьник у доски, когда его перед всем классом отчитывает строгий учитель.

— Ты не спрашивал меня, не считал за человека. Даже тогда, когда решил за меня- дал свободу. Ты считаешь, это нормально? Это вообще просто по-человечески?! Как ты можешь вот так вот играть моей жизнью? То " Лера, прости, я считаю тебя наркоманкой — буду лечить!", то " ой, ошибся, будем спать", а потом " а, нет, извини, ты свободна". И напоследок, вернувшись через два года- " ой, а давайте побудем семьёй"?! Так? Ты хоть понимаешь, что даже все деньги мира, что ты бы потратил на лучших психологов, не смогут ничего исправить.

Я замолчала, слушая, как гулко отдается под каблуками каменная дорожка вдоль отеля.

— Ты просто пойми, — попыталась я донести словно неразумному ребенку — У нас ничего не получится. Даже если отбросить то, что я никоим образом не верю в твою любовь, так внезапно возникшую, ненависть и обиду, то все равно мы сможем просуществовать вместе максимум каких-то пару-тройку лет. Пока не начнём тихо ненавидеть друг друга за то, что вынуждены жить вместе. Ради Темы. И вот тогда мы придем к тому, что я предлагаю тебе сейчас, договору. Только придем ненавидящими друг друга, озлобленными. А сейчас...

— Я к психологу ходить начал, — небрежность в его голосе не скрывала презрения к профессии.

— Что? — я задохнулась на полуслове. Мне послышалось? Сколько раз в пылу ссоры я бросала ему в лицо обвинения в его нестабильной психике. О, нет. Формулировки были гораздо грубее, смысл тот же. А тут...

— Зачем? — задала глупый вопрос, приноравливаясь к его шагу.

— Чтобы не потерять тебя второй раз, — на полном серьёзе ответил он- Все это- его советы- обвел он рукой вокруг нас.

Я недоуменно нахмурила брови- о чем сейчас речь? Что " все это"?

— Он сказал, что не нужно даже видимости того, что ты... — Соболев замаялся, но продолжил- Снова наедине со мной- завуалировал он определение " снова в плену"- Ни охраны, ни частных домов. Максимум людей вокруг.

— Охраны? — удивилась я, припоминая, как раньше он ездил с несколькими.

— Да, — подтвердил с кривой улыбкой Святослав — Так что, если вдруг будет покушение, то ты можешь исполнить свою мечту и избавиться от моего присутствия в своей жизни.

— Ты сейчас пытаешься у меня чувство вины вызывать или что? — недовольно поморщилась я.

— Нет, просто попытался разрядить обстановку.

Мы свернули к небольшому парку, где в тени деревьев люди лежали группками прямо на больших пледах и полотенцах, брошенных на зелёную траву. Мне вдруг вспомнился парк, то ощущение счастья, что не покидало всю прогулку. Долгих два года назад.

Бросив косой взгляд на Соболева, поняла, что и он вспомнил. Его взгляд будто затуманился воспоминаниями.

Не стовариваясь, мы двинулись вперёд, под тень большого раскидистого дерева. Поставив коляску с Тёмой ближе к себе, расстелила пляжное покрывало, усаживаясь на него. И тут же осознала ошибку- Соболев опустился рядом. Так, что касался своей разгоряченной кожей моей. Для него на этом покрывале еле нашлось место. Естественно, этим мужчина и не преминул воспользоваться.

— Итак, — полушепотом начала я- Значит, мы выяснили, что ради меня ты спустился из мира небожителей к нам, простым смертным? — нарочно поддела его, чтобы свести на нет ту неловкость, что повисла меж нами- ни охраны, ни частных владений? Может, и от денег откажешься? — уже понимала, что несую откровенную ерунду. Но Соболев хмыкнул:

— Я ведь просто неуравновешенный, а не психопат.

Хоть я бы с этим поспорила, но не стала накалять ситуацию:

— Хорошо. Давай я скажу тебе раз и навсегда как я вижу наше будущее — договор. И только. Притом, такой, что защитил бы меня "от" и " до". В случае твоего " передумал/почувствовал, что тебе нужен выбор/не знал, люблю ли на самом деле". Плюс гарантия, что никогда в жизни ты не посмеешь больше поступать так... — мой голос

дрогнул, я не смогла продолжить.

— Лера, прости меня, — обнял он меня за плечи, прижимая к себе, давая выплакать всю ту боль, обиду, что скопились за это время. Тихо гладил по волосам, целуя мокрые от слез щеки.

— Я был уродом. Просто уродом, мне нет оправдания. И поверь- я сам себя наказал. Тем, что решил быть вдали от тебя. Я не жил все это время- существовал.

— Тогда почему... — прошелестела я, никак не желая принимать его странной логики.

— Лера, я ведь — не сверхчеловек, а обычный мужик. Я тоже загонялся, думая, что не нужен тебе. Что приеду — а ты не одна...

— Я и так не одна. Больше никогда не буду! — стукнула я его кулаком в плечо- Дети не предают как мужчины!

— Да, верно, — не стал он спорить с женщиной в состоянии отчаяния- А давай поженимся и заведем их ещё? Как ты на это смотришь?

Я подняла глаза, пытаюсь определить, он издевается, шутит или просто болтает ерунду, чтобы отвлечь?

— Лер, я имею в виду, нормальную свадьбу. Как положено. Платье там, фата, гости.

— И никакого подвала? — вновь поддела я его, но увидев, как он нахмурился, и сама расстроилась. Вот же я- тряпка! Желе просто! Где мой стержень?! Да я должна ему сейчас все высказать в лицо, а сама сижу...и мечтаю. Представляю действительно эту церемонию, как мы обмениваемся клятвами, как Стелла пихает локтем Эдуарда, сидя в первом ряду, чтобы не сутулился. Как наш Артёмка сидит у меня на руках, одетый в чудесный белый костюмчик...Да, может, кто и скажет, что ребенок должен быть не у новобрачных, а мне плевать! Это был бы наш праздник! Только наш! Если бы только Соболев действительно любил меня.

— Слушай, я понимаю, чего ты хочешь? — пропустив мимо то, как Святослав вопросительно изогнул бровь, откидываясь на толстый ствол дерева спиной, увлекая меня за собой, отпихнула его, сердито усевшись на самом краю покрывала — Ты сейчас снова включил " я буду думать за всех сам". Ты считаешь, что делаешь лучше всем нам. Мне, Артёму, себе. Что вот этими сказочками завоюешь мое расположение, создадим видимость семьи ради Темы. Неужели ты не понимаешь, что это- то, что ты делал раньше. Просто раньше методы другие были- принуждение. А теперь — хитрость. А ещё знаешь, мне не нужна твоя жертва — жить со мной ради ребенка, не любя...

И тут же я почти перелетела через него, ощутив спиной землю. Святослав нависал надо мной, укрывая своим мощным телом:

— Тогда я тебе сейчас второго ребенка заделаю! — злобно зарычал — Прямо тут! А потом- и третьего. Может, тогда наконец поймёшь, что я люблю тебя, хочу семью?

— Ты дурак? — шипела я, извиваясь под ним- Взрослый мужик, а несёшь чушь! Представь себе, что я пропала бы из твоей с Тёмой жизни на два года! А потом как ни в чем не бывало вернулась и заливала (когда я злилась, мой сленг был похож на тот, что используют лишь в подворотнях) о великой любви, причем, требуя, чтобы ты за несколько дней в меня тоже влюбился, и согласился жениться.

Лицо его потемнело от сдерживаемых эмоций, было видно, как Соболеву тяжело бороться с самим собой. Наконец он, кивнув, отпустил меня, выпрямляясь.

— И вообще, я бы хотела вернуться обратно. Я не знаю, как там у тебя, но наш с Тёмой отпуск подошёл к концу!

Валерия:

Вот уже третью неделю я была на взводе. Вроде бы, Соболев стал идеальное исполнять мои условия- и не доставал с заезженным на отдыхе "люблю", и с Темой проводил время исправно и в удобные мне временные рамки. Честно признаться, мне вообще стало так легко и удобно, как не было никогда раньше. Потому что без нянь иногда я выматывалась так, что едва хватало сил добраться до кровати. А ещё ведь работа, переговоры, вечно ломающийся старенький Рено, визиты на нем же к Тумановым (потому что я из последних сил обороняла свою свободу, не позволяя неугомонной Стелле навестить меня. Увидела бы та, как скромно мы живём- не слезла с меня живой, пока мы с Темой не переехали бы к ним. А этого я не хотела. За этот крохотный оплот свободы и самостоятельности я держалась руками и зубами, решив для себя, что юльше никто не будет управлять моей жизнью).

Иногда я радовалась тому, что Тема с отцом проводят столько времени вместе. Отец для ребенка очень важен. Да и мне огромная помощь с работой. А иногда боялась- Соболев меня расхолаживает. Случись что, вдруг мы поругаемся, или он сам решит приходить реже — а мне в тот ритм выживания 24/7 уже не войти, отвыкла. Иногда параноила- а вдруг он Темку приучает к себе, одновременно от меня, матери, отучая. Чтобы потом забрать его. А иногда... иногда меня разъедала ужасная, черная ревность, клокотавшая внутри. Я-то, дурочка, ожидала, что Соболев и дальше будет добиваться моего согласия. Ан нет- он больше и словом не заикнулся ни о чем. Наше общение теперь вообще сводилось к банальному обмену приветствиями и паре фраз о Теме. И всё. Ни слова ни о любви, о которой ещё недавно заявлял, ни о совместном будущем.

Перегорел? Отлюбил? Горечь разъедала сердце, едва представляла, что он сейчас уезжает от меня, в большом черном автомобиле с тонированными окнами, в котором его нетерпеливо дожидается красотка модельного вида. А про меня думает: не вышло раскрутить с любовью, в курсе, что деньгами не подкупить — будет просто искать ещё варианты.

Но самым страшным "иногда" для меня было то, что я иногда ловила себя на том, что жадно заглядывалась на то, как мощно напрягаются мускулы на его руках, когда он подбрасывает Тему вверх, или как красиво смотрится его спортивная фигура в темных брюках, особенно, задница. Мы будто поменялись ролями- Соболев стал мной, а я- им. Теперь он был до осточертения вежлив и предупредителен, по сто раз переспрашивая, удобно ли мне то или иное время, как я отнесусь к тому, что они с Темой съездят в зоопарк, можно ли дать Теме немного торта со сливками. А я... я смотрю на него будто на тот самый торт! Так бы и съела. Меня даже запах его возбуждает. Аромат свежести, с лёгкой ноткой морозной прохлады. ДА я уже и выражаться стала как в рекламе какого-то дезодоранта! Скорее, это просто как шутит Юля, недостаток витамина ЕВС.

Ещё две мучительных недели наблюдений со стороны, споров и компромиссов с самой собой, я пришла к выводу- ничего такого страшного не будет, если я разок (ну, или пару, там как пойдет) пересплю со своим законным мужем! В конце концов, супружеский долг за два года должен? Должен! С кем-то незнакомым это делать неправильно, грязно, пошло (если не учитывать кричащий о том, что и хочу я лишь Святослава, голос совести). А с ним мы уже,

так сказать, не в первый раз будем. Да и для здоровья полезно. Ну, по крайней мере, нервничать перестану, так остро ощущать его присутствие. Как там про клин клином?

Ну и что, что снова лезу в ту глубокую горную реку с бешеным течением, из которой когда-то еле живой вылезла на берег- сейчас это меня волновало меньше всего.

Вот примерно с такими оправданиями я подошла к пункту номер два — плану соблазнения.

Простым он не будет. Это ведь — Соболев. Ему не скажешь: " Приди, помоги кран починить"- он и кран новый купит, и мастеров пригонит, и квартиру ещё сверху будет напирать, чтобы купили. Я и так отбивалась как могла от его первоначальных предложений обновить авто, купить не для меня- для Тёмы новое жильё. Своё. Припугнула, что будет то же самое, что и с теми, которыми он бросил в меня напоследок.

Святослав:

Я как долбаная тень отца Гамлета! Нет, ну серьезно, от прошлого меня осталась лишь оболочка. Внутри я прям до тошноты мил и предупредителен. Все как советует Чертов мозгоправ! И, надо признать, план его действует. Талова порой бросает на меня такие жаркие взгляды, что хочется послать всю выдержку к чёрту и разложить ее прямо на месте.

Но нельзя, мать его! Нельзя. " Образ агрессора нужно убрать. Навсегда. Нужно показать ей себя с совершенно другой стороны"- звучали его наставления в голове.

Вот и играл мальчика-одуванчика, уже, бл@дь, на Оскар наиграл, наверно.

Этим вечером Лера пригласила меня на ужин, наплетя что-то о том, что много приготовила, не съест столько. Да и скучно одной ужинать.

Я поплыл- когда увидел в ее глазах ничем не прикрытое желание, когда она, соблазнительно наклонившись к столу, будто ненароком продемонстрировала мне свою аппетитную грудь, обтянутую тонким шелком халатика. А затем повернулась, подошла к шкафам и, приподнявшись на цыпочки, начала по очереди открывать дверцы, будто что-то выискивая. Ее и без того короткий халат приподнялся, обрисовывая округлую попку, заставляя сжимать кулаки от желания броситься к ней, подхватить на руки, усадив на стол и...

— Черт! — сам не заметил, как произнес это вслух.

— Ты что-то сказал? — обернулась она ко мне, чуть нахмутив бровки- Не могу тарелки найти, для салата. У меня были...

— Лера, я не железный. Давай ты или прекратишь это свое представление, или я за себя не ручаюсь, — решил оборвать я этот театр одного актера, ибо уже был на взводе.

— Ты о чем? — невинно надула она губки, будто не понимая, о чем идёт речь. Но я-то видел, как нетерпеливо, еле заметно, оглаживала она рукой бедра. Словно волнуясь, но в то же время пытаюсь хоть так снять напряжение, " заземлиться".

Ничего не ответив, я встал, медленно подходя ближе, неотрывно смотрел на неё. Талова проиграла битву взглядов, отведя глаза. Но я не дал- поднял рукой её подбородок так высоко, что ей пришлось привстать на цыпочки.

Наклонившись, провел краем щеки по ее тонкой шейке, царапая щетиной нежную кожу. Талова замерла, часто задышав. Ее кожа покрылась мурашками удовольствия, а сама она, обхватив меня руками, потянулась вверх. Хорошая девочка. Послушная девочка.

Приподняв ее, усадил на столешницу, придерживая за талию. Вклинившись всем телом между ее стройных ножек, едва не кончил- вот он, тот момент, о котором я так долго

мечтал. Жадно целуя, стал поигрывать с тугими вершинками ее набухших сосков. Лера, тихо вздыхая, прикусывала губы, чтобы не сорваться на крик. А я...пировал, наслаждался, желая растянуть удовольствие. Она как конфета — такая сладкая, нежная, так хочется развернуть и насладиться тем, что внутри. Но в то же время хочется и ещё немного полюбоваться своей добычей, такой желанной, такой недостижимой и доступной.

Лера, всхлипнув от наслаждения, выгнулась, чуть ближе придвигаясь ко мне. Ее важная горячая киска оказалась прямо у моего паха. Член взорвался ощущениями, я подался вперед, проводя им через ткань брюк по ее мокрым трусикам.

— Пожалуйста... — вырвалось у нее. Я чуть отстранился, пытаюсь то ли запомнить ее такой. Трясущейся от гремучей смеси желания и наслаждения, то ли собрать в кучу остатки самообладания, не совершить ошибки...И не смог

— Лера, что ты со мной творишь... — простонал, срывая с неё халат. Ее грудь, плавно качнувшись, оказалась в плену моего рта. Сперва одна, потом другая- я не оставил ни единого гребаного миллиметра без внимания.

Притянув мою голову к груди, Лера постанывала, глядя мои волосы.

— Да.... ещё.... ещё- ее всхлипы действовали покруче всяких афродизиakov или Виагры, меня самого начало потряхивать от желания.

— Подожди... Святослав, подожди.

Я даже не сразу понял, что она обращается ко мне. Ещё и, мать его, так формально. "Святослав", будто мы на приеме, а не полуголые на маленькой кухне в еб@нях мира.

— Тебе...не кажется? — она не закончила, так как в эту минуту и я услышал горький плач Тема. Сын проснулся. Будто почувствовав, что мама и папа могут ему сейчас братика или сестричку влегкую заделать, лишив тем самым части своего внимания.

— Я..можно я... — неловко пытаюсь сползти на пол, Лера покраснела, опустив глаза в пол.

— Да, конечно, — я отстранился, пропуская её. Запахнув халатик, маленькая нимфа ретировалась с кухни, а уже через некоторое время послушалось её тихое пение. Укачивает Артёмку.

— Он уснул, — тихо прошелестела Талова, снова отводя взгляд, когда вернулась на кухню. Я кивнул, уже немного подуспокоив тот пожар, что пылал внутри. Она подошла чуть ближе, почти коснувшись бедром моего плеча:

— Я разогрею поесть? Остыло уже.... наверно...

— Лер, — хриплым от страсти голосом позвал ее, отчего она вздрогнула, а в глазах промелькнуло нечто похожее на желание сбежать- Зачем мы себя мучаем? Я же вижу- тебя тянет ко мне, не отрицай. Я люблю тебя, ради тебя я буду меняться, так, как пожелаешь, — проигнорировав выражение насмешливого недоверия на ее лице, продолжил, притянув ее к себе за ноги. Она не сопротивлялась.

В этот раз не желая ждать, рванул завязки халата, и едва не обалдел от красоты, что открылась мне. Слегка загорелые стройные ноги, самая офигенная грудь, от одного вида которой рот наполнялся слюной и набухшие складочки между ножек.

Ухватив ее ножку под коленкой, поставил себе на бедро, другой рукой придвигая вожделенное местечко ближе и ближе, отодвигая в сторону тонкую полоску трусиков, пока мой язык не накрыл его. Лера, чуть подавшись назад, обвила руками мои плечи. Я зажал ее вторую ногу между своими, языком собирая вкус моей девочки.

Извиваясь бедрами, Лера принялась сама тереться о мой язык, лицо.

Когда она задрожала всем телом, хрипло застонав от оргазма, я обхватил руками ее талию, поднимая вместе с собой. Одной рукой, сам не сообразив, как так ловко справился, избавился от брюк и боксеров, а затем поднял ее, усадив на член, пульсирующий от жажды скорей оказаться в ее узенькой дырочке.

— Ааах- выдохнули мы одновременно, от этого сладкого ощущения единения. Да, бля@дь, да! Талова! Боже, как хорошо! Ты- дура, если считаешь, что я позволю хоть кому-нибудь вот так трогать тебя, наполняя собой, любить, целовать, ласкать. Ты моя! Только моя! И этого просто не изменить.

Я кончил бурно, удерживая ее на весу. Лера обессиленно уронила голову на мое плечо.

— Ну, что ты там говорила о еде? — подшутил я, спуская ее на пол, хлопнув по аппетитной попке. И офигел, когда увидел, что глаза ее красные, опухшие от слёз. Что происходит?!

— Лера, я сделал тебе больно? — ненавидя себя и ту несдержанность, с которой набросился на нее, попытался убрать от ее лица руки, но она лишь упрямо отворачивалась, задыхаясь в беззвучных рыданиях:

— Уходи! Я думала...я смогу....Но я ненавижу тебя! Ты понимаешь!? — стянув полы халата так, что стали видны ее тонкие лопатки, она отошла чуть вперед — Я ненавижу тебя. Никогда не смогу простить. Поэтому...лучше будет, чтобы ты некоторое время не приходил-она помолчал, добавив- Ко мне, Тему можешь навещать когда сочтешь необходимым. Я пока...поживу это время у Тумановых, поэтому его отдавать тебе будут они....

И также, не оборачиваясь, вышла.

Одевшись, я несколько минут сидел на кухне, слушая ее тихие всхлипы и не решаясь ничего сделать- уйти? Оставить ее вот так? Снова несчастной и одинокой? Войти в комнату, попытаться утешить? Сделаю только хуже.

Да уж, Казанова херов, — женщина рыдает не во время секса со мной, от страсти, а после — от отвращения. Ко мне, к себе, к тому, что между нами произошло.

Валерия:

За Соболевым закрылась дверь, а я так и сидела на полу, у кровати сына, беззвучно глотая слезы. Вот тебе и поиграла в соблазнительницу! Серой мышке никогда не стать опасной черной пантерой! Не стоило всего этого начинать.

Я была раздавлена- кратковременная эйфория сменилась глубоким презрением к себе. Бросилась на него как сучка во время течки! И это- после всего, что он со мной творил! Где мое самоуважение?! Куда оно испаряется, стоит только Соболеву появиться в радиусе нескольких метров от меня? Раньше, слушая жалобы подруг из университета о том, как они сто тысяч раз давали шанс откровенным уродам, что использовали их, или читая книги, где героиня словно безвольная бежала к герою по первому его зову, точно собачка, я всегда с некоторой долей превосходства воспринимала это- здравый смысл ведь никто не отменял? Человеческую адекватность — нужно ведь понимать, что не важно, отношения это между мужчиной и женщиной, либо просто дружеские — ничего из этого не позволяет ни пользоваться другим человеком, ни играть его чувствами, ни подавлять...

Этот вечер доказал, что ничего я не переросла, не изменилась. Как была напуганная маленькая Лера Талова, до дрожи в коленках пугающаяся одного его присутствия, так и осталась где-то глубоко внутри меня. Спрятавшаяся до поры до времени. Наверно, это лишь в фильмах бывают красивые, уверенные в себе соблазнительницы, а в жизни...в жизни мы всё со своими тараканами, комплексами, страхами.

Нет, уеду к Тумановым, зализывать раны, что вновь открылись, прятаться от него. Уж лучше плестись лишний час каждый раз в пробке на работу, чем бояться встреч наедине с Соболевым.

Когда я приняла душ и уже укладывалась, завибрировал телефон на тумбочке у кровати. Щурясь, поднесла экран к лицу- Соболев. Забыл что-то или вдруг стоит за дверью, вернулся? Словно маленький ребенок я переставила телефон на беззвучный, а сама легла, накрывшись с головой одеялом.

— Лер, у меня тут билеты пропадают, — начал было Артем, а я вздрогнула, уже понимая, о чем пойдет речь. Вот ведь упёртый! Точно баран. Да ещё и словно с цепи сорвался в последнее время — как почувствовал опасность в лице Соболева, хоть и, слава Богу, не имел "удовольствия" встретиться-с ним.

— Артем, — повернулась я, думая, как бы культурнее намекнуть уже в который раз, что наши отношения- сугубо рабочие.

— Ого, — присвистнул он, с удивлением замерев взглядом на моем лице- Ты не заболела?

— Хочешь сказать, что ужасно выгляжу? — отшутилась я, прекрасно понимая, что полная слез и душевных терзаний ночь, естественно, оставила отпечаток на лице, и никакой тональный крем не скроет полностью.

— Лер, я серьезно. У тебя лицо красное. — нахмурился Артем, а меня отчего-то стала раздражать эта его навязчивая забота. Я что, ребенок? Он- не моя мать, а стоит, наступившись, скрестив руки на груди, словно я без шапки гуляла, вот и подхватила простуду- Все хорошо. Извини, но мне нужно поработать, — кивнула на стопку

согласований по объектам выставки.

— Хорошо, — включил он " непонимайку", усаживаясь рядом на стул.

Я закатила глаза- не ясно, отчего, но Артем все больше стал подбешивать. "Может, в возраст ПМС вошла? "- усмехнулась мыслям? Теперь будет потряхивать несколько дней в каждом месяце, просто так, без причины. По мелочам.

Специально не обращая на него внимания, стала разбираться в бумагах, иногда потирая виски от ноющей боли.

— Лер, ты вся горишь! — чья-то рука коснулась моего лба, но голос доносился будто из-под толщи воды, а слова растягивались как жевательная резинка- Артем, а ты чего? Не видишь, ей совсем плохо?

— А я что!? Я ей говорил — она ощеривается сразу...

— Все нормально, — попыталась я улыбнуться, но рот будто в косой гримасе расплылся, не слушаясь. Попытавшись опереться на стол рукой, чтобы встать, едва не промахнулась. С удивлением и некоей долей паники заметила, как до того ровные очертания стола расплываются перед глазами. Страх снежным комом обрушился на меня — нет, только не это! Мне нельзя болеть! Нельзя! А как же Тёма?!

— Лера, ты меня слышишь? — звенящий Юлин голос отдавался в висках, заставляя зажмуриться от боли- У тебя пятна какие-то пошли- она настойчиво пыталась вручить мне маленькое карманное зеркальце, но моих сил уже не было даже на то, чтобы взять и оглядеть масштабы трагедии.

— Слышу...это....сейчас пройдет- слабо ответила и, собрав последние силы, встала- Юль, я, наверно, поеду домой. Все равно толку от меня сегодня...

— Да, да. Конечно- закивала головой верная помощница, убирая зеркальце в карман, — Ты это...может, скорую вызвать? Точно все хорошо?

— Нет, не нужно. Дома ТераФлю и пару часов сна- и как новенькая буду.

— А как же за руль? В таком состоянии? — не сдавалась Юля, помогая мне вдеть руки в рукава пуховика

— Я доведу- подал откуда-то со стороны двери голос Артем. Надо же, он все ещё здесь.

Скрепя сердце, я кивнула. Ну не садиться же за руль, действительно, в таком состоянии. А такси вызывать даже боязно- отключусь ещё по пути. Гул в ушах нарастает, да и слабость все больше.

— Лера, Лер, — настойчиво впивался в воспалённый мозг голос Артема — Просыпайся.

— А? Приехали? — сонно сощурилась я, чувствуя, как веки вновь наливаются тяжестью. Вот теперь я, пожалуй, впервые пожалела, что выбрала самостоятельность. От работы до дома было довольно- таки далеко. От дома до Тумановых- ещё дальше. На сон мне оставалось каких-то пару часов, если не хочу ехать совсем поздно ночью. А остаться у них? Недавно я снова передумала это делать. Зная Стеллу и ее активность, к ним в дом вдруг повалят толпами начнут холостые " сыновья подруг, друзья друзей и коллеги по работе Эдуарда". А от нее самой не устанешь слышать о том, что брак в жизни женщины- главное. Брак и семья. Вот только о том, что я все ещё замужем, она и не догадывалась. Я сказала Тумановым, что получила развод. Хотя те и сомневались, что беременную могут развести, но я что-то наплела о том, что нашла лазейку в законодательстве и примеры из судебной практики, и суд пошел мне навстречу.

— Тут мужик какой-то... — неуверенно начал Артем, но тут же дверь его машины будто отлетела в сторону. Соболев. Его глаза сверкали злостью.

— Валерия! — начал было он сердито, а у меня даже сил возмутиться этим его тоном как следует не было. Я будто плыла на зефирных волнах, утопая в мягкости. Казалось, даже воздух стал каким-то тягучим-Что с тобой? — он озабоченно рассматривал меня, а затем в пару движений отстегнул ремень, вытащил из машины, поудобнее переложив в руках. Я лишь успела ухватить сумочку с сиденья.

— Эй, стойте! Что происходит, куда вы ее несёте?! Вы кто вообще такой? — запыхавшийся голос Артема слышался позади, кажется, он бежал за нами.

— Муж. — не оборачиваясь отрезал Соболев.

— Лера?... — в голосе Артема отчётливо проглядывал шок от услышанного и ещё крохотный отблеск надежды, будто он все же надеялся услышать от меня опровержение. Но у меня не осталось ни сил, ни желания смотреть на схватку двух цепных псов. Да и какая там схватка- Соболеву нежный Артем на один удар. Поэтому, не желая подобной участи для него, я ответила:

— Да, это мой муж. Артем, спасибо, что довез. Едь домой.

Соболев хмыкнул, поплотнее прижав меня к себе, набрал код от домофона (и когда только узнать успел?). А потом по лестницам, минуя лифт (видно потому, что тот узкий, пришлось бы поставить меня), пробежал со мной на руках несколько этажей.

— Ключи? — выразительно взглянул он на сумку. Я приподняла ее кверху, пытаюсь дрожащими пальцами расстегнуть, а опухшими глазами, перед которыми упорно расстилалась белесая дымка, найти в ее нутре ключи.

— Ясно. Прости, Лер, придется тебя поставить.

Я слабо кивнула. Пребывая в таком состоянии, мне было все равно, что со мной делают-кладут, поднимают, везут или несут куда-то. Лишь бы при этом можно было закрыть глаза и немного поспать. Спать хотелось все сильнее. А ещё — накрыться одеялом с головой, морозило всё больше.

Я безвольно подчинялась Соболеву, пока он раздевал меня, укладывал на кровать, велел не засыпать. Что-то отрывисто говорил кому-то по телефону. Затем хлопнула дверь, ушел? Стало даже немного обидно- бросил именно тогда, когда я бы не отказалась от помощи. Но затем из прихожей раздался шум голосов.

— Лера, это доктор, он сейчас осмотрит тебя, если нужно, сделает укол.

Вяло кивнул, откинулась на подушке. Доктор оказался весьма приятным пожилым человеком, осмотревшим меня от и до. Соболев все это время нависал над нами точно строгий надзиратель.

Доктор действительно сделал мне укол, прописал какие-то медикаменты, и распрощался. Соболев тотчас же принялся снова кому-то звонить, и через несколько минут пошел к двери встречать гостя. Вернулся один, но с нереальным количеством пакетов. Доставка еды, пакеты с зелёным крестом из известной сети аптек, ещё каких-то пару больших белых пакетов.

— Ого, — хрипло произнесла я, невольно люблюсь тем, как перекачиваются мышцы его спины, когда он наклоняется над пакетами- Куда мне столько одной?

— А ты не будешь одна, — уверенно произнес " муж", стягивая с себя кофту, он остался лишь в футболке и джинсах- Тебе рекомендован постельный режим, лечение недели полторы- две.

— Сколько? — попыталась я встать, но "заботливая" мужская рука мягко, но настойчиво, уложила меня обратно — Нет, ты не понимаешь. Мне нужно к Теме, мне нужно на работу. Как я могу проваляться в постели столько времени?!

— Прекрасно, Лер, прекрасно можешь. — Соболев выставлял часть еды на небольшой столик на круглых ножках- колесиках- У тебя корь. И, насколько я знаю, у Артема пропущена плановая прививка от неё.

Сперва меня взбесило, что Мистер Богатей вновь включил свою всеосведомленность, но затем я замерла от шока- корь? Не может быть.

Увидев, как я нервно оглядываю руки, ощупываю лицо, Соболев покачал головой:

— Пятна будут только дня с четвёртого — он поставил последнюю пластиковую упаковку на стол и подкатил его к кровати.

— Доктор сказал? — задала глупый вопрос.

— Ага, — бросил он, распаковывая одноразовые приборы- Но я и сам болел в детстве, поэтому знаю.

О! Мне стало даже немного стыдно из-за своего эгоизма — а я ведь даже не поинтересовалась, есть ли у него прививка или иммунитет.

Соболев будто прочел мое смущение:

— Ешь давай, — протянул он мне ложку — Тебе нужны будут силы. Самое тяжёлое время- это второй-третий день.

Тоскливо взглянув на теплый ароматный бульон с парой кусочков курицы и невероятно аппетитную золотистую гренку, поняла, что не смогу съесть ни кусочка. Руки дрожат, да какое там, руки, — все тело дрожит.

Соболев и тут удивил. Приподняв меня, он подвинул подушку, усадив меня спиной к стене на неё. А затем, нисколько не смущаясь, уселся рядом. Зачерпнув ложкой бульон, он поднес его к моим губам:

— Ешь.

И я подчинилась, хоть глаза мои и слипались. Молча доела я почти половину миски, вперемежку с тёплыми гренками. Затем, обессиленно мотнув головой, откинулась назад полностью.

— Хорошо, — отложив в сторону еду, Соболев принялся раздеваться. Затем, в одних боксерах, подошёл к окну, задернув шторы. И вернулся обратно. Откинув одеяло, присел на кровать.

Я остолбенела — он серьезно?! Сейчас?!

— Лера, — мрачно хмыкнул он, верно истолковав испуг в моих глазах — я ведь не совсем ублюдок. Я просто буду лежать рядом. Тебе нужно тепло.

И тут я снова не смогла возразить своему невесте откуда взявшемуся личному медбрату- меня до сих пор сильно знобило. Кончики пальцев на руках и ногах будто онемели от холода. И в то же время внутри разливался странный жар.

Прижав меня к себе, он накрыл нас обоим одеялом.

— И с Тёмой все отлично, Стелла наотрез отказалась от любой помощи. Поверь, она безумно счастлива, что столько времени проведет с ним. Ты ведь у нас- маленькая собственница? — мне показалось, или он нежно поцеловал меня в лоб- Спи, Лера. Сейчас сон для тебя- лекарство

Святослав:

— Лера, пей! — беззлобно прикрикнул на недовольно закатившую глаза девушку.

— Я не могу больше, в меня не влезет столько, — поставила она кружку с теплым морсом на стол.

— Лера, — вернул кружку в ее начинающие пылать руки — Тебе нужно много пить. Ты слышала врача. От кори нет лекарств, просто нужно соблюдать определенный режим.

— Тебе на работу не нужно? — ехидно скривилась она, делая глоток. Показывает зубки? Уже неплохо, жить, значит, будет.

— Я — не бюджетник, — усмехнулся в ответ, присаживаясь рядом — Да и как-то и без меня справятся.

— Расскажи мне, как жил эти два года? — вдруг припечатала меня неожиданным вопросом. Видно, из мести за мою настойчивость в лечении. И я не стал лгать:

— Херово, Лера. Очень херово. Не знаю, поверишь ли ты, да и сам понимаю, что бредом прозвучит, но будто сердце свое вырвал и тебе отдал.

— Сееердце? — с хитринкой в блестящих больным блеском глазах переспросила- Не член?

Удивленно приподнял брови- надо же, какая дерзкая штучка, оказывается, "миссис Соболефф".

— Им, признаюсь, изредка пользовался, — хмыкнул- Но без удовольствия. А потом и вовсе перестал тащить баб в кровать. Ты ведь сама знаешь, каково это, когда любишь? Ведь так?

Лера покраснела, но то могло быть и признаком надвигающегося жара.

— Лер, ведь ты тогда не лгала? — накрыл ее руки своими, заглядывая в глаза.

— Нет, — еле слышно ответила с такой обескураживающей честностью, что я дар речи потерял. Нет, я знал, чувствовал, что она влюбилась в меня. Неправильной, больной любовью. Но услышать это вот так, не в порыве страсти. Учítывая, что то признание я будто хорошее вино — доставал одинокими вечерами из подвалов памяти, смакуя по капле. " Я люблю тебя". " Я люблю тебя". " Я и тебя, маленькая. И я тебя"- хрипел я, прикрыв глаза, желая поймать ее ускользающий образ.

— А сейчас? Расскажи, что чувствуешь сейчас? — слегка сжал тонкие пальцы, затаив дыхание.

— Ты ведь знаешь, — с грустью в голосе опустила она голову- Я люблю тебя до сих пор.

Меня точно с ноги в грудь ударили. Любит! Любит! Но тут Лера продолжила, вырвав свои руки из моих.

— Но и ненавижу с той же силой. Иногда я думаю, что могла бы простить, дать нам шанс. А иногда мне страшно, что начни мы, например, жить вместе, я буду все больше тебя ненавидеть. А Тема уже привыкнет, вырастет. И я снова окажусь в клетке. Не уйти, но и жить будем лишь для Тёмы. Тихо ненавидя друг друга.

— Лер, а вдруг завтра на Землю метеорит упадет? — ласково улыбнулся я, притягивая ее к себе- не загадывай так далеко. Может, ты у нас будешь каждый год по ребенку рожать, а?

Прижавшись ко мне, она обвила мою шею рукой, а затем подарила до безумия сладкий

поцелуй. Лёд между нами начал таять, я чувствовал это.

— Ммммм- наслаждался ее вкусом на своих губах- Если бы я знал о таких бонусах, то переболел бы корью сотни раз.

Моя рука скользнула в ее тонкие пижамные брюки, и тут моя девочка снова удивила- слезая с моих колен, она быстро спустила штаны и трусики, а затем, не отрывая от меня взгляда, принялась расстёгивать пуговички на кофте. Я замер, восхищённо любуюсь.

— Теперь ты, — с улыбкой покачав головой, она отступила назад, едва я попытался протянуть к ней руки. Чертыхнувшись, принялся быстро освобождаться от одежды, пока наконец не остался полностью голым. Член возбуждённо подрагивал, не желая ждать. Но я медлил, понимая, как ей важно на этот раз быть главной. Решать самой.

— Сядь в кресло — кивнула она на стоявшее у самой стены кресло, и я снова повиновался. Лера последовала за мной, а затем, усевшись на коленки между моих раскинутых ног, протянула пальцы, обхватив ими член. Проведя по головке, она жадно облизнула губы.

— Черт, Лера, я не выдержу, — признался на выдохе, пытаюсь отстраниться от возбуждающей картинке. Она, обнаженная и готовая между моих ног. Обольстительно улыбнувшись, она будто расцвела, все больше понимая свою власть надо мной. Наклонившись ближе, она высунула маленький розовый язычок, и....

— Чееерт, — хрипло застонал я, вцепившись руками в старенькие подлокотники. Она делала все так... Словно пробралась ко мне в голову, а потом нашла там отдел с самыми тайными эротическими фантазиями.

Проглатывая мой член, она изредка поднимала на меня затуманенный страстью взгляд. Ее охренительные груди мерно покачивались в такт движениям. Нежными ручками скользила вверх и вниз по основанию члена, помогая себе.

— Лера-ааа, — рвано выдохнул- Я сейчас...

Она, усмехнувшись как самая прожженная шлюха, лишь усилила темп. Горловые звуки стали громче. Наклонившись вперед, я ухватил ее за волосы, с силой насаживая на свой агрегат, а затем бурно кончил, дрожа всем телом.

Валерия:

Проглатывая последние соленые теплые капли, я провела языком по губам, а затем, не отрывая взгляда, по очереди поднесла ко рту два пальца, на которых ещё были следы его страсти, и жадно облизнула их.

— Твою...ж...Лера, — хрипло бросил он, поднимая меня к себе- После такого я просто обязан ответить даме тем же.

И, прежде чем я успела что-то сказать, мы поменялись местами. Теперь я полулежала на кресле, с широко разведёнными ногами, а Соболев полным восхищения взглядом откидывал мои набухшие влагой складочки.

— Нет, не закрывайся от меня, — зарычал он, раздвигая мои ноги, когда я попыталась свести их вместе, стгорая от смущения. Вся моя бравада и уверенность исчерпали себя ещё пару мгновений назад.

Его большая рука накрыла низ моего живота, пальцы принялись поглаживать, описывая круги вокруг клитора. Обхватив за бедра, он потянул меня на себя так, что я почти повисла на кресле. Но мужчина с лёгкостью закинул мои ноги себе на плечи, горячим дыханием обдавая внутреннюю поверхность бедер. Целуя, лаская языком, он все ближе приближался к

средоточию моей женственности.

Ухватившись пальцами за край кресла, я открыла глаза, не в силах отвести взгляда- это было безумно развратно, безумно возбуждающе. Моя грудь с призывно торчащими вверх сосками, то, как я изогнувшись, желая ещё ближе подставить себя под его жадные ласки, темная голова меж моих призывно раскинутых бедер.

— Лерааа, — выдохнул он, лаская меня ртом. Чуть прикусив зубами пульсирующий клитор, он одновременно накрыл мои груди руками, зажав между пальцев соски, принялся поигрывать ими. По телу словно молния прошла, я изогнувшись, хрипло дыша.

— Да...Да... ещё! Пожа-аа-алуйста... — умоляла я, бессильно запрокинув голову, выгибаясь в предоргазменных судорогах.

— Неплохой сериал. Жаль, продолжение будет лишь в 2023 м, — сонно зевнула, поудобнее устраиваясь в объятиях своего мужчины. Да, я буду ненавидеть себя и раскаиваться, рыдать и удивляться своей слабыхарактерности, корить за то, что в плену сладкого забытья почти и не скучала по Теме, но это- потом. Через несколько дней. А пока... Пока я купалась в обожании и внимании Соболева, в своих чувствах к нему, будто из-под пепла восставших.

— Неплохой, — согласился он, убирая с колен Макбук-Ну, а теперь — в ванную и баиньки? — игриво подмигнул он мне — Только температуру измерим- потянулся он за градусником.

— Да, мамуля, — шутливо отсалютовала ему, но, заметив странный отсутствующий взгляд Святослава, удивилась. Он что, уже жалеет обо всем? Нет, хватит себя накручивать. Мы и так достаточно помучились из-за банальной недосказанности.

— Что случилось? — привстала, придерживая одеяло на груди.

— Знаешь, я никому не говорил этого. Никогда. Но самой огромной моей мечтой в детстве, да и юношестве, была семья. Даже не семья, мама. Чтобы вот так заботилась, когда болею. Чтобы ругала или хвалила, радовалась успехам. Когда я ходил в школу, с обычными, семейными детьми, то каждый раз, стоило тем начать жаловаться на родителей, едва не рыдал словно девчонка, отчаянно завидуя им. Не понимая, как они не ценят того, что имеют.

У меня перехватило дыхание — он словно мои мысли озвучил. И если мне удалось ухватить хоть кусочек этого тепла, уже в почти взрослом возрасте, благодаря Стелле и Эдуарду, то ему такого шанса не выпало. И то, как взрослый мужчина, не боялся сейчас вывернуть передо мной душу, для меня значило много больше, чем сотни громких слов и заверений в любви.

Смахнув слезу, прижалась щекой к его плечу, обняв рукой за крепкий торс.

— Лера, я действительно хочу создать с тобой семью. Навсегда, на всю жизнь. Я никогда не изменю, не предаю. Для меня из женщин есть только ты — он переплел свои пальцы с моими- Я знаю, что не вправе просить. Но если ты решишь быть со мной, я сделаю тебя самой счастливой.

— Знаешь, — тут же ответила, боясь, что позже растеряю решимость- Если все будет так, как сейчас, я готова. Я люблю тебя. И все эти годы любила, иначе бы я давно стала с кем-то встречаться. Мне нужно было прятаться за моим чувством обиды на весь мужской пол, чтобы не признаваться себе в том, что все ещё люблю тебя....

Я замолчала, собирая стайку встревоженных мыслей.

— Но... — мягко подтолкнул меня Соболев.

— Но ты уже предал меня. Боюсь, не могу простить того, что ты даже не стал бороться. Что решил все и за меня тоже. Предполагал, будто у меня кто-то может быть- и не делал ничего...

— Лера, я-идиот. Но я- всего лишь человек, я ведь говорил. Людям свойственно ошибаться. Сама посуди, я видел в тебе лишь страх, ненависть ко мне. Думаешь, на таком построить фундамент семьи? И потом...

Я уже открыла рот, чтобы возразить, но тут мое сердце забилося с удвоенной силой, словно призывая остановиться. Не усложнять, не начинать снова того бесполезного выяснения, противостояния, что заведет в тупик.

Приложив руку к нему, я решила:

— Я готова. Давай просто забудем об этом? Мне даже психолог — хитро улыбнулась, намекая на его посещения сеансов- не нужен. Годы притупили обиду. Но если ты...

— Лераа! — выдохнул он в мои губы, крепко прижимая к себе- Я люблю тебя! Люблю!

Эти две недели вместе...Я просто не знаю, как назвать то, что происходило между нами. Святослав открылся передо мной с неожиданно лучшей стороны — он был и сиделкой, и другом, и пылким любовником, и психологом. Иногда я задавалась вопросом- отчего все сложилось так, а не иначе. Что было бы, если бы он ещё тогда ответил на мои чувства? Когда я ещё совсем девчонкой пыталась объясниться, донести до него всю глубину своей, пусть на тот момент, и совсем наивной, по-детски чистой любви?

Валерия:

— Я ничего не понимаю — удивленно переводила глаза с меня на Святослава Стелла, отставляя в сторону изящную чашку из тонкого фарфора — Вы женаты, но женитесь? Так? И любите друг друга, а вот это все? — она неопределенно взмахнула рукой- выходит, для нас — видеть идти друг друга не хотели. А сами там как школьники свидания втихую устраивали? Сказали бы сразу — Стелла, посиди с внуком, да и делов-то.

Я возблагодарила судьбу за корь- среди ещё не сошедших с лица нескольких красных пятен не так бросались в глаза те пятна, которыми я покрылась сейчас, от стыда. Метнув убийственный взгляд на вальяжно раскинувшегося на стуле Соболева, покачала головой- ему хоть бы что.

— Это я виноват, — верно расценил он мои намеки, приняв огонь на себя- Хотел освежить отношения, а Лера, вы ведь знаете, няне в жизни не оставит ребенка.

Соболев, конечно, немного преувеличил, но я с удивлением заметила, как расцвела Стелла от такой неприкрытой лести.

— Ну, это да. Кто, кроме бабушки, присмотрит как за родным? Никто? Верно, мой сладкий, — она послала поцелуй Теме, сидящему на коленях у Эдуарда.

— Ба, ба, — загулил Тема, радостно помахивая пухлыми ладошками в воздухе.

— Лера, — выдохнул в мое ухо Святослав, щекоча короткими волосками щетины шею- Открывай глаза.

Покрепче ухватившись за его руку, подняла ресницы- и замерла на месте. Восхищение, чувство реальности происходящего, заставили, всхлипнув от восторга, броситься на шею Соболеву:

— Спасибо, это...

Я не могла выразить своих чувств, но он и так меня понимал. Улыбаясь, обнял за плечи.

Мы так и стояли, обнявшись, в гостиной его дома, утопая в сотне цветов. Разных. Красивых и ярких, с крупными сочащимися влагой бутонами. Маленький, нежными и едва заметными на фоне буйства красок. Но не это удивило меня больше всего, а то, что на стенах в красиво оформленных листах нежно-розового цвета висели...признания Святослава. Вернее, даже не так- его воспоминания. Он решил подарить мне то, чего я так жадно желала.

"Когда я увидел тебя впервые, то сразу ощутил родство. Возможно, я боялся признаться в подобном даже самому себе. Маскировал его за желанием быть любящим заботливым дядей, коим представился. Но правда крылась гораздо глубже — я уже тогда полюбил тебя...".

"Твои письма, сообщения...наверно, это- единственное, что заставляло меня жить, дышать, ходить по этой гребаной земле. Я специально не читал их на работе или в поездках, нет. Больше всего на свете я ждал, как приду домой, открою их и буду перечитывать каждую строчку. Я гордился твоими успехами как если бы они были мои. Сопереживал твоим чувствам, смеялся над наивными, но в то же время, такими глубокими рассуждениями..."

"Честно сказать, в один прекрасный момент я испугался. Да, здоровый взрослый мужик з@ссал словно девчонка. Я боялся своей привязанности к тебе. Связи, что установилась меж нами, невзирая на расстояние. Того, как будто собачка, заждавшаяся хозяина, я с диким

восторгом бросаюсь к телефону, едва заслышав звук входящего сообщения в мессенджере или лечу к ноутбуку вечером, смаковать твои письма.

И я перестал. Сперва старался читать реже, но это было словно сократить вдохи воздуха — хотелось дышать больше и больше. И я решил обрубить на корню эту зависимость, прервать общение...."

"Я НЕ СМОГ! НЕ СМОГ! Да, я перестал отвечать тебе, читать письма. Но я узнавал все через своих парней, через того же Соколова, что охренел от моей повернутости на тебе... Словно жадный скупец собирал я крохи информации о своей девочке, наслаждаясь ими будто самым драгоценным сокровищем на свете..."

"День, когда я обо всем узнал, был одним из худших в моей жизни. Я снова ощутил и боль потери, и жесточайшее разочарование — наверно, я уже понимал, что желаю тебя больше, чем просто проект " Чудесная девушка Валерия". Нет, глубоко внутри себя я знал, что люблю. Не внешность- я почти не смотрел на твои фото. Твою душу- ты изливала в письмах всю себя..."

— Лера, — Соболев повернул меня к себе, жадно вглядываясь в мое лицо. Отблески свеч причудливо дрожали на стенах, мерцали на коже, окружая нас флером волшебства- Тот раз...В оранжерее. Я повел себя как м@дак.

Я едва заметно усмехнулась- разве только тогда? И Святослав, кажется, понял это, ухмыльнувшись в ответ. Но затем до дрожи серьезным голосом продолжил:

— Давай исправим его? Перепишем заново...

Believe me

Святослав:

Последние дни я будто летал на крыльях — отношения с Лерой становились все лучше и лучше. Она перестала бояться меня, почти. Теперь она дрожала только от желания, но иногда я замечал, как Лера вздрагивает от звука моего голоса. Да, наломал я дров- всю жизнь расплачиваться. Действительно, благими намерениями...

Пока она попросила две недели- подготовка к свадьбе, вернее, самой церемонии, ведь, согласно данным регистрационной книги одного из центральных ЗАГСов мы поженились более двух лет назад. В эти две недели она, хоть и переехала ко мне, но спала отдельно. Объяснив это тем, что хоть на этот раз хочет сделать все правильно. А не шиворот — навыворот, так, как все у нас было раньше.

Я согласился. Жажда обладать ею без остатка заставила немного подусмирить пыл. Какие-то гребаные четырнадцать дней- и Лера только моя!

Артем радовал больше всего на свете- казалось, небеса услышали мои просьбы. У меня есть семья, самая любимая, самая замечательная на свете. Семья, которую я никогда не потеряю. Ни за что!

— Да, — ответил на входящий скрытый номер, уже понимая, что это — Сокол.

— Слушай, Свят, у тебя минутка есть? — когда Леха начинал так, с места в карьер, значит, дело было действительно дрянь. Впрочем, с моим нынешним настроением и сообщение о моем полном финансовом крахе я встретил бы с блуждающей идиотской полуулыбкой на губах.

— Говори, — дал ему зелёный свет, на минуту задумавшись, как же чудесно будет смотреться на Лере тот комплект, что я ей выбрал вчера у одного из лучших ювелиров страны. Россыпь сияющих маленьких бриллиантов на ожерелье, выполненном в стиле множества крохотных звёзд, соединённых между собой вершинами, серьги в этом же стиле, тоже небольшие, будто звезды с небес сошли на землю, чтобы украсить ее нежные маленькие ушки. И кольцо, с одной, в противовес остальному комплекту, большой звездой, в середине которой будет много покачиваться "танцующий" бриллиант.

— Конечно, это — не телефонный разговор... — протянул мой дико нелогичный друг.

— Сейчас прилечу к тебе, пообщаемся, дай мне пару минут, — бросил я, наклоняясь к документам, которые просматривал вот уже полчаса, но сосредоточиться никак не мог- в голове набатом звучали тихие стоны Леры. Вчера мы устроили себе такой праздник любви, что сегодня моя девочка уезжала на ненавистную мне съёмную квартиру на ватных ногах. Благо, на личного водителя согласилась.

— Да? Ты серьезно? Через сколько встречаемся, где? — раздалось на том конце трубки.

Я не сдержал смеха — нашел, с кем шутить. При всей своей адекватности и порядочности был у Алексея Соколова один жирный минус- ну не понимал он порой шуток. Даже простых подколов, всерьез их воспринимая.

— Да ну тебя... — засопел обиженно Соколов- Не хочешь — не буду говорить.

Я закатил глаза- точно с капризной дамочкой разговариваю. Моя Лера — и та себя так не ведёт. Впрочем, Лера вообще кардинально отличается от большинства женщин, что встречались в моей жизни. Лера не обидится, и это- самое страшное. Она просто прервет

общение, навсегда вычеркнув тебя из своей жизни. Я, идиот, было дело думал одно время, что это — сугубо моё решение. А, оказалось, моя будущая жена во всех смыслах этого слова и тут обставила меня. Жила полной жизнью, почти не вспоминая обо мне, в то время как я с тоски на стену лез.

— Тут, вообще-то, под тебя копают, — деловито начал Соколов.

— Лех, что-то новое скажи мне, — лениво пробежав глазами по тексту, перелистнул страницу, — Я с этим сталкиваюсь едва ли не каждый день. Тебе почитать запросы, что моим прессакам* направляют? Если бы их объединить, обнародовать, то люди в шоке будут, какое я чудовище. Я там разве что младенцев на обед не ем...

— И снова Талова замешана, — видимо, я всё же сумел вывести нашего бойца из равновесия, иначе Леха бы не стал выдавать всю информацию сразу, потянул бы, помариновал.

— А вот это уже интереснее, продолжай, — сам того не заметил, как смял бумаги в ладони, уперевшись локтями в стол.

— Конечно, разговор не телефонный....- вновь включил заезженную пластинку Соколов.

— Леха! Твою ж... — взорвался я. Он что, шутит?!

— Лады, лады! Не бесись, — примирительно начал Соколов- В-общем, ее видели с самим Симоняном. Сидели в кафе, общались...Ну, ты знаешь, этот волосатый урод просто так ничего не делает...

Да, я знал. Это м@дак давно действовал мне на нервы, поджимая в бизнесе. Наши компании частенько соревновались за крупные контакты в одной нише, и если я всегда честно старался соблюдать принципы конкуренции, то о Симоняне этого не скажешь — готов был идти по головам. Или по трупам- его конкуренты пару раз исчезали без вести чудесным образом. Полиция не только не находила никаких улик против него, но даже и причин для того, чтобы отнести их пропажу к разряду уголовки. Так, подумаешь, захотел испариться человек. И кто его остановит? А ещё одного так запугали, что тот, собрав семью, спешно продал буквально за копейки свои заводы все тому же Симоняну, улетев навсегда из страны.

— Когда это было? — хрипло бросил я в трубку, уже предполагая, что услышу в ответ. Наблюдение за Лерой и Артёмом я установил совсем недавно, и то, в целях безопасности. А Сокол рекомендовал мне своих лучших парней, да и так, находясь по ту сторону земного шара, как оказалось, мониторил ситуацию и сам.

— Несколько дней назад- припечатал меня Соболев....

— Эй, Свят, ты чего молчишь? — раздался в трубке Лехин бас.

— Да так, перевариваю услышанное, — хмыкнул я в ответ.

— Так делать-то что?

Леха умудрялся и за океаном работать, и у меня, считай, главным безопасником оставаться. Как в старые добрые. Естественно, я в долгу никогда не оставался.

— Делать? А делать, Сокол, ничего не будем, — вдруг усмехнулся, бросив смятые бумаги в урну.

— В смысле? Наблюдение продолжать?

— Нет, думаю, информации достаточно, — заиграл желваками, вставая с кресла, Я уже знал, что буду делать.

*Прессаки- пресс-служба

Валерия:

— Лера? — Святослав лениво поглаживает большим пальцем мою ладонь, пока я просматриваю в ноутбуке план новой выставки. Каюсь, но я согласилась принять его помощь. Не ради себя — несколько моих картин я размещу без подписи, а ради тех талантливых художников и скульпторов, что так смогут найти свою аудиторию, показать творения более широкому кругу лиц, ну и, чего уж греха таить, более состоятельному кругу.

— Ммммм? — нежно тяну в ответ, не в силах сосредоточиться ни на чем, кроме его присутствия.

— Скажи, в этом месяце ты встречалась с одним человеком... Симонян, Артур, — мне показалось, или в голосе Святослава промелькнуло нечто, схожее с отвращением. Удивилась вопросу, но ответила, не в силах даже обдумать, зачем он спрашивает об этом:

— Да, встречалась. Он хотел предложить сотрудничество, но так и не сказал толком ничего. Просто тянул время... Оставил визитку, сказал, что ещё свяжется.

— И больше ничего? — он обнял меня, усаживая на колени.

— Неа. Он вообще странный какой-то, я пожалела, что приняла приглашение на ужин... — невольно кинула быстрый взгляд на Соколова. Как он воспримет факт, что я ужинала с другим мужчиной? Обещал спокойно и без конфликтов. В конце концов, моя работа заключалась в непрерывном общении, взаимодействии- с владельцами помещений, авторами, СМИ и еще множеством других людей. И Святослав обещал не ограничивать меня в этом. Более того, он способствовал моему восстановлению на учёбе, за что я ему была бесконечно благодарна. С малышом на руках мне было совсем не до этого.

— Странный, говоришь? — слегка толкнулся бедрами в меня Соболев, выбивая дыхание из лёгких. Жар пробежал по телу.

— Ага, — только и смогла сказать в ответ, полностью откидываясь на него.

Соболев быстрым движением забрал ноутбук из моих рук, отставив его чуть подальше на диван. Подвинув меня на себе так, что я почти распласталась спиной на его теле, он обхватил мои груди, лаская их своими большими руками.

— Лера-аа, — с придыханием простонал он, уперевшись в мою попку членом- Я хочу тебя.

Я взволнованно оглянулась на дверь. Соболев хмыкнул:

— Никто не войдёт. Я отпустил всех ещё когда пришёл.

Я хотела было возмутиться, что сотрудники, всё же, мои, но следующие его движения выбили из меня все мысли. Я словно желе растекалась по его сильному телу, пока он целовал мою шею, одновременно легонько пощипывая соски под тонкой тканью бюстгалтера. Наконец, освободив груди от кружевного плена, он обхватил их руками, сжимая так, что я невольно выгнулась на встречу эти жадным движениям. Эта игра была сводящей с ума, я невольно начала двигать бедрами, чтобы ещё ближе, ещё теснее прижаться к его возбуждённому члену. Желая скорее освободиться от только мешающей нам одежды, попыталась приподняться, но Святослав тут же обхватил рукой мою талию.

— Нет, Лер-р-ра, сегодня будет не так, — выдохнул он слегка грубовато, но мне уже было все равно. Я изнемогала от желания. Его мужской запах будоражил, заставлял прижиматься ближе и ближе, желая слиться воедино.

— Пожалуйста, — вырвалось помимо воли хныкаяюще, а он лишь усмехнулся в ответ. В один рывок приподнял, поставив так, что коленками я упиралась в диван, а телом почти лежала на кожаной спинке. Разведя мои ноги в стороны, он быстро приспустил мои джинсы и трусики вниз, до колен. Провел несколько раз членом по моим набухшим складочкам, не спеша толкнулся вперёд, но не вошёл.

— Пожа-а-а-луйста, — вхлипнула я, прогнувшись навстречу ему.

Он усмехнулся, резко заполнив меня собой так, что я застонала, не выдержав. " Дааа, дааа"- двигаясь с ним в едином темпе, я скользила по кожаной поверхности дивана набухшими чувствительными сосками. Звук, с которым он брал меня, подчиняя себе, казался самой чудесной музыкой на свете. Развратные шлепки тел друг о друга...

— Даа, ещё...Дааа- стонала я, когда он одной рукой опустил вниз, от живота к влажной пульсирующей горошинке клитора, накрывая ее пальцами. Я открыла рот, жадно глотая воздух. Наслаждение уносило далеко отсюда, тёплыми, все усиливающимися волнами расходясь по телу.

Позже, обнимая меня, Святослав хрипло бросил:

— Некоторое время тебе придется побыть под охраной. Тебе и Артёму.

— Почему? — привстав, совсем не стесняясь своей наготы, заглянула ему в глаза- Нам грозит опасность? — страх сковал, заставляя замереть в ожидании ответа. Нет, не за себя- за Тему.

Я уже знала про Алёну, знала про то, что в отношении самого Соболева пару раз предпринимались попытки покушения. Но это было так далеко от моего мира, от меня самой, что вряд ли я об этом задумывалась. А уж, тем более, относилась к себе. Кому нужна я? Нелюбимая, презируемая навязанная лишь его внутренней порядочностью жена? В то время он ведь действительно думал, что спасает меня от саморазрушения. Да и все видели, что не только не живём вместе, а даже не общаемся.

А теперь?

— Хорошо, — кивнула, понимая, что он прав- А почему это нужно?

— Я пока не могу сказать точно, но одно знаю- ты не должна больше общаться с Симоняном, ни под каким предлогом- он испытующе взглянул на меня, будто ожидал чего-то. Но я лишь снова кивнула в ответ. Зачем мне Симонян, что неожиданно предлагал мне очень большую сумму и помощь в организации выставок, не пояснив, зачем это ему, и что я буду должна по итогу. Теперь мне помогал Святослав. Первое время я буквально с ума сходила от того, что не смогла " выплыть" сама, вынужденная принять его помощь. Но Святослав так спокойно и мудро расставил всё по полочкам, что мне даже стало стыдно за свой почти подростковый глупый максимализм.

"Нет ничего страшного в том, чтобы принять помощь. Ты уже добила много, чего упорно предпочитаешь не замечать. Ты получила грант, ты смогла собрать целую компанию, ты растила ребенка- и в то же время работала. Одна"- когда он это говорил, то восхищение в его взгляде заставило меня буквально плавиться от счастья. Он мной восхищается! Казалось, я готова свернуть горы ради ещё одной дозы. Пускай гордится мной.

— Да, слушаю, — я все ещё не могу отойти от того марафона, что устроил мне Соболев, буквально ворвавшись в наш маленький офис, и выгнав всех сотрудников. Благо, после года практически надомной работы, мы смогли получить грант от мэрии, использовав почти весь на аренду этого помещения. "Талантливая молодежь не должна прозябать в безденежье"-

сально тогда улыбался мне мэр, вручая заветный грант, будто даёт деньги из своего кармана. И после пару раз звонил, невесть откуда найдя мой номер. Будто бы по организационным вопросам, но я быстро осадил его. Каюсь, соврала — дескать, занята, готовлюсь к возвращению мужа, он должен его знать, Святослав Соболев. Мы с ним немного повздорили, я решила проявить характер, уйдя без копейки "в закат". Но сейчас отношения наладились, и он вот-вот прилетит и заберёт меня обратно. Надо сказать, это подействовало лучше всяких отговорок или прямого отказа — сперва, конечно, мэр сомневался. Но когда я мило сообщила о том, что буду рада пригласить их с супругой в наш с Соболовым дом, то начал мямлить благодарность, а затем и вовсе повесил трубку. И даже на торжественном приеме по случаю грантов не появился, сославшись на весьма плотный график. Правда, и я не ходила, отдав предпочтение сыну, а не рисованию перед другими. Юля, что пошла вместо меня, все расстилавалась, что его там не было- она подготовила пару предложений для мэрии, и несколько дней проедала мне мозг, сетуя на то, что я так жестко отшила мэра. На что я лишь отмахнулась, в шутку предложив ей самой охмурить его.

— Лера? — мужской голос на том конце провода был смутно знаком- Это Алексей Соколов, друг твоего... — он на мгновение замолчал, но тут же исправился — мужа.

Соколов. Тот самый, что прятал глаза, когда выдавал очередную лживую версию о том, как Святославу понравилась моя картина. Или как он не смог позвонить, так как разница во времени плюс его сильная занятость, но зато отправил мне очередную сумму денег и дорогой подарок...Верный Санчо Панса при лживом Дон Кихоте. Въедливая обида закипела внутри, но тут же растворилась в осознании- он уже тогда боролся со своими чувствами ко мне. Не желал привязываться. Он ведь сам в этом признался.

— Да, я узнала. Привет, Алексей.

— Слушай, я бы хотел встретиться, поговорить, — заметив, что я молчу в нерешительности, он добавил — Лера, это очень важно. Очень. И для Свята в первую очередь.

— Хорошо, — согласилась я, все ещё не понимая, что происходит и что от меня требуется. На мгновение даже подумалось, что вдруг это какая-то предсвадебная шутка от Соболева, нечто вроде похищения невесты. Нет, такой ерундой он заниматься не станет. Может, сюрприз? Уже более вероятно. Предсвадебный. Видно, из-за этого и Соколов прилетел, ведь, судя по последней информации, он был далеко за океаном.

— Валерия, — глаза Артура влажно поблескивали- Вы точно уверены, что он не знает?

Я еле сдержала нервный смех- за столом чуть поотдаля сидели трое его амбалов-охранников, а ещё двое протирали штаны в одном из больших джипов у входа. А Симонян всё также до дрожи боялся Святослава. Боялся и ненавидел одновременно. И причину этой ненависти я никак не могла понять. Отчего он так ненавидит одного из своих заклятых конкурентов? От того, что Соболев не прогнулся и не испугался?

— Нет, они ждут меня у дома родителей, думая, что я у них, — не стала углубляться я в подробности.

— Хорошо, Валерия, — он потянулся полной волосатой рукой ко мне, а я едва сдержалась, чтобы не поморщиться- Вы ведь уже знакомы с некоторыми...кхम्म... деталями его жизни?

— Да, — кивнула я, страстно желая сбросить с себя липкую ладонь — Знакома.

— Я не буду ходить вокруг да около, это от меня люди пытались спасти тебя. Я знаю

все, что он творил с тобой. Как запер в подвал. — на вопрос в моих глазах, хмыкнув, пояснил- Анатолий. Скажи, разве он не пытался помочь тебе? А что получил взамен? Этот урод- наконец-то Артур убрал руку с моей, будто паук отпустил ненадолго глупую муху- Разбил ему все лицо. Толя тогда ко мне весь покалеченный приполз, зло затаил. И много интересного рассказал о твоём муженьке- последнее слово он выплюнул с ненавистью.

— Что вы хотите от меня? — нервно выпрямилась, пытаясь не растерять остатки самообладания.

— Умная девочка, — осклабился Артур- люблю таких. Все четко по делу, без воды лишней. Короче, его нужно посадить и надолго, но для этого мне нужен кто-то, кто вхож в его ближний круг.

— Охрана? — повела плечом я.

— Неподкупные, мать их, — недовольно хмыкнул Артур- Да и многие с ним в делах замешаны, что, дураки под самих себя рыть? Короче, мне нужна твоя помощь.

— В чем она будет заключаться, и чем это будет выгодно мне? — слегка изогнула бровь, как видела делает то героиня одного из старых фильмов о гангстерах.

— Ахаха, нет, мы определенно подадим, — окинул меня уже заинтересованным взглядом Симонян- Твой ребенок (меня мороз по коже пробрал от одного тона, которым это было озвучено) останется полным и единственным наследником всего его состояния. И ты, конечно, — вовремя добавил он, но видно было, что человек женщин особо за людей не считает —. Конечно, и я помогу деньгами. Тебе нужно всего лишь отнести вот это- он достал из сумки, что стояла рядом на стуле, коричневую статуэтку в виде какого-то божества размером с голову человека. Придвинув её ко мне на столе, проинструировал:

— Ты должна будешь поставить это в его кабинет. Там внутри — жучок, он будет писать все его разговоры.

— А почему вам просто не установить прослушку его телефоны? — спросила, рассматривая статуэтку. Какое-то мерзкое липкое чувство страха охватило при одном взгляде на мертвенное каменное лицо.

— Он не скажет того, что мне нужно, по телефону, — отрезал Симонян, сжав руки в кулаки. Было видно, как ему начинает надоедать общение со мной, мои расспросы. Этот человек явно привык к тому, что любые его приказы исполняются немедленно.

— Хорошо, значит, я просто должна отнести вот эту статуэтку к нему в кабинет? Сколько вы готовы за это заплатить? И когда?

Неподалеку подали первые признаки жизни охранники. Тихие отрывистые фразы, один из них ухватился за наушник в ухе, внимательно слушая. Точно какой-то бандит из девяностых, у всех людей уже телефоны давно.

— Что происходит? — повернулся Артур к ним, но тут двери огромного частного кабинета с диким треском разлетелись в стороны. А на пороге появилась группа захвата во главе с Соколовым:

— Вечер добрый, — издевательски кивнул он головой опешившим Артуру и его охране. Те было дернулись, но тут же подняли руки вверх, здраво рассудив, что численно и оружием их превосходят в разы. Люди Соколова тотчас бросились к ним, принявшись укладывать на пол одного за одним

— Ну, Артурчик, вот мы и встретились, — гаркнул Соколов, подойдя ближе к столу- Что это такое? — глянул он на статуэтку — Занятные вещицы дамам даришь- будто невзначай задел он краем автомата статуэтку, и та опасно накренилась над полом. В это

время глаза Артура в ужасе округлились, а сам он, побелев как мел, попытался броситься вон из здания. Но Алексей одной быстрой подсечкой "уронил" его на пол, заставив заскулить, зажимая руками разбитый нос

— Не бойся, ублюдок! С нами саперы, мы ведь с тобой прекрасно знаем, что внутри-кивнул он на статуэтку, что теперь стояла на краю-Ты сядешь и надолго за покушение на убийство!

Артур вдруг начал дико хохотать, отчего кровь алыми толчками стала просачиваться через пальцы.

— Лера! — раздался голос, заставивший меня обмереть от испуга. Я даже на встрече с этими бандитами так не нервничала.

Соболев. Разъяренный словно лев он стоял в дверном проёме, сверля меня взглядом. Мир будто замер вокруг, никого, кроме нас двоих. Сглотнув, я невольно отшатнулась от той злости, что исходила от него пульсирующими волнами.

— Свят, остынь. я... — Соколов было двинулся к нему, но Святослав откинул его с пути словно пушинку.

— Отвали, Сокол! — рывкнул он, а затем, подлетев ко мне, ухватил за руку- Пойдем, нам нужно поговорить!.

Святослав:

Я не знаю, как смог сдержаться. Мне хотелось крушить все вокруг себя, разбить морду Соколу, а эту...утащить в дом и отыметь так, чтобы неделю встать не могла с кровати. Как?! Как, мать твою, можно быть такой!?

— Я не...это все было...Ты не так понял — мямлила она, вжимаясь в сиденье рядом со мной. Я сжал руль до побелевших пальцев, но не ответил ничего. Не здесь, не сейчас.

Молча отвернулся, стараясь смотреть лишь на дорогу, но изредка бросал быстрые взгляды- Валерия, бледная, с подозрительно трясущейся нижней губой, нервно обнимала себя руками, безучастно глядя перед собой. Мчал, почти не видя дороги- надо было водителя вызвать, но едва узнав о случившемся, я взбесился так, что едва мог думать о чем-либо ином, кроме как о желании свернуть тонкую шейку этой идиотки!

Как только въехали в ворота, я резко затормозил, заставляя шины дымиться на мокром гравии дорожки, не доехав до гаража каких-то несколько метров. Точно хищник, почувывший добычу, обошел машину, открыл дверь с пассажирской стороны. Лера ахнула, тут же попытавшись отстраниться. Но бежать было некуда.

Воспользовавшись её замешательством, обхватил ее за бедра, чуть подбросив вверх, уложил на плечо. Лера попыталась протестовать, но увесистый шлепок по задку заставил ее замолчать.

Открыв двери ногой, я переложил свою ценную ношу на руки.

— Святослав, пожалуйста, — шепотом бросила Лера, пытаюсь поймать мой взгляд.

— Лучше молчи! — рыкнул я, взбегая с ней на второй этаж.

Бросив Леру на кровать в спальне, принялся раздеваться. Молча, не отрывая от нее взгляда, в котором сквозила ледяная ярость.

Испуганно всхлипнув, Лера принялась отползать назад, что-то бросая почти одними губами. " Не нужно в подвал!" — смог разобрать. Эта фраза- ведро холодной воды на голову. Сразу и настроение упало, и стояк. Фак! Она меня боится! До дрожи! Вот же...

— Лер, ты чего? — обнял ее, прижимая к себе- глупенькая моя, успокойся.

Напряжение внутри разрасталось, грозя взрывом, но я сдерживал себя. Ради неё. И красная пелена перед глазами начала медленно рассеиваться.

— Я не предавала тебя, — всхлипнула она, чуть отстраняясь. Ее золотистое платье в свете ламп пылало точно пламя огня, казалось, дотронулся пальцем — и сгоришь без остатка. Черт! Я и так горю с ней, каждый день — эмоции, чувства, любовь. Моя!

— Я знаю, — кивнул ей, видя, как она не может справиться с удивлением- И даже если бы предала- я бы не смог отпустить, простил бы, — признание слетело с губ с неестественной лёгкостью. Признание в любви. В своей слабости. В зависимости от этой маленькой темноглазой колдуньи.

— Знаешь? — она недоверчиво глядела, такая трогательная и маленькая, беззащитная. Снова нервно провела ладошкой по колену, отчего меня обдало жаром. Хитрит? Но в ее взгляде читались лишь растерянность и неуверенность в себе.

— Конечно, Лера. Я, хоть и обычный человек, но вед не дебил совсем- думаешь, я ваши игры с Соколом не понял? — и тут меня прорвало. Я притянул Леру к себе, встряхнув, обнял,

уткнувшись носом в сладкую впадинку между шеей и ключицей — Дурочка, он ведь мог убить тебя! Я злюсь, потому что ты не сообщила мне, потому что глупо рисковала своей жизнью!

— Но это было необходимо, — прошелестела она, обнимая в ответ. Моя девочка. Моя сладкая маленькая героиня, мать его! Я и бесился от того, что она не послушалась, рисковала собой, и охренеть как раздувался от дичайшей смеси гордости и счастья — она сделала это ради меня! Меня, чёрт побери! Да ради меня никто бы и пальцем не пошевелил, кроме Лехи. И того, возможно, мучали флешбеки совести за то, что я спас ему жизнь.

— Лера, — медленно начал, бездумно проходя ладонью по её бедру- Никогда так не делай больше. Я благодарен тебе, но если...если бы я потерял тебя...

— Ты меня никогда не потеряешь, — перебила она, впиваясь в мои губы самым обалденным поцелуем в моей жизни — Я люблю тебя.

Игриво сбросив мою руку, она, не отрывая взгляда, стала аккуратно и невыносимо медленно поднимать вверх подол тонкого платья:

— Что ты делаешь? — задал дебильный вопрос, совершенно растеряв злость. Решила воспользоваться старым как мир методом, не не выйдет...Или...

— Мне холодно, ты ведь вытащил меня на мороз без пальто! — в притворном возмущении надула губки.

— Это было на пару секунд, до машины, — как и все слабые в этом плане представители сильного мужского пола невольно включился я в изощренную игру.

— А я замёрзла! — оттолкнула она меня, вставая. И куда только слезы делись? Как заправская соблазнительна Лера приподняла подол платья, оседлав меня. Затем, лёгким движением руки, опустила тонкие лямки, отчего ее охренительные груди оказались перед моим лицом.

— Я все равно Соколу лицо подправлю- он обязан был сказать мне... — уже беззлобно бросил, увлекая ее за собой на кровать, покрывая поцелуями бархатную нежную кожу.

Epilogue

Эпилог:

Святослав:

— Лера, я дома! — как одуревший едва ли не прыгал от радости, каждый раз возвращаясь домой. Лере удалось превратить нашу маленькую семью в гавань счастья и безмятежности. Маленькая, но с сильным характером, притом, проявляющимся не в вечных придирах и ссорах, а там, где нужно — в работе, учёбе. Лера "из принципа" закончила ВУЗ по специальности "живопись и изящные искусства", добилась успеха и с галереей-маленькими, но упорными шажками, из гордости отказываясь от моей протекции. Первое время я взирал на это с лёгким недоумением- зачем самой себе осложнять жизнь, ставить препоны, когда вот он я. Рядом, готовый помочь, с сотней возможностей для той самой помощи. Но потом, увидев, как искренне моя новоиспечённая галеристка искренне радуется своим успехам, как гордится собой, и сам стал раздуваться от гордости как павлин- Валерия уникальна. Самостоятельная, талантливая, с чувством собственного достоинства. Моя Любимая.

В доме непривычно тихо. Правда, с тех пор, как Лера распустила почти всю прислугу, не желая "жить как снобы", лишь изредка пользуясь клинингом, только подросший Артёмка вносит хаос и безумие в тишину и идиллию будней. Я еле отстоял охрану, такой размазней стал- стоило "мадам Соболефф" с хитринкой взглянуть на меня, будто ненароком облизнуть губы или загадочно улыбнуться, слегка поглаживая меня ладошкой по груди- всё. Я таял как гребаное мороженое в жаркий день. И готов был выполнить все ее условия.

Пройдясь по дому ощутил неприятный холодок внутри- никого, где, мать его, моя жена?! Почему не позвонила, что задерживается на работе? Я бы забрал! Артёмка, наверно, у Стеллы с Эдуардом? Тренируются на нём- эти двое недавно решили усыновить малыша из детдома. Чтобы "пройти все радости родительства"- по крайней мере, так мне заявил Эдуард, до невозможности довольный предстоящей возможностью. Я-то его поддержал, похлопал по плечу, но в душе, конечно, тихо поржал, уж простите за мой французский — а раньше чего тянули? Столько лет не решались, а тут на тебе, молодые родители.

Впрочем, лезть в чужую жизнь (если только это- не жизнь Таловой, тогда, в уже кажущимся невыносимо далёким прошлом) мне всегда казалось неправильным, поэтому я только поздравил "будущих родителей".

— Лера?! — чёрт! Тишина. Оставив пакет с подарком на столе в гостиной, вернулся в коридор. Надо позвонить ей. А лучше поехать и за руку вытащить из этой своей мастерской. Сколько раз говорил- дома устраивай. Хоть весь дом под нее переоборудуй!

Вдруг позади послышался шорох, я обернулся, а через мгновение:

— Сююююрприиз! — раздался нестройный хор голосов, и в большой гостиной включился свет. Лера, Тумановы, Артёмка улыбались как блаженные, утопая в шарах розового и голубого цветов, среди которых мерно покачивался в воздухе один огромный. Белый, полностью непроницаемый. Что за... Неужели это то, о чем я думаю?

— Лер-а-а, — хрипло выдохнул, чувствуя, как сердце сжимается в груди. Краем глаза зацепил расплывшуюся в улыбке физиономию Соколова на диване, позади всех. И этот тут, уже как член семьи. Впрочем, так оно и есть. Припёрся поздравлять, даже несмотря на проблемы, что у самого с работой- Сокол особо не любит распространяться о работе.

Вернее, почти никогда не говорит, ибо и соглашением часто связан, и сам — не трепло. Но тут я буквально открыв рот на днях выслушивал от него, как его довела "наглая беспринципная девчонка"- дочка нанимателя. Вернее, его подопечная. Я тогда лишь поржал, что Соколов на старости лет в няньки заделался, горе-охранник, а оказалось, "ребёночку"-то — 20 лет. Взрослая девочка, однако.

— Да, — тихо, почти одними глазами, ответила она, прижимая ладонь к животу.

— Папа! — звонко бросил Тема, протягивая ко мне руки. Стелла аккуратно опустила внука на пол, и тот побежал ко мне.

Валерия:

— Три-два-раз! — громко скандировали гости, и я с улыбкой поднесла длинную тонкую иглу к большому шару над нашими с мужем головами. Хлопок- и на нас посыпались лазурные и светло-розовые конфетти, оседая ярким дождем на одежде и волосах

Я едва не засмеялась в голос, увидев недоумение в глазах мужа:

— У нас двойня, дурачок!

Соболев подхватил меня на руки, закружив. А затем, остановившись, прижал к себе. Наклонившись, прижался лбом к моему:

— Лера, я так люблю тебя...у меня слов не хватает, я...Охренеть, какой счастливый. Спасибо тебе...

— Позже поблагодаришь, в кровати, — лизнула я его губу, чуть прикусив. Взгляд Соболева потемнел, радужки буквально растворились, став полностью черными.

— Тогда предлагаю пройти в спальню? — обвил меня руками, прикоснувшись подбородком к макушке- Что скажешь?

— Гости... — неуверенно бросила я, сама желая мужа не меньше.

— Им и без нас неплохо, — кивнул муж на то, как втроём заседали на Артёма наши близкие. Тот с не меньшим счастьем купался в тройном внимании.

— Хорошо... — шепотом бросила мужу- Я поднимусь одна, а ты выйди через пару минут.

Точно дети малые. Но это даже придавало особую пикантность ситуации. Соболев усмехнулся, шутливо салютуя:

— Есть, шеф!

Больше книг на сайте - Knigoed.net